

2023
N 2 (64)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Заместитель главного редактора

Deputy Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

КАРНАУХОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KARNAUKHOVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

<p>ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет, Израиль</p>	<p>GHANAYIM Kh., LLD, Professor, University of Haifa (Israel)</p>
<p>ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области</p>	<p>GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk region</p>
<p>ГРЕЧКИНА О.В., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации</p>	<p>GRECHKINA O.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration</p>
<p>ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина</p>	<p>GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin</p>
<p>ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет</p>	<p>IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Kuban State University</p>
<p>КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева</p>	<p>KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev</p>
<p>КОМИССАРОВА Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет</p>	<p>KOMISSAROVA E.G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Perm State National Research University</p>
<p>ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет</p>	<p>LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Togliatti State University</p>
<p>МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России</p>	<p>MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation</p>
<p>МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове</p>	<p>MAL'KO A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov</p>

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee of the Republic
of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий
(категория 1 (К1) по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 26.06.2023. Дата выхода в свет 30.06.2023

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 11.

Тираж 300 экз. Заказ N 026. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности	Section 1. Methodology of law enforcement activities
МАЛЬКО А.В., ЛИПИНСКИЙ Д.А., ИВАНОВ А.А., МАРКУНИН Р.С. Низкое качество законотворчества как одно из проявлений юридической аномии	MALKO A.V., LIPINSKY D.A., IVANOV A.A., MARKUNIN R.S. Poor quality of lawmaking as one of the manifestations of legal anomie
6	6
БЛАЖЕВИЧ Н.В., БЛАЖЕВИЧ И.Н. Государственная власть в юридическом и этическом аспектах	BLAZHEVICH N.V., BLAZHEVICH I.N. State authority in legal and ethical aspects
20	20
Раздел 2. Юридическая конституциология	Section 2. Legal Constitutionology
МЕЩЕРЯКОВ А.Н. Формы публичной власти в конституционном праве России	MESHCHERYAKOV A.N. Forms of public authority in the constitutional law of Russia
31	31
Раздел 3. Уголовный закон	Section 3. Criminal law
УСЕНКО С.П. Номенклатура и содержание субинститутов Общей части российского уголовного права	USENKO S.P. Nomenclature and content of the sub-institutions of the General part of the Russian criminal law
43	43
Раздел 4. Уголовно-процессуальное обозрение	Section 4. Criminal procedural review
КОРНАКОВА С.В., ОСИПОВА М.А. Особенности проверки сообщений о преступлениях, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников	KORNAKOVA S.V., OSIPOVA M.A. The specifics of verifying the reports of crimes, committed by the collection agencies employees against debtors and their relatives
51	51
Раздел 5. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности	Section 5. Criminalistic provision of law enforcement activities
ПАХОМОВ С.В. Сущность отдельных видов предъявления для опознания при расследовании преступлений в сфере агропромышленного комплекса	PAKHOMOV S.V. The essence of certain types of presentation for identification in investigating the crimes in the sphere of agro-industrial complex
63	63
Раздел 6. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей	Section 6. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view
АЛЕКСАНДРОВ С.А. Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц	ALEXANDROV S.A. Main directions of optimizing the domestic criminal legislation on liability for crimes related to the bankruptcy of individuals
71	71

АСТАФЬЕВ И.Н. Современная
правоприменительная практика обеспечения
административно-правовой охраны
деятельности полиции

80

ASTAFYEV I.N. Modern law enforcement
practice of ensuring the administrative
and legal protection of police activities

Раздел 7. Обзоры, рецензии, критика

Section 7. Reviews, critiques

СЕРГЕЕВ А.Б. Отзыв на диссертацию
А.Н. Антонова «Расследование преступлений
в условиях международного вооруженного
конфликта (правовое обеспечение,
организация, методика)»

89

SERGEEV A.B. Review of the thesis
by A.N. Antonov "Crime investigation
in the context of international armed
conflict (legal support, organization,
methodology)"

ЧЕРНОВА С.С. Отзыв на диссертацию
Н.А. Андроник «Меры пресечения, избираемые
судом по ходатайству органов предварительного
расследования: проблемы правоприменения
и законодательного регулирования»

96

CHERNOVA S.S. Review of the thesis
by N.A. Andronik "Preventive measures,
chosen by the court at the request
of the preliminary investigation bodies:
problems of law enforcement
and legislative regulation"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1, 5.1.2

Низкое качество законотворчества как одно из проявлений юридической аномии

Александр Васильевич Малько,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, alex25-58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>

Дмитрий Анатольевич Липинский,

доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

Александр Александрович Иванов,

кандидат юридических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

Роман Сергеевич Маркунин,

кандидат юридических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, markunin88@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-4848>

Аннотация. Статья посвящена имеющимся в российском законодательстве пробелам и коллизиям, обусловленным низким уровнем восприятия положений действующей Конституции Российской Федерации отечественным законодателем, что оценивается как одно из проявлений юридической аномии. Определяемая в качестве сложного многоаспектного явления, аномия в данном случае рассматривается с точки зрения ее правовой составляющей. Одним из наиболее важных проявлений юридической аномии выступает правовая неопределенность действующих законоположений, такое их свойство, которое анализируется в работе на основании изучения соответствующих актов Конституционного Суда Российской Федерации. Проявления юридической аномии рассматриваются в зависимости от отрасли права (области публичного и частного права, трудовое и уголовно-процессуальное законодательство), а также с точки зрения направленности законодательных норм на регулирование конкретных вопросов. Анализ, таким образом, проводится с точки зрения отраслевого и функционального критериев. Делается вывод о том, что юридическая аномия представляет собой одно из наиболее опасных явлений в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: качество законотворчества, Конституционный Суд Российской Федерации, ошибки в законотворчестве, пробелы в праве, юридическая аномия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда N 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

Для цитирования: Малько А.В., Липинский Д.А., Иванов А.А., Маркунин Р.С. Низкое качество законотворчества как одно из проявлений юридической аномии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 6-19.

Poor quality of lawmaking as one of the manifestations of legal anomie

Alexandr V. Malko,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Togliatti State University, Togliatti, Russia, alex25-58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>

Dmitriy A. Lipinsky,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Togliatti State University, Togliatti, Russia, dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

Alexandr A. Ivanov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Togliatti State University, Togliatti, Russia, ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

Roman S. Markunin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Togliatti State University, Togliatti, Russia, markunin88@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-4848>

Abstract. The gaps and conflicts in the Russian legislation, resulting from the low perception of the provisions of the current Russian Constitution by the domestic legislator, being assessed as one of the manifestations of legal anomie, are considered. The anomie, being defined as a complex multidimensional phenomenon, is considered in terms of its legal component. The legal uncertainty of the current legal provisions is argued as one of the most important manifestations of legal anomie. This property is analyzed in the article based on examining the relevant acts of the Constitutional Court of the Russian Federation. The manifestations of legal anomie are considered depending on the branch of law (the areas of public and private law, labor and criminal procedure legislation), as well as in view of the legislative norms' orientation towards regulation of the specific issues. Thus, the analysis is carried out in terms of branch and functional criteria. It is concluded that the legal anomie represents one of the most dangerous phenomena in the domestic legal system.

Keywords: quality of lawmaking, the Constitutional Court of the Russian Federation, errors in lawmaking, gaps in the law, legal anomie

Acknowledgments: the research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

For citation: Malko A.V., Lipinsky D.A., Ivanov A.A., Markunin R.S. Poor quality of lawmaking as one of the manifestations of legal anomie // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 6-19.

Являясь одной из основных проблем правовой культуры российского общества, низкое качество правотворчества и неопределенность существующих нормативных правовых актов могут рассматриваться как проявления юридической аномии в действиях отечественного законодателя. Проблемы недостаточно эффективной законотворческой деятельности связываются обычно с рядом объективных и субъективных причин, хотя системный подход к возникновению подобного рода нормативных недостатков наблюдается в специальной литературе довольно редко. Однако представляется, что низкое качество нормативного материала, как и многие другие проблемы в сфере организации государственной деятельности по управлению обществом, могут быть связаны с изначальной дезорганизацией подобного рода отношений, их неорганизованностью

и недостаточной урегулированностью, что может быть рассмотрено в качестве отдельных проявлений аномии в правотворческом процессе. Низкое качество законодательного нормативного материала в данном случае будет выступать не только условием возникновения, но и одной из причин существования явления юридической аномии в российском обществе.

Как отмечает С.И. Кириллов, в определенном смысле этого слова аномия выступает в качестве имманентного недостатка, присущего таким подсистемам общества, как ценностная, экономическая, политическая и правовая. В последнем случае она проявляется в неспособности государства функционировать в рамках существующего позитивного права, что обозначается в качестве дисфункции соответствующей правовой системы [1, с. 121].

М.С. Бороздина, в свою очередь, считает, что юридическая аномия имеет два основных измерения, в качестве которых она указывает нормативно-правовое (содержание и направленность принимаемых законов и подзаконных актов, уровень их социальной оправданности) и организационно-институциональное (эффективность деятельности государственных структур) [2, с. 118].

Аномия выступает в виде явления, оказывающего деструктивное влияние на правовую подсистему общества, но именно правовая культура синтезирует для человека его правовой статус, общество с его правовой системой, государство с принимаемым им законодательством и формируемой им правоохранительной системой [3, с. 772]. Это обуславливает актуальность проблемы измерения уровня юридической аномии, присущего определенным государственным институтам, разработки соответствующих критериев и параметров ее оценки.

Рассмотрение Конституции в качестве документа, имеющего принципиальное значение для учреждения нового государства на основе неких ключевых принципов, предполагает, что отступление от норм Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в рамках правотворческой деятельности свидетельствует о возможной угрозе не только конституционной законности, но и состоянию национальной безопасности в целом, в перспективе может повлечь угрозу как национальному суверенитету, так и территориальной целостности государства.

В литературе отмечено, что самостоятельной и универсальной правовой категорией, которая отражает обусловленное Конституцией РФ состояние соотносимости, согласованности, соподчиненности правовых норм, исходя из их юридической силы и с учетом федеративной структуры Российского государства, действующих в пределах его территории, обеспечивающих укрепление конституционной законности, суверенитет и целостность государства, верховенство прав и свобод человека и гражданина, упорядоченность и качество правового регулирования на различных уровнях, является категория правового пространства [4, с. 43].

О состоянии отечественного правового пространства и правовой культуры могут свидетельствовать данные о количестве и качестве принимаемых в государстве законов, о законодательных пробелах, информация Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) о несоответствии тех или иных положений Конституции Российской Федерации.

В настоящее время на сайте Конституционного Суда РФ* размещены обзоры его практики начиная с первого квартала 2012 года (с 2016 года поквартальные обзоры суммируются и составляется единый годовой Обзор практики Конституционного Суда РФ).

Отметим при этом, что решения Конституционного Суда РФ, приведенные в вышеуказанных обзорах, имеют различный характер и включают в свой состав как постановления, так и определения.

В статье 71 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» определено, что Конституционный Суд РФ в ходе осуществления конституционного судопроизводства принимает решения в форме постановлений, заключений, определений**. Постановлением именуется наиболее важное решение Конституционного Суда РФ, посредством которого, в частности, разрешаются вопросы о соответствии нормативных актов Конституции РФ. Таким образом, разрешение вопроса о конституционности соответствующего нормативного акта оформляется постановлением Конституционного Суда РФ, определение же в данном случае может рассматриваться как акт толкования права и не будет учитываться нами при изучении проблемы качества соответствующего нормативного материала, его соответствия Конституции РФ и состояния юридической аномии в области соответствующей правотворческой деятельности.

Представим в табличной форме общее количество постановлений, принятых

* Решения Конституционного Суда РФ // Конституционный Суд РФ: официальный сайт. URL: <http://www.ksrf.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 13. Ст. 1447.

Конституционным Судом РФ за период с 2018 по 2022 год, а через дробь — количество постановлений, в которых соответствующее положение законодательства признается неконституционным.

Отдельно учтем среднее общее количество постановлений Конституцион-

ного Суда РФ, процент постановлений, в которых делается вывод о неконституционности соответствующих норм права, послуживших предметом рассмотрения, по годам, а также по группам отраслей права.

Таблица

Данные о признании Конституционным Судом Российской Федерации законоположений не соответствующими Конституции Российской Федерации (2018–2022 гг.)

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Среднее количество	Признано неконституционными (%)
Конституционные основы публичного права	14/6	16/6	21/10	17/5	19/6	17,4/6,6	37,9
Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты	11/5	7/2	9/4	6/4	12/5	9/4	44,4
Конституционные основы частного права	16/7	13/7	14/6	21/10	19/10	16,6/8	48,1
Конституционные основы уголовной юстиции	6/1	5/2	6/3	11/5	9/6	7,4/3,4	45,9
Итого постановлений	47/19	41/17	50/23	55/24	59/27	50,4/22	43,7
Признано неконституционными (%)	40,4	41,4	46	43,6	45,7	43,7	

Общее количество изданных Конституционным Судом РФ постановлений за 2018-2022 годы — 252, из них постановлений, признающих законоположения неконституционными, — 110.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим промежуточным выводам относительно уровня проявления аномии в рамках различных отраслей отечественного законодательства:

1. В настоящее время ежегодно увеличивается количество постановлений Конституционного Суда РФ, в которых делается вывод о конституционности или неконституционности положений соответствующего законодательства. Например, в 2021 году Конституционным Судом РФ принято 55 постановлений, что является максимальным показателем за 30-летнюю историю высшего органа конституционного контроля в Российской Федерации. С учетом уве-

личения общего количества постановлений возросло и количество предписаний Конституционного Суда РФ о необходимости осуществления правового регулирования. В 2021 году Конституционным Судом РФ принято также 3077 определений. Но уже в 2022 году им было принято 59 постановлений. В данном отношении можно прийти к выводу и об активизации деятельности Конституционного Суда РФ как органа конституционного контроля, и об относительном снижении качества отечественного законодательства, которое произошло за годы его реформирования, что обуславливает повышенное количество случаев признания соответствующей нормы неконституционной. При этом постепенно увеличивается не только количество вынесенных Конституционным Судом РФ постановлений, но и процент постановлений, в которых положение закона было признано не-

конституционным, — с 42,6 % в 2018 году до 45,7 % в 2022 году;

2. Количество выносимых Конституционным Судом РФ решений, связанных с проверкой конституционности норм различных отраслей права, неодинаково. В сфере, названной «конституционные основы публичного права» и «конституционные основы частного права», количество подобного рода решений примерно в два раза превышает количество соответствующих решений, вынесенных в отношении трудового законодательства и сферы социальной защиты, а также законодательства, затрагивающего вопросы уголовной юстиции. Таким образом, по критерию конфликтности государственного регулирования определенных отношений соответствующее законодательство «лидирует»;

3. В среднем Конституционный Суд РФ принимает решение о неконституционности положений соответствующего закона в 43,7 % своих постановлений. Наиболее редко подобные решения выносятся при анализе норм публичного права (37,9 %), наиболее часто — при анализе норм частного права (48,1 %). С точки зрения критерия конституционности нормы частного права в настоящее время могут рассматриваться как наименее качественные по сравнению с нормами иных отраслей российского права.

Приведенная классификация позволяет провести анализ ошибок в законодательстве по отраслевому критерию.

Вторым и, как представляется, более важным направлением в рамках настоящей статьи будет анализ законодательных ошибок по функциональному критерию. В данном случае нормативные предписания должны выполнять определенные функции в рамках общегосударственного правового регулирования: предусматривать особенности осуществления различного рода юрисдикционных процедур, устанавливать сроки для осуществления тех или иных действий, закреплять права человека и т.д.

Проанализировав постановления Конституционного Суда РФ за 2018-2022 годы с целью выявления наиболее общих функциональных ошибок законодателя, влекущих низкое качество и неконституционность отечественных законов, соответству-

ющие ошибки можно классифицировать следующим образом:

1. Не определен субъект, на которого распространяется соответствующее нормативное регулирование (4 случая). Например, постановлением Конституционного Суда РФ (далее также — Постановление) от 30 марта 2018 г. N 14-П* признана не соответствующей Конституции РФ ч. 3 ст. 43 Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность ее нормативного содержания порождает возможность неоднозначного решения вопроса о субъекте, обязанном приобретать лекарственные средства для проведения противозооотических мероприятий по защите охотничьих ресурсов от болезней, и тем самым допускает произвольное возложение данной обязанности на различных участников отношений в сфере охотничьего хозяйства.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2018 г. N 16-П дана оценка конституционности ч. 5 ст. 36 Федерального закона от 4 июня 2014 г. N 145-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации», а также отмечено, что данная норма в силу неопределенности своего нормативного содержания не дает однозначного ответа на вопрос о том, какой именно государственный орган обязан обеспечить служебными жилыми помещениями военнослужащих органов военной прокуратуры. В иных ситуациях признаны неконституционными неопределенность субъекта налогообложения (Постановление от 6 июня 2019 г. N 22-П), а также используемое в нормативном акте понятие «участник средства массовой информации», не кон-

* Источником опубликования упоминаемых в тексте настоящей статьи постановлений Конституционного Суда РФ является Официальный интернет-портал правовой информации. (См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru>).

кретизированное действующим законодательством, что создает неопределенность в установлении круга адресатов предусмотренного нормой запрета (Постановление от 17 января 2019 г. N 4-П).

2. Нарушено равенство граждан перед законом (5 случаев). В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2018 г. N 15-П отмечено, что необходимо признать не соответствующими Конституции РФ положения подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования эти положения, устанавливая систему отсрочек от призыва на военную службу для граждан, обучающихся по очной форме обучения в организациях высшего образования, обуславливают предоставление отсрочки от призыва следующим обстоятельством: воспользовались ли такие граждане отсрочкой от призыва на военную службу ранее при получении среднего общего образования.

В другом случае было указано на опасность принятия прямо противоположных решений по вопросу о включении в состав расходов на содержание и ремонт объектов общего пользования в многоквартирных жилых домах расходов по уплате взносов на капитальный ремонт общего имущества, в связи с чем, несмотря на совпадение оснований для предоставления соответствующих компенсационных выплат, социальная поддержка оказывается в разном объеме (Постановление от 25 февраля 2019 г. N 12-П). Аналогичным образом несоответствие Конституции РФ было установлено постановлениями Конституционного Суда РФ от 22 мая 2018 г. N 19-П, от 16 марта 2018 г. N 11-П, от 14 ноября 2018 г. N 41-П.

3. Неопределенность прав граждан на получение социальных выплат (3 случая). Нарушение Конституции РФ выявлено в закреплении прав граждан неопределенным образом, что было допущено, в частности, в отношении пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров (Постановление от 28 января 2020 г. N 5-П), или в не совпадающем на практике толковании вопроса о праве родителя инвалида с детства на сохранение после достижения

этим инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его судом недееспособным повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости (Постановление от 22 апреля 2020 г. N 20-П); неопределенность правового содержания также усмотрена при назначении ежемесячной денежной выплаты, получаемой в рамках иного основания (Постановление от 23 декабря 2021 г. N 54-П).

4. Неопределенность юридических процедур довольно часто служит основанием для признания соответствующего нормативного положения неконституционным (всего 10 случаев). В частности, постановлением Конституционного Суда РФ от 31 мая 2018 г. N 22-П были признаны неконституционными положения пунктов 1 и 3 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют однозначно решить вопрос об обложении налогом на доходы физических лиц денежной компенсации, выплачиваемой военнослужащим, проходящим военную службу по контракту; признаны не соответствующими Конституции РФ также положения, которые в силу неопределенности порядка принятия на учет и обеспечения жилыми помещениями препятствуют возмещению вреда реабилитированным (Постановление от 10 декабря 2019 г. N 39-П), создают неопределенность в части механизма защиты религиозной организации после изъятия имущества из ее пользования (Постановление от 17 ноября 2020 г. N 47-П), не закрепляют конкретных мер по охране жилого помещения и не определяют, за счет каких источников осуществляется их финансирование (Постановление от 9 июля 2020 г. N 34-П).

Неконституционными были также признаны:

– отсутствие процедуры определения лица, осуществляющего полномочия главы муниципального образования (Постановление от 23 ноября 2021 г. N 50-П);

– отсутствие механизма индексации взысканных судом денежных сумм (Постановление от 12 января 2021 г. N 1-П) и определения критериев подобного рода индексации (Постановление от 22 июля 2021 г. N 40-П);

– отсутствие правовой определенности применительно к порядку возмещения

процессуальных издержек (Постановление от 13 мая 2021 г. N 18-П);

– неопределенность в проведении оценки размера похищенного (Постановление от 8 декабря 2022 г. N 53-П).

5. Неопределенность сроков совершения правоприменителем конкретных действий (8 случаев). В частности, спорная норма признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для потерпевшего не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении (Постановление от 13 июня 2019 г. N 23-П). Не соответствующими Конституции РФ признаны также положения:

– не позволяющие определить момент окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (Постановление от 23 июня 2020 г. N 28-П);

– закрепляющие возможность обращения в суд с иском о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, но не предусматривающие сроки такого обращения (Постановление от 14 июля 2020 г. N 35-П);

– позволяющие при определении разумного срока уголовного судопроизводства не учитывать период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении (Постановление от 30 января 2020 г. N 6-П);

– не ограничивающие период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи (Постановление от 23 сентября 2021 г. N 41-П);

– допускающие произвольное определение дня, с которого должен исчисляться срок давности привлечения к административной ответственности (Постановление от 17 мая 2022 г. N 19-П);

– допускающие произвольное определение работодателем срока трудового договора, заключаемого с педагогическим работником (Постановление от 15 июля 2022 г. N 32-П);

– в силу своей неопределенности порождающие необходимость правового регулирования обязанности по уплате

взносов на капитальный ремонт (Постановление от 12 июля 2022 г. N 30-П).

6. Неопределенность условий применения соответствующей правовой нормы (8 случаев). В частности, постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июля 2018 г. N 32-П неконституционными были признаны положения Воздушного кодекса Российской Федерации и пунктов 3 и 6 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ими не обеспечивается определенность условий возмещения за счет средств федерального бюджета расходов на предоставление услуг по аэропортовому и наземному обеспечению.

В качестве иных примеров можно привести ситуации, когда нормы права были признаны неконституционными:

– в связи с невозможностью определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента (Постановление от 13 января 2020 г. N 1-П);

– неопределенность в вопросе о возможности выявления условия привлечения к административной ответственности (Постановление от 16 октября 2020 г. N 42-П);

– неопределенность условий приобретения увольняемыми со службы по состоянию здоровья сотрудниками ОВД права на отпуск по личным обстоятельствам (Постановление от 23 января 2020 г. N 4-П);

– неопределенность условий возмещения убытков по Земельному кодексу Российской Федерации (Постановление от 5 марта 2020 г. N 11-П);

– ненадлежащий уровень правовой определенности относительно условий возмещения в разумных пределах необходимых расходов, понесенных потерпевшим (частным обвинителем) на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения (Постановление от 28 апреля 2020 г. N 21-П);

– неопределенность критериев, исходя из которых может быть возложена

обязанность заключить с учреждением в области гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды возмездный договор на оказание информационных услуг (Постановление от 29 сентября 2021 г. N 42-П).

7. Ограничение права на судебную защиту (10 случаев). Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. N 42-П неконституционной была признана ч. 15 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в той мере, в какой она не позволяла избирательному объединению обращаться в суд с иском заявлением об отмене решения избирательной комиссии о результатах выборов.

В данном случае примерами положений, признанных неконституционными, являются:

– положения, допускающие конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения у лиц, не являющихся собственниками соответствующего имущества, и при этом не предусматривающие права собственника имущества обжаловать постановление (Постановление от 14 апреля 2020 г. N 17-П);

– служащие основанием для отказа наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка в книгу записей рождений с нарушениями требований закона (Постановление от 2 марта 2021 г. N 4-П);

– исключающие возможность обжаловать судебный акт, принятый без участия субъекта, о признании обоснованными требований кредиторов должника (Постановление от 16 ноября 2021 г. N 49-П);

– предполагающие возможность прекращения уголовного дела по делам частного обвинения (Постановление от 13 апреля 2021 г. N 13-П);

– исключающие возможность обжалования в апелляционном порядке судебного решения, принятого в ходе рассмотрения уголовного дела по существу (Постановление от 17 июня 2021 г. N 29-П);

– устанавливающие прекращение в день утверждения плана участия Банка России в осуществлении мер по предупреждению банкротства банка обязательств банка по кредитам, не обеспеченное эффективной судебной защитой (Постановление от 27 декабря 2022 г. N 58-П);

– не обеспечивающие возможность апелляционного обжалования постановления, рассматривающего по существу уголовное дело в отношении подсудимого, содержащегося под стражей, об отказе в направлении его на медицинское освидетельствование (Постановление от 19 апреля 2022 г. N 16-П);

– положение, допускающее отказ суда в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ на том основании, что названная программа является составным произведением и ее автором не выполнено условие о соблюдении прав авторов (Постановление от 16 июня 2022 г. N 25-П).

8. Отсутствие надлежащих социальных гарантий для граждан является частым основанием признания законоположения неконституционным (17 случаев в 2018-2022 годах). Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2018 г. N 9-П отмечено, что необходимо признать неконституционными взаимосвязанные положения ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 4 июня 2011 г. N 126-ФЗ «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и п. 5 ст. 15 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», поскольку правовой механизм не гарантирует судьям пенсионное обеспечение в размере, соотносимом с утраченным доходом.

Иные примеры неконституционности законоположений:

– отмена норм, предполагающих предоставление материнского капитала (Постановление от 27 марта 2018 г. N 13-П);

– отмена положений, допускающих отказ в выплате неустойки за необоснованную задержку выплаты суммы в возмещение вреда при наступлении страхового случая (Постановление от 18 июня 2018 г. N 24-П);

– ограничение прав военнослужащего на получение жилого помещения (Постановление от 20 июля 2018 г. N 34-П);

– создание препятствий возврату сумм излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (Постановление от 31 октября 2019 г. N 32-П);

– допущение отказа в предоставлении преподавателям при переезде в дру-

гую местность подъемного пособия (Постановление от 22 марта 2019 г. N 15-П);

– исключение возможности предоставления одному и тому же лицу единовременных пособий (предусмотренных, с одной стороны, общими правилами, а с другой – специальными правилами, регламентирующими противодействие терроризму) (Постановление от 29 марта 2019 г. N 16-П);

– исключение возможности предоставления права на получение материнского (семейного) капитала мужчине, который в установленном порядке признан в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью (Постановление от 29 июня 2021 г. N 30-П);

– отсутствие минимального размера оплаты труда творческих работников театров, не участвующих в создании произведений (Постановление от 6 октября 2021 г. N 43-П);

– отсутствие возможности учесть для целей определения общей площади жилого помещения ребенка военнослужащего, родившегося после смерти последнего (Постановление от 14 декабря 2021 г. N 52-П);

– отказ от выплаты пособия по безработице в повышенном максимальном размере, установленном для граждан (Постановление от 17 марта 2022 г. N 11-П);

– правило, в соответствии с которым лицу, уволенному с военной службы, допускается выплата не полученной им пенсии за выслугу лет, которая была прекращена, лишь в размере, не превышающем сумму, исчисленную за три года, предшествующие обращению пенсионера в пенсионный орган за восстановлением выплаты пенсии; при этом в период, когда она не выплачивалась, право на эту пенсию не было утрачено (Постановление от 7 апреля 2022 г. N 14-П);

– обусловливание реализации пенсионных прав постоянно и непосредственно занятых на работах с осужденными рабочими и служащими установлением по результатам специальной оценки условий труда соответствующего класса вредных и (или) опасных условий труда на их рабочих местах, что позволяет не включать периоды такой деятельности в их страховой стаж (Постановление от 4 октября 2022 г. N 40-П);

– допущение основания для снятия инвалидов детства с учета в качестве имеющих право на получение жилищных субсидий в соответствии с Федеральным законом от 25 октября 2002 г. N 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (Постановление от 1 марта 2022 г. N 9-П);

– допущение в силу своей неопределенности возможности различного истолкования, что не обеспечивает однозначного решения вопроса о порядке предоставления гарантий в жилищной сфере гражданам, проходившим военную службу по контракту и являвшимся в определенный период иностранными гражданами (Постановление от 18 октября 2022 г. N 44-П);

– создание препятствий направлению средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий путем реконструкции (Постановление от 21 декабря 2022 г. N 56-П);

– создание препятствий гарантированию пенсионного обеспечения судьи (Постановление от 19 февраля 2018 г. N 9-П).

9. Неконституционным признается введение ограничений, препятствующих осуществлению самого права гражданина, которое они ограничивают (4 случая). Например, постановлением Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. N 25-П признаны неконституционными взаимосвязанные положения, служащие основанием для отказа лицу, инфицированному ВИЧ, в усыновлении ребенка, который в силу уже сложившихся отношений проживает с этим лицом. Признаны неконституционными запрет гражданам осуществлять плату за коммунальные услуги на основании показаний установленных ими индивидуальных приборов учета (Постановление от 10 июля 2018 г. N 30-П), общий запрет проведения собраний, который распространяется на все без исключения публичные мероприятия вне зависимости от их угрозы правам человека (Постановление от 1 ноября 2019 г. N 33-П), а также процедура, в соответствии с которой вопрос выезда несовершеннолетнего за пределы государства должен решаться только в судебном порядке даже в отношении родителя, с которым ребенок постоянно про-

живает (Постановление от 25 июня 2020 г. N 29-П).

10. Неконституционным признано также необоснованное наложение обязанностей (4 случая). Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. N 46-П признана неконституционной обязанность собственника, правомерно установившего личный источник тепловой энергии, оплачивать не используемую им для обогрева тепловую энергию централизованных сетей теплоснабжения. Кроме того, не соответствующими Конституции РФ признаны обязывание оплачивать потребление тепловой энергии в целях содержания общего имущества при том, что помещения общего пользования не оснащены отопительными приборами (Постановление от 27 апреля 2021 г. N 16-П); взыскание платы за управление имуществом общего пользования, находящимся в собственности иного лица (Постановление от 28 декабря 2021 г. N 55-П); возложение на пенсионеров обязанности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (Постановление от 11 октября 2022 г. N 42-П).

11. Неконституционной признана ситуация, когда правовые нормы ставят субъекта в преимущественное положение, если основанием для подобного решения является фактически противоправное поведение данного субъекта (2 случая). Например, лицо, скрывшееся с места ДТП, не должно быть поставлено в преимущественное положение с точки зрения последствий своего поведения по сравнению с лицами, прошедшими освидетельствование на состояние опьянения (Постановление от 25 апреля 2018 г. N 17-П). Отмечены также неоправданные различия между пострадавшими от побоев, что ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию (Постановление от 8 апреля 2021 г. N 11-П).

12. Неконституционным с точки зрения решений Конституционного Суда РФ является отступление законодателя от разработанных законодательством, юридической наукой и практикой общих оснований реализации института юридической ответственности (19 случаев). Например, если будет выявлено, что в момент совершения

правонарушения транспортное средство индивидуального предпринимателя перевозило груз для его личных нужд, административный штраф должен быть наложен на него как на обычное физическое лицо (Постановление от 18 января 2019 г. N 5-П), что может служить подтверждением принципа индивидуализации юридической ответственности.

Кроме того, неконституционность была выявлена в законоположениях, свидетельствующих:

– о нарушении принципа справедливости юридической ответственности и ее однократности (Постановление от 4 февраля 2019 г. N 8-П);

– нарушении принципа гуманизма, в том числе в ситуациях, когда закон субъекта Российской Федерации не позволяет назначать штраф в размере менее ста тысяч рублей при любых обстоятельствах совершения административного правонарушения (Постановление от 7 апреля 2020 г. N 15-П), а также при запрете суду снизить с учетом фактических обстоятельств размер компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, даже если такой размер многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков (Постановление от 24 июля 2020 г. N 40-П);

– нарушении принципа вины (в части возложения на муниципалитет обязанности возместить стоимость построек, ранее возведенных гражданином по решению органов государственной власти в ненадлежащей зоне (Постановление от 3 июля 2019 г. N 26-П), или сохранения ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым (Постановление от 17 апреля 2019 г. N 18-П);

– включении информации о лицах, с которыми расторгнут договор аренды лесного участка, в реестр недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений в той части, в какой это влечет бессрочное ограничение прав указанных субъектов в сфере хозяйственного лесопользования (Постановление от 21 апреля 2020 г. N 19-П), а также о бессрочном запрете быть представителем для адвоката, признанного виновным в умышленном преступлении (Постановление от 10 ноября 2022 г. N 49-П);

– включении в реестр недобросовестных поставщиков информации об учредителях юридического лица (акционерного общества) – физических лицах, которые не являются его участниками (акционерами) к моменту заключения спорного контракта (Постановление от 9 апреля 2020 г. N 16-П);

– исключении возможности привлечь к субсидиарной ответственности собственника имущества (Постановление от 12 мая 2020 г. N 23-П);

– нарушении принципа гуманизма, когда заключенные лишаются права на длительные свидания без установленных законом оснований (Постановление от 28 декабря 2020 г. N 50-П);

– возможности признания последовательных актов пикетирования, каждый из которых не является публичным мероприятием, публичным мероприятием в их совокупности и привлечении к административной ответственности (Постановление от 17 мая 2021 г. N 19-П);

– нарушении принципа неотвратимости ответственности в ситуации, когда у органа государственной власти отсутствует лицевой счет в органах Федерального казначейства, что исключает возможность исполнения судебного решения о возмещении судебных расходов (Постановление от 15 июля 2021 г. N 37-П);

– нарушении принципа вины, когда законоположение в силу своей неопределенности допускает привлечение соучредителя зарегистрированного средства массовой информации к административной ответственности без учета при привлечении его действий (Постановление от 9 ноября 2021 г. N 47-П);

– нарушении принципа законности (привлечение граждан к административной ответственности за отсутствие национального водительского удостоверения при отсутствии указания на срок обмена иностранного водительского удостоверения) (Постановление от 27 октября 2022 г. N 46-П);

– пробеле, препятствующем привлечению к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения в случае приема веществ, не относящихся к этиловому спирту или психотропным веществам (Постановление от 24 ноября 2022 г. N 51);

– отсутствию возможности применения вариантов смягчения наказания осужденному, достигшему возраста шестидесяти лет (Постановление от 24 февраля 2022 г. N 8-П);

– возможности следователя без согласия подозреваемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности (Постановление от 19 мая 2022 г. N 20-П);

– отсутствию гарантий достижения в разумные сроки определенности правового положения лица применительно к подзрению в совершении преступления (Постановление от 18 июля 2022 г. N 33-П).

13. Отсутствие учета специфики соответствующих отношений в процессе законодательной деятельности (3 случая). В частности, неконституционным было признано решение ликвидировать гаражно-строительный кооператив за отсутствие движения средств на его счету (Постановление от 2 декабря 2021 г. N 51-П). Нарушение конституционного порядка было также отмечено в плане хранения медицинскими организациями документов граждан, ранее госпитализированных в недобровольном порядке (Постановление от 13 июля 2022 г. N 31-П); признано не соответствующим Конституции РФ положение, не позволяющее достигнуть определенности и оперативности в решении вопроса о наличии обстоятельств, при которых прекращение поставки энергоресурсов по договору может создать реальную угрозу возникновения опасных последствий (Постановление от 1 февраля 2022 г. N 4-П).

14. Нарушение имущественных прав гражданина (10 случаев). Неконституционными являются, в частности, отказ в выплате процентов с излишне взысканных утилизационных сборов (Постановление от 8 ноября 2022 г. N 47-П), возможность признания договора купли-продажи жилого помещения недействительным, что не гарантирует реального получения гражданином ранее уплаченных им по этому договору денежных средств (Постановление от 3 февраля 2022 г. N 5-П), отсутствие гарантий защиты прав кредиторов в рамках дела о банкротстве застройщика (Постановление от 21 июля 2022 г. N 34-П), отсутствие в законе указания на возможность учета по-

казаний индивидуальных приборов учета тепловой энергии в многоквартирном доме, который оснащен коллективным (общедомовым) прибором учета тепловой энергии (Постановление от 31 мая 2021 г. N 24-П), исключение для собственника, через которого опосредованно присоединены к электрическим сетям иные потребители, возмещения понесенных им в связи с обеспечением перетока электрической энергии расходов (Постановление от 25 апреля 2019 г. N 19-П), неучтенная возможность изменения рыночной стоимости имущества в рамках реализации проекта, требующего изъятия государством этого имущества (Постановление от 11 февраля 2019 г. N 9-П), неопределенность в вопросе об учете при осуществлении выплаты собственнику стоимости продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней, его грубой неосторожности (Постановление от 8 июля 2021 г. N 33-П), отказ в компенсации морального вреда в силу одного лишь факта квалификации преступного деяния как посягающего не на личные, а на имущественные права потерпевшего (Постановление от 26 октября 2021 г. N 45-П), препятствование подаче заявления о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок ранее чем через четыре года после принятия судебного решения по предшествующему заявлению о такой компенсации (Постановление от 13 января 2022 г. N 2-П).

Среди решений Конституционного Суда РФ, не подпадающих под нашу квалификацию, можно выделить также смешение различных сфер правового регулирования. Например, было выявлено несоответствие Конституции РФ в той мере, в какой положения закона допускают удержание алиментов на несовершеннолетних детей с выплачиваемых работодателем сумм компенсации за использование, износ (амортизацию) личного транспорта работника (Постановление от 1 февраля 2019 г. N 7-П), принятие нормативного акта за пределами полномочий соответствующего органа власти, в частности, о запрете собраний, который выходит за конституционные пределы законодательных полномочий субъектов Российской Федерации

(Постановление от 4 июня 2020 г. N 27-П), вмешательство в дела частных субъектов, например установление обязательств территориального объединения профсоюзов соотносить положения своего устава с положениями устава общероссийского объединения соответствующих профсоюзов, что может быть обозначено как необоснованное вмешательство государства в деятельность профсоюзов (Постановление от 27 октября 2020 г. N 44-П).

Завершая рассмотрение качества отечественного законодательства с точки зрения проявлений юридической аномии, можно отметить, что законодателем довольно часто не учитываются положения Конституции Российской Федерации при формировании соответствующих правовых норм.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Выбранный метод исследования предполагал анализ постановлений Конституционного Суда РФ, благодаря чему были выявлены наиболее типичные ошибки законодателя, обусловленные существующей в данном отношении юридической аномией, нашедшей свое проявление в ошибочном понимании требования конституционно-правовых норм, требований юридической науки и практики. Представляется, что полученные в результате подобного исследования результаты должны позволить как выявить наиболее конфликтные сферы общественных отношений, так и сделать вывод о качестве (с точки зрения критерия конституционности) тех или иных укрупненных отраслей права. В 110 из 252 случаев рассмотрения соответствующих обращений в 2018-2022 годах Конституционный Суд РФ признал оспариваемые положения закона неконституционными. Количество постановлений Конституционного Суда РФ, посвященных отдельной отрасли законодательства, может рассматриваться как критерий конфликтности соответствующей сферы правового регулирования.

В свою очередь, процент постановлений Конституционного Суда РФ, которыми в рамках соответствующей отрасли права правовые институты и отдельные нормы признаются неконституционными, может служить параметром качества соответству-

ющего отраслевого правового регулирования. В среднем Конституционный Суд РФ принимает решение о неконституционности положений соответствующего закона в 43,7 % своих постановлений. Наиболее редко подобные решения выносятся при анализе норм публичного права (37,9 %), наиболее часто – при анализе норм частного права (48,1 %).

2. В качестве сфер законодательного регулирования, которые характеризуются максимальной правовой неопределенностью, можно выделить условия реализации межотраслевого института юридической ответственности – данный вопрос сопряжен с 17 % законоположений, признанных неконституционными. Также следует указать отсутствие в законе необходимых социальных гарантий (15,5 %), неопределенность юридических процедур (9 %), ограничение права на судебную защиту (9 %), нарушение имущественных прав граждан и организаций (9 %),

неопределенность условий применения правовой нормы (7 %), неопределенность сроков (7 %), нарушение равенства граждан перед законом (4,5 %) и т.д.

Вышеизложенное подтверждает то, что отечественный законодатель часто не воспринимает нормативные положения действующей Конституции РФ, а подобного рода аномия порождает аномию как в правотворческой, так и в правореализационной сфере. Большое количество признанных неконституционными положений в рамках той или иной отрасли законодательства может свидетельствовать о значительной степени существующей в данном отношении правовой неопределенности, что подтверждает обоснованность вывода о высоком уровне юридической аномии при создании соответствующих правовых норм. На практике это означает необходимость правовой реформы, потребность в систематизации соответствующего нормативного материала и его обновления.

Список источников

1. Кириллов С.И. Дефекты правообразования с позиций структурно-функционального подхода // Вестник Московского университета МВД России. 2012. N 1. С. 117-125.
2. Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 148 с.
3. Pashentsev D.A. The legal culture of Russian society before the challenge of digitalization // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3. С. 771-782.
4. Верещак С.Б., Абрамова Л.А. Понятие, признаки и структура правового пространства [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2022. N 3. С. 40-46. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2022/3/6> (дата обращения: 12 марта 2023 г.).

References

1. Kirillov S.I. Defects of legal education from the standpoint of a structurally functional approach. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 1, pp. 117-125. (In Russ.).
2. Borozdina M.S. Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood. Cand. Diss. Rostov on Don, 2009. 148 p. (In Russ.).
3. Pashentsev D.A. The legal culture of Russian society before the challenge of digitalization. Bulletin of St. Petersburg University. Right, 2021, vol. 12, issue 3, pp. 771-782.
4. Vereshchak S.B., Abramova L.A. The concept, signs and structure of the legal space [Electronic resource]. *Oeconomia et Jus*, 2022, no. 3, pp. 40-46. Available at: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2022/3/6> (Accessed March 12, 2023). (In Russ.).

Вклад авторов:

Малько А.В. – обозначены основные признаки юридической аномии, а также проанализированы постановления Конституционного Суда РФ в части признания не соответствующими Конституции РФ положений об отсутствии надлежащих гарантий социальных прав для граждан;

Липинский Д.А. – отражены особенности деструктивного влияния аномии на общество, а также изучены постановления Конституционного Суда РФ по вопросам ограничения права на судебную защиту;

Иванов А.А. — проанализированы и систематизированы статистические данные о деятельности Конституционного Суда РФ по вопросам признания норм не соответствующими Конституции РФ; затронуты вопросы отсутствия определенности сроков совершения правоприменителем конкретных действий и признания таких положений противоречащими Конституции РФ;

Маркунин Р.С. — проведен анализ постановлений Конституционного Суда РФ по вопросам нарушения имущественных прав граждан и необоснованного возложения на них обязанностей; изучена судебная практика по признанию неконституционными положений, касающихся нарушения принципа равенства граждан перед законом.

Contribution of the authors:

Malko A.V. — identifying the main signs of legal anomie, analyzing the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of recognizing the provisions on the absence of proper guarantees of social rights for citizens as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation;

Lipinsky D.A. — reflecting the features of the destructive influence of anomie on the society, studying the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding restricting the right to judicial protection;

Ivanov A.A. — analyzing and systematizing the statistical data on the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding recognizing the norms as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation; discussing the issues of both the lack of certainty in the timing of performing certain actions by law enforcers and the recognition of such provisions as unconstitutional;

Markunin R.S. — analyzing the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding violating the property rights of citizens and the unreasonable imposition of duties on them; studying the judicial practice regarding the recognition of the provisions related to violating the principle of equality of citizens before the law as unconstitutional.

Научная специальность: 5.1.1

Государственная власть в юридическом и этическом аспектах

Николай Викторович Блажевич,

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, bin7704@rambler.ru

Иван Николаевич Блажевич,

Филиал Института деловой карьеры в Тюменской области, Тюмень, Россия, bin7704@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрывается значение принципа единства юридического и этического в осуществлении государственной власти. Сама государственная власть рассматривается как иерархическая и многоуровневая система, которая выполняет законодательную, исполнительную и судебную функции. При этом государственная власть представляется не только в функциональном, но и в субстанциональном аспекте, как отношения властвующих и подвластных на разных уровнях: на уровне государственной власти федеральных органов, органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления. Выделяется кластер правовых понятий, используемый для правового измерения деятельности государственной власти. В работе анализируются аксиомы государственной власти, формируется кластер этических понятий, используемый для нравственного измерения деятельности государственной власти. Авторами обосновывается, что государственная власть во всех ее формах, стремящаяся руководствоваться не только правовыми принципами и законами, но и общечеловеческими нравственными принципами и нравственным законом, выполняет общественный договор, а граждане поддерживают и признают ее.

Ключевые слова: государственная власть, публичная власть, общественный договор, публичность, общее благо, свобода, подчинение

Для цитирования: Блажевич Н.В., Блажевич И.Н. Государственная власть в юридическом и этическом аспектах // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 20-30.

State authority in legal and ethical aspects

Nikolay V. Blazhevich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, bin7704@rambler.ru

Ivan N. Blazhevich,

Branch of the Institute of Business Career in the Tyumen Region, Tyumen, Russia, bin7704@rambler.ru

Abstract. The significance of the principle of legal and ethical unity in the exercise of state authority is revealed. State authority itself is identified as a hierarchical and multi-level system performing legislative, executive and judicial functions. At the same time, state authority is presented not only in a functional aspect, but also in a substantive aspect as the relations between the predominators and the predominated at different levels: the level of state authority of federal bodies, the level of state authorities of the subjects of the Federation and the level of local authorities. The cluster of legal concepts used for the legal measurement of the state authority activities is singled out. The axioms of state authority are analyzed, meanwhile, the cluster of ethical concepts used for the moral measurement of the state authority activities is formed. It is substantiated that state authority in all its forms, seeking to be guided not only by the legal principles and laws, but also by the universal moral principles and moral law, fulfills the social contract, whereas the citizens support and recognize it.

Keywords: state authority, public authority, social contract, publicity, common good, freedom, subordination

For citation: Blazhevich N.V., Blazhevich I.N. State authority in legal and ethical aspects // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 20-30.

Юридический и этический аспекты государственной власти чрезвычайно важны для качественного измерения ее функционирования. Систематически применяя власть, органы государственного управления приводят граждан к ситуации юридической и нравственной оценки ее деятельности. В.Н. Жуков справедливо замечает, что «вольно или невольно, сознательно или бессознательно люди воспринимают власть как силу, в решающей степени воздействующую (позитивно или негативно) на всю их жизнь. И это не просто субъективное восприятие, это объективный факт: все “начала и концы” жизнедеятельности отдельного человека и целых народов имеют непосредственную связь с государством. Благодаря своему всеобъемлющему влиянию государство оказывается в фокусе нравственного сознания, становится предметом этической оценки» [1, с. 332]. Доводы В.Н. Жукова можно отнести и к возникновению у граждан причины давать юридическую оценку государственной власти. Чтобы этого избежать, государственная власть должна быть идеальной, совершенной.

Идеальная государственная власть – это власть, которая является публичной и эффективной в решении вопросов во благо граждан; это власть, которая выполняет договор с обществом; это власть, которой доверяют граждане и которую они поддерживают. Как инструмент государственного управления она связана прежде всего с решением вопросов охраны жизни и здоровья, защиты чести и достоинства граждан, как указывается в ст. 2 Конституции Российской Федерации. В связи с этим в идеальном государстве носителем суверенитета и единственным источником власти является народ, а власть может быть только публичной. Очевидно, что решение проблемы идеальной государственной власти возможно на основе принципа единства юридического и этического. Модель идеальной государственной власти является предпо-

сылкой формирования должной системы государственной власти.

Разумеется, вопросы о предназначении государственной власти возникали одновременно с ее формированием и были связаны с существованием человека, его природой. Как свободное существо человек нуждался в создании условий для реализации своей сущности. Складываются традиции, обеспечивающие совместное общежитие людей. Традиции обобщаются в нравственные ценности общежития, в нравственные принципы и моральные правила общежития, формирующие общественный порядок. Однако механизм регулирования человеческой свободы посредством нравственных принципов и моральных правил ограничен сознанием, совестью человека. Возникла необходимость легализовать механизм регулирования человеческой свободы, правила общежития и средства подчинения этим правилам. В ответ на эту потребность формируются позитивное право и государственная власть. Позитивное право формализует границы свободы в поведении человека, а власть – механизм принуждения к соблюдению правил общежития. Если исходить из общечеловеческих нравственных принципов и нравственного закона, то позитивное право и власть должны были укреплять гарантии общечеловеческой свободы, обеспечивать правовой порядок в общежитии. Однако в реальности позитивное право и власть оказываются инструментами наиболее активной части общества, которая в своих интересах устанавливает правовой порядок, противоречащий общечеловеческим нравственным принципам и нравственному закону.

Это противоречие осознавали мыслители первых древних цивилизаций, представляя государственную власть как договор с обществом, а правителей справедливыми и добродетельными людьми. В частности, в VI в. до н. э. в Древнем Китае Конфуций пытается обосновать идеал па-

терналистского государства, построенного на принципах гуманизма и справедливости. Он утверждает: «...кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее». Или: «...если бы появился государь, проникнутый чувством законности, то по истечении поколения воцарилось бы человеколюбие» [2, с. 83, 199]. Оппонент конфуцианства Мо-цзы выдвинул концепцию общественного договора, которая объясняла происхождение и смысл государственной власти. «Идеальной государственной властью Мо-цзы считал государство с мудрым правителем во главе и четко отлаженной исполнительной службой. Мудрый правитель обязательно должен иметь усердных слуг, которые не боятся говорить правду в лицо». Мо-цзы также формулирует принципы идеальной государственной власти, которые позволяют эту власть реализовать [3, с. 19].

В V веке до н. э. к идее идеальной государственной власти приходят философы Древней Греции. В частности, Платон строит первую модель идеального государства, которое создает все условия для реализации справедливости. В.С. Нерсисянц, анализируя государственно-правовые идеи Платона, отмечает, что для последнего «справедливость состоит в том, чтобы каждое начало (каждое сословие и каждый член государства) занималось своим делом и не вмешивалось в чужие дела. Кроме того, справедливость требует, по Платону, соответствующей иерархической соподчиненности этих начал во имя целого» [4, с. 409]. Аристотель развивает идеи должной власти в концепции государства, определяя государство как энтелихию (продолжение) семьи и селения, энтелихию человека как гражданина. Он первым представляет государство как форму общения, которое является «наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [5, с. 376]. Таким образом, государство понимается как форма свободного общения граждан, свободного общежития граждан.

Таким образом, мыслители Древнего Китая и Древней Греции идеальную

государственную власть связывают с мудростью правителей, их нравственным совершенством и выбором нравственных инструментов осуществления власти. Мировая история государственного правления доказывает, что та государственная власть, которая существенно отступала от нравственного закона, обеспечивала свободу лишь незначительной части общества, оставляя большую часть его без прав и свободы, сокращала свое существование. Совершенствование государственной власти обусловлено нравственным ростом правителей: когда правитель, как замечает Конфуций, «предупреждает народ своим примером и трудится для него» [2, с. 194].

К определению любого понятия может быть два подхода: с одной стороны, можно начинать с изучения свойств самого предмета, а с другой – с имени, обозначающего этот предмет. В связи с этим выделяются реальные и номинальные определения понятий, которые дополняют друг друга и позволяют точнее раскрыть содержание понятия, установить существенные свойства предмета мысли. Попробуем реализовать оба подхода к определению понятия государственной власти.

В исследовании начал и предназначения государственной власти большой интерес представляют номинальные определения, в которых воспроизводится этимология слова «власть» и находятся его синонимы. Отметим, что исследование этимологии слова «власть» было проведено А.Л. Анисиним. Он сопоставляет древнегреческое и древнерусское употребление слова «власть» [6, с. 53-59]. Действительно, в древнегреческом языке существовали два слова "arche" и "kratos", с которыми связывались значения слова «власть». Например, в Философском энциклопедическом словаре разъясняется, что слово "arche" употреблял Платон в диалоге «Государство», когда выражал принципы идеальной государственной власти. Древнегреческому слову "arche" соответствуют русские слова «начало», «начальство», «власть», «главенство» [7, с. 42].

Относительно другого древнегреческого слова – "kratos", которое соответствует русским словам «власть», «воля», «мощь», «сила», отмечается, что власть в общем смысле проявляется как способ-

ность «осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей» [7, с. 63]. Значения древнегреческого слова "kratos" выражают идею власти в современной политической философии. Идея власти здесь связывается с волей, мощью и произволом главенствующего субъекта. Следовательно, изначально связываемые древнегреческой философией слова "arche" и "kratos" для обозначения власти в современной политической философии разрываются, избирается лишь одно слово "kratos", что ведет к неадекватному представлению о власти. Слово "arche" придавало государственной власти нравственный смысл, благодаря этому слову она ассоциировалась древнегреческими мыслителями с принципами гуманизма и справедливости. С данными нравственными принципами связывали государственную власть Конфуций и Моццы. Представить должную государственную власть без этих нравственных принципов невозможно.

На наш взгляд, А.Л. Анисин обоснованно показывает, что идея организации государственной власти, ее конструктивный смысл, который просматривался в греческом слове "arche", «совершенно утерян западной мыслью, и она этой потери чаще всего даже не сознает, будучи скована юридизмом и прагматизмом» [6, с. 54]. Действительно, трактовка государственной власти, исходя лишь из значения слова "kratos", является уходом от ее естественно-правовой концепции, становится выражением юридического позитивизма. Построенная на позитивистских основаниях государственная власть сокращает свою реальную публичность, упрощает договор с обществом. По сути, юридический позитивизм разрушает предназначение государственной власти. Такая власть перестает служить обществу в целом, перестает быть его субъектом.

Иная картина складывается при формировании государственной власти в России. Государственное строительство Петра I позволяет, на наш взгляд, глубже понять идею должной государственной власти. Он считал необходимыми для государственной службы такие нравственные качества, как верность, прилежание, стойкость против взяток, пунктуальность, точ-

ность, бережливость. В июне 1719 г. Петр I утверждает Указ «О присяге на верность службе», который предписывал привести к присяге чиновников Сената и коллегий, губернаторов, воевод и других «управителей и служителей» [8, с. 64].

Государственное строительство в России оказывает влияние на формирование государственной терминологии. Исследования живого великорусского языка, проведенные в XIX в. В. Далем, доказывают, что российская государственная терминология вписывается в естественно-правовую концепцию. Согласно В. Далю слово «власть» в русском языке заменяется синонимами «начальствование, управление, начальство, начальник» [9, с. 213]. Как видно, в русской традиции в употреблении слова «власть» воспроизводится исходное греческое значение слова "arche". Власть в русской культуре XIX в. воспринимается как первоначало общества, иначе власть — это «начальствование», а властвующий — это «начальник». Существительное «власть» происходит от глагола «владеть», то есть власть — это владение. Владеть — значит быть в ладах с чем-либо, быть в налаженном единстве с ним, вносить и обеспечивать лад. «По сути, в русской традиции выражается идея и предназначение должной государственной власти быть первопричиной порядка и безопасности в стране» [10, с. 489]. Идеальная государственная власть сама демонстрирует организованность и налаживает общественный порядок в стройный лад.

В совершенном государственном правлении власть необходима для того, чтобы обеспечивать права всех граждан, то есть для того, чтобы каждый имел максимально возможную в данных условиях свободу. Разумеется, «для технического воплощения этой мечты в реальность одного нравственного закона недостаточно, необходимо еще адекватное позитивное право и государственная власть» [11, с. 25]. Таким образом, государственная терминология, которая сформировалась в России в XIX в., выражает единство юридического и этического в строительстве государственной власти.

При анализе соотношения юридического и этического в осуществлении государственной власти следует учитывать ее

структуру. Субстанциальная структура государственной власти представляется триадой: властвующий, подвластный и средства власти. В подлинной власти эта триада выражает единство и каждый его элемент соответствует общечеловеческим нравственным ценностям. Если государственная власть осуществляет подчинение «вхождением в лад» членов общества, то она не исключает свободы каждого члена общества, не исключает действия нравственного закона. Интересно, что в русском языке XIX в., как отмечает В. Даль, слово «подчинение» не имеет отрицательной коннотации. За этим словом закрепляются такие значения, как «подхождение под чин», «послушание, повиновение» [12, с. 216]. В нравственном смысле подчинение — это и есть владение ситуацией, включение в ладный порядок, а для начала — подчинение есть владение собой, самовластие. Как видно, государственная терминология в России XIX в. не испытала западного позитивистского влияния. Однако в русском языке XX в. слово «подчинение» оказывается в ряду таких синонимов, как «послушание, повиновение, покорение» [13, с. 375]. Этот ряд синонимов уже ближе к древнегреческому слову “kratos”, теряет нравственные начала.

Важно учитывать, что при правовом и нравственном измерении деятельности государственной власти акцентируется внимание на выборе ею способов и средств подчинения подвластных. С позиции общечеловеческой нравственности выбор способов и средств подчинения не должен противоречить принципам гуманизма и справедливости. Подлинное подчинение исключает физическое и духовное насилие. В дневнике Л.Н. Толстого записано, что «безопасность и благо общества обеспечивается только нравственностью его членов. Нравственность же основывается на любви, исключаящей насилие» [14, с. 218]. Совершенная государственная власть в качестве инструментов подчинения выбирает нравственные и правовые средства, учитывая при этом, чтобы правовые средства не противоречили общечеловеческой нравственности, измерялись нравственным законом и принципами гуманизма, справедливости, законности и объективности.

Часто действия государственной власти называют насилием (так поступал, например, Л.Н. Толстой [14, с. 256]). Не следует забывать, что слово «насилие» всегда имеет отрицательную коннотацию. Так, В. Даль разъясняет, что насилие есть действие произвольное, необоснованное, возмутительное. «Насиловать» означает «принуждать силой, неволить» [15, с. 458]. Для выражения действия государственной власти в современном юридическом языке используется термин «принуждение» [16, с. 298-299]. Этот термин в русском языке также имеет отрицательные ассоциации. В. Даль включает глагол «принуждать» в синонимический глагольный ряд: «приневолить, силовать, заставлять» [12, с. 431]. Кроме того, слово «принуждение» связано со словом «насилие». В Словаре синонимов слово «насилие» рассматривается как усиленная форма принуждения [13, с. 433].

Естественно, возникает вопрос о том, какой термин следует использовать в этой ситуации. И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою» предлагает применять не термин «насилие», а другой термин — «непредосудительное заставление». Он считает, что «было бы глубокой духовной ошибкой приравнять всякое заставление — насилию и придать центральное значение этому последнему термину» [17, с. 19-20]. И.А. Ильин подчеркивает, что насилие направлено на зло, связано со всеми случаями предосудительного заставления. К видам заставления относятся самопонууждение, самопринуждение, психическое и физическое понуждение, пресечение. По мнению философа, физическое понуждение и пресечение — это крайняя мера борьбы, и сфера ее применения начинается только там, где меры убеждения оказываются несостоятельными и недостаточными [17, с. 94-102].

Важным представляется вопрос об исходных нравственных основаниях государственной власти. Проблема нравственного совершенствования государственной власти философы либо не занимались, либо начинали с идеи абсолютного отрицания существующих институтов. Наиболее полно взгляд нигилистов на государство отражает высказывание Л.Н. Толстого: «Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы — лжеучение о

необходимости государства» [14, с. 253]. Полагаем, что подобный нигилистический взгляд на государство, безусловно, порожденный безнравственными действиями самой государственной власти, только способствовал сохранению ее пороков, а не избавлению от них. Пожалуй, исключением в отечественной философии были государственно-правовые взгляды И.А. Ильина. Юрист по образованию и гегельянец по философским взглядам, в своих трудах он основное внимание уделяет философии права и связанным с нею проблемам. Представляют интерес мысли И.А. Ильина о сущности власти, государства и месте в нем гражданина, которые он изложил в работе «Путь духовного обновления».

И.А. Ильин доказывает, что цель государственной власти состоит в ограждении и организации духовной жизни народа. «...Внешние проявления политической жизни совсем не составляют самую политическую жизнь; внешнее принуждение, меры подавления и расправы, к которым государственная власть вынуждена прибегать, совсем не определяют сущность государства» [17, с. 258]. Он смотрит на государство не только как на внешнее явление жизни человека, но и внутреннее явление, явление духовной жизни человека. Для этого необходимо, чтобы государственный интерес отождествлялся с совокупностью «духовно-правовых» интересов всех граждан, при этом каждый личный интерес становился общим и политическим. В политике же любой личный или групповой интерес обязан стать общим интересом, иное представляет собой путь к гибели государства [17, с. 258-260].

Однако И.А. Ильин не считает, что все существующие государства соответствуют вышесказанному. Как последователь Гегеля, он указывает только на путь и цель развития государства, которые устремлены к все большему совпадению внешнего выражения государства с его внутренней сверхидеей. По сути, государство сводится ученым к самоуправлению народа, что требует от граждан зрелого правосознания, которое по естественным причинам развиваться не могло. Если по идее государство является «корпорацией», объединением граждан, то фактически оно является самостоятельным «учреждением».

«Государство-учреждение» не включает в себя составляющих его граждан, но противопоставляет себя им, оно само формулирует свои цели и осуществляет их. Следовательно, интерес, целеполагание и действие власти оторваны друг от друга.

Принцип, лежащий в основе исторически существующих государств, И.А. Ильин называет принципом «опеки», сравнивая положение граждан в таком государстве с положением сумасшедших в лечебнице. По его мнению, этот принцип неизбежно вытекает из публично-правового характера государства, прогресс государства состоит в уменьшении его «опекающего» характера. И.А. Ильин отрицает существование единой и наилучшей для всех государственной формы, поскольку последняя определяется конкретными историческими условиями. Он выделяет ряд аксиом, представляющих необходимые основы государства и права, несоблюдение их ведет к распаду общества. Аксиомы разделены ученым на две группы: аксиомы власти и аксиомы правосознания. Остановимся на анализе аксиом власти.

Итак, первая аксиома власти гласит, что «власть не может принадлежать никому помимо правового полномочия». Принцип этот можно свести к следующему: власть должна восприниматься вытекающей не из силы, а только из своей правоты. Легитимность власть получает от существующей конституционной формы и от общественного правосознания. Вторая аксиома власти провозглашает ее единство в пределах государства. Это правило не означает полного единства государственных органов и запрета разделения властей, но означает единство права. Государство является единственным и единым источником права на своей территории. Согласно третьей аксиоме власть должна осуществляться «лучшими людьми», то есть соответствующими определенному этическому (моральному) и политическому (способность к этой деятельности) цензу. Форма правления должна обеспечивать нахождение у власти таких людей.

При этом наихудшим примером разложения государства И.А. Ильин называет «политическую продажность» — понимание власти как товара и ее «покупку» у на-

рода за определенные политические обещания и посулы. Четвертая аксиома власти состоит в том, что политическая программа может включать в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес подданных государства. Пятая аксиома власти — это осуществимость государственной программы. Шестая аксиома вытекает из предыдущей. Государство связано с распределяющей справедливостью, но может отступать от нее, когда этого требуют интересы поддержания национально-духовного и государственного бытия народа. Справедливость, по И.А. Ильину, состоит в признании и приспособлении к человеческим различиям. Справедливость в беспристрастном подходе к человеческим различиям, в соответствии различий и правовых последствий. Любое отступление от справедливости без вышеназванных оснований ведет к неустойчивости государства [см. об этом подробнее: 3, с. 151-152].

Вышеперечисленные аксиомы власти находятся в корреляции с аксиомами правосознания, которые можно понимать как законы духовного существования человека. Они соответствуют способам бытия, мотивирования и действия личности. К таким законам И.А. Ильин относит закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания. Именно уровнем развития общественного правосознания определяется конкретная форма правления в государстве, которая в любом случае должна соответствовать аксиомам власти [17, с. 258].

Исходя из принципа единства юридического и этического, И.А. Ильин представляет идеальную законодательную, исполнительную и судебную власть. Он подчеркивает связь государственной власти и нравственности народа, характеризуя ее следующим образом: «нравственность есть “субстанциальное внутреннее” содержание государства, а государство есть “развитие и осуществление” нравственности» [18, с. 420]. Эту максиму И.А. Ильин раскрывает при характеристике идеальной законодательной, исполнительной и судебной власти.

Так, законодательная власть, по словам И.А. Ильина, «ведает созданием новых законов и самыми общими “внутренними обстоятельствами” государственной

жизни, определяя как то, что государство предоставляет индивидуумам (частно-правовые законы, права корпораций и государственное устройство в целом), так и обязанности подданных по отношению к государству» [18, с. 439]. Правительственная власть осуществляет закон. Она должна быть организована так, чтобы «в государстве было “как можно меньше” простого “повиновения” граждан и произвола чиновников; служебная иерархия, ответственность должностных лиц и контроль общин и корпораций — таковы объективные гарантии от “злоупотребления властью”; господство добрых нравов, нравственное и умственное развитие народа и главное привычка ко “всеобщим интересам, воззрением и делам” — таковы субъективные гарантии законности в управлении» [18, с. 439].

Приоритет общего блага над частным благом реализуется в публичной власти. Слово «публичный» происходит от латинского слова “publicus” и переводится как общественный, совершающийся в присутствии публики (народа) [19, с. 502]. В. Даль слово «публичный» заменяет словами «всенародный», «оглашенный», «явный», «известный» [12, с. 535]. В юриспруденции термин «публичный» обозначает не только вид власти, как в Древнем Риме, но и качество, и принцип власти. Например, в Юридическом энциклопедическом словаре подчеркивается, что принцип публичности советского судопроизводства проявляется в публично-правовой обязанности органов государства и должностных лиц разъяснить участникам процесса их права и обеспечить возможность осуществления этих прав. Выражением принципа публичности также является требование, которое заключается в том, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования дела, выявить обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину [16, с. 310].

Возникает вопрос о том, как в настоящее время в Российской Федерации формы государственной власти реализуют идею приоритета общего блага над част-

ным благом, идею публичности власти. Принятые в 2020 году поправки к Конституции Российской Федерации* впервые в истории отечественного права ввели в содержание Конституции категорию «публичная власть». Например, ст. 132 была дополнена частью 3 следующего содержания: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Вместе с тем, несмотря на неоднократное упоминание термина «публичная власть», в Конституции Российской Федерации нет прямого закрепления его определения. Нормативная дефиниция публичной власти будет включена в Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»**. В законе публичной властью называется совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления.

Однако само по себе понятие «публичная власть» не является новым для отечественной правовой доктрины. В традиционном для прошлого века ленинском понимании государства одним из его признаков являлось наличие публичной власти, не совпадающей с совокупностью вооруженного народа и в силу этого отделенной от народных масс. Иными словами, термин «публичная власть» означал образование особого класса лиц, концентрирующих в своих руках государственную власть и управление [20, с. 406]. Подобное понимание сохранилось и в настоящее время, например: «публичная власть как разновидность социальной власти — это

власть, выделенная от народа и в конституционно-правовом порядке наделенная народом правом на осуществление полномочий от своего имени. В качестве организационно-правового института публичная власть — это власть органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые образуют единую систему публичной власти» [21, с. 45]. Вместе с тем для В.И. Ленина, рассматривавшего государство и его аппарат с классовых позиций, была очевидной опасность отрыва «публичной власти» от интересов народных масс. К сожалению, такая опасность сохраняется и в настоящее время [20, с. 406].

Эволюция толкования государственной власти как системы публичной власти, которая происходила в последние два десятилетия в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, убедительно представлена А.Н. Мещеряковым. Он отмечает, что в результате этой эволюции сложилась «полноценная модель организации публичной власти» [22, с. 12]. На наш взгляд, особенностью этой модели организации публичной власти является не только то, что она снимает противоречия между уровнями государственной власти (согласовывает действия различных уровней государственной власти, органов местного самоуправления, иных государственных органов; образует общую институциональную систему, предназначенную для реализации публичных функций; создает условия для организационного взаимодействия государственных органов на конкретной федеральной территории) [22, с. 13]. Важно, что в этой модели организации публичной власти реализуется принцип единства юридического и этического, модель ориентирует публичную власть на созидание общего блага для российского народа.

Резюмируя сказанное о принципе единства юридического и этического в деятельности государственной власти, можно отметить следующее:

1) принцип единства юридического и этического является условием совершенствования государственной власти, превращения ее в социальную власть;

2) принцип единства юридического и этического реализуется прежде всего че-

* О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 50 (ч. III). Ст. 8039.

рез принципы публичности власти, общественного договора, организационного взаимодействия государственных органов (принципы субординации и координации), когда эти юридические принципы стремятся выразить общечеловеческие нравственные принципы и нравственный закон;

3) принцип единства юридического и этического способствует превращению иерархической и многоуровневой системы государственной власти в органическое целое; позволяет установить синергию между законодательной, исполнительной и судебной властью, согласовать отношения властвующих и подвластных на разных уровнях: на уровне федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления;

4) обращение к русской традиции в толковании слова «власть» позволяет понять идею российской государственной власти более глубоко; в русской традиции предназначение государственной власти – быть первопричиной порядка в стране [10, с. 491];

5) принцип единства юридического и этического должен определять выбор средств государственной власти; подлинное государственное подчинение исключает насилие подвластных, оставляет им реальную свободу, которая выражается в их правовой способности совершать по собственной воле добрые дела, не причиняя вреда другим людям; при единстве правового и нравственного измерения деятельности государственной власти акцентируется внимание на выборе ею способов и средств подчинения подвластных;

6) принцип единства юридического и этического позволяет сформулировать аксиомы идеальной государственной власти;

7) результатом действия принципа единства юридического и этического является закрепление института публичной власти как явления, отражающего единство различных уровней государственной власти Российской Федерации – федеральной и региональной в тесном взаимодействии с органами местного самоуправления [10, с. 491], что является следствием объективных процессов движения к социальной государственной власти, к социальному государству.

Список источников

1. Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. Москва: Проспект, 2011. 552 с.
2. Конфуций: биография, цитаты, афоризмы. Москва: Э, 2016. 288 с.
3. Философия права в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. Н.В. Блажевича. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 186 с.
4. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. Москва: Инфра-Норма, 1997. 652 с.
5. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1984. 830 с.
6. Анисин А.Л. Онтологические основания общества и государства: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2004. 72 с.
7. Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
8. Нравственно-этические основы службы в органах внутренних дел России: учеб. пособие / под ред. А.Л. Анисина. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 196 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. Москва: ТЕРРА, 1994. 560 с.
10. Блажевич Н.В., Блажевич И.Н. Государственная власть и безопасность человека в юридическом и этическом аспектах // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы Междунар. науч. конф., 14 декабря 2021 г. / отв. ред. И. А. Грошева. Тюмень: Филиал Ин-та деловой карьеры в Тюменской области, 2022. С. 486-491.
11. Блажевич Н.В., Блажевич И.Н. Права и свободы человека в юридическом и этическом аспектах // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 16-26.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. Москва: ТЕРРА, 1994. 784 с.
13. Словарь синонимов. Ленинград: Наука, 1976. 648 с.
14. Толстой Л.Н. Путь жизни. Москва: Высшая школа, 1993. 527 с.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: ТЕРРА, 1994. 800 с.
16. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. Москва: Сов. энцикл., 1984. 415 с.
17. Ильин И.А. Путь к очевидности. Москва: Республика, 1993. 431 с.

18. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 544 с.
19. Современный словарь иностранных слов. Москва: Рус. яз., 1992. 740 с.
20. Рожков В.П. Субъект власти в концепциях революций В.И. Ленина и М. Вебера: историко-философский аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 405-409.
21. Советов И.К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года // Вестник Прикамского социального института. 2020. N 3. С. 43-52.
22. Мещеряков А.Н. Формирование конституционно-правовой модели единой системы публичной власти в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 6-15.

References

1. Baburin S.N., Berezhnov A.G., Vorotilin E.A. i dr. Philosophy of law. Course of lectures. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 552 p. (In Russ.).
2. Confucius: biography, quotes, aphorisms. Moscow, E Publ., 2016. 288 p. (In Russ.).
3. Philosophy of law in questions and answers. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 186 p. (In Russ.).
4. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Moscow, Infra-Norma Publ., 1997. 652 p. (In Russ.).
5. Aristotel'. Works. In 4 volumes. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 830 p. (In Russ.).
6. Anisin A.L. Ontological foundations of society and the state. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2004. 72 p. (In Russ.).
7. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1989. 815 p. (In Russ.).
8. Moral and ethical foundations of service in the internal affairs bodies of Russia. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 2018. 196 p. (In Russ.).
9. Dal' V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow, TERRA Publ., 1994. 560 p. (In Russ.).
10. Blazhevich N.V., Blazhevich I.N. State power and human security in legal and ethical aspects. Social security in the Eurasian space. Tyumen, Branch of the Institute of Business Career in the Tyumen Region, 2022. Pp. 486-491. (In Russ.).
11. Blazhevich N.V., Blazhevich I.N. Legal and ethical issues of human rights and freedoms. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 1 (55), pp. 16-26. (In Russ.).
12. Dal' V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. Vol. 3. Moscow, TERRA Publ., 1994. 784 p. (In Russ.).
13. Dictionary of synonyms. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 648 p. (In Russ.).
14. Tolstoy L.N. The path of life. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 527 p. (In Russ.).
15. Dal' V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow, TERRA Publ., 1994. 800 p. (In Russ.).
16. Legal Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1984. 415 p. (In Russ.).
17. Il'in I.A. The path to clarity. Moscow, Respublika Publ., 1993. 431 p. (In Russ.).
18. Il'in I.A. Philosophy of Hegel as the doctrine of the concreteness of God and man. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 544 p. (In Russ.).
19. Modern dictionary of foreign words. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1992. 740 p. (In Russ.).
20. Rozhkov V.P. The subject of power in the concepts of revolutions V.I. Lenin and M. Weber: historical and philosophical aspect. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2017, vol. 17, issue 4, pp. 405-409. (In Russ.).
21. Sovetov I.K. Public authority in Russia according to the Constitution of 2020. Bulletin of the Kama Social Institute, 2020, no. 3, pp. 43-52. (In Russ.).
22. Meshcheryakov A.N. Creating the constitutional and legal model of the unified system of public power in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2022, no. 4 (62), pp. 6-15. (In Russ.).

Вклад авторов:

- Блажевич Н.В. — разработка концепции научной статьи, анализ этической литературы по теме, сбор и обработка этического материала, редактирование текста статьи;
- Блажевич И.Н. — формулировка научных задач, анализ юридической литературы по теме, сбор и обработка юридического материала, написание текста и выводов статьи.

Contribution of the authors:

Blazhevich N.V. – developing the concept of the scientific article, analyzing the ethical literature on the topic, collecting and processing of ethical material, editing the text of the article;

Blazhevich I.N. – formulating the scientific problems, analyzing the legal literature on the topic, collecting and processing of legal material, writing the text and conclusions of the article.

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 5.1.2

Формы публичной власти в конституционном праве России

Александр Николаевич Мещеряков,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на различные подходы к классификации публичной власти в конституционном праве России, выделяющие ее виды, уровни, формы и модели. Высказано мнение о том, что деление публичной власти на виды и уровни в большей степени соответствует ее сущностной характеристике, тогда как выделение форм и моделей отражает способы осуществления публичной власти. Обоснован вывод, согласно которому понятие «формы публичной власти» характеризует исключительно способы ее осуществления. Исходя из способов осуществления народовласти как основания классификации, формы публичной власти объединены в основные группы — непосредственные и представительные. Непосредственные формы публичной власти представлены тремя категориями: конституционные основные, конституционные и конституционно-правовые. К представительным формам публичной власти отнесены государственная власть, муниципальная власть и публичная власть федеральной территории. Применительно к каждой форме публичной власти рассмотрены основы конституционно-правового регулирования, обозначены его недостатки, предложены направления и способы их устранения. Выводы и предложения исследования направлены на упорядочение категориально-понятийного аппарата теории публичной власти в конституционном праве России и ее дальнейшее развитие.

Ключевые слова: конституционное право, публичная власть, форма публичной власти, выборы, референдум, государственная власть, муниципальная власть, органы власти

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Формы публичной власти в конституционном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 31-42.

Forms of public authority in the constitutional law of Russia

Aleksandr N. Meshcheryakov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

Abstract. The author's view on various approaches to the classification of public authority in the constitutional law of Russia, distinguishing its types, levels, forms and models, is provided. It is suggested that dividing the public authority into types and levels mostly corresponds to its essential characteristics, while allocating its forms and models reflects the ways of exercising public authority. It is concluded and substantiated that the concept of forms of public authority characterizes exclusively the ways of its implementation. Basing on the methods of exercising democracy as the basis for classification, forms of public authority are consolidated into main groups: direct and representative. The direct forms of public authority are represented by three categories: basic constitutional, constitutional and constitutional-legal. Representative forms of public authority include state (federal and regional) authority, municipal authority and public authority of the federal territory. For each of the discussed forms of public authority the basics of constitutional-legal regulation are considered, its deficiencies are indicated, some directions and ways for their addressing are proposed. The researcher's conclusions and proposals are aimed at ordering the categorical and conceptual framework of the theory of public authority in the constitutional law of Russia and its further developing.

Keywords: constitutional law, public authority, form of public authority, elections, referendum, state authority, municipal authority, authorities

For citation: Meshcheryakov A.N. Forms of public authority in the constitutional law of Russia // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 31-42.

Введение

С принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»* (далее – конституционная поправка 2020 года) в конституционном законодательстве было закреплено использовавшееся ранее только в юридической доктрине и конституционной судебной практике понятие публичной власти. По прошествии 30 лет с тех пор, когда в 1990 году Декларацией о государственном суверенитете РСФСР** было провозглашено разделение властей, впервые в системе организации власти произошли концептуальные структурные изменения.

Принятые в дальнейшем нормативные правовые акты, регулирующие отдельные вопросы организации и осуществления публичной власти, указывают на то, что конституционные положения о ней не стали декларативными. В развивающихся конституционно-правовое регулирование публичной власти в законах подчеркивается ее системообразующий характер. Она как бы пронизывает все конституционные виды власти: государственную власть в Российской Федерации, государственную власть в субъектах Российской Федерации и власть органов местного самоуправления, интегрируя их в единую систему.

Трансформация публичной власти из объекта абстрактного научного моделирования в конкретный конституционно-правовой институт вызвала интерес научной общественности, который сохраняется и в настоящее время. Не теряет своей актуальности необходимость научного осмысления внесенных конституционных изменений, важным направлением исследований является научное построение современной

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декларация СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. N 22-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. N 2. Ст. 22.

теории публичной власти, соответствующей новым реалиям конституционной организации Российского государства, продолжают оставаться в центре внимания и дальнейшие изменения законодательства.

Одной из важных дискуссионных проблем в разработке современной теории публичной власти является вопрос о формах публичной власти и их конституционно-правовом регулировании, который стал предметом данной статьи.

Предваряя изложение результатов исследования, важно условиться, что публичная власть в настоящей работе рассматривается как вид общественной власти, позволяющей подчинять, навязывать свою волю неограниченному кругу лиц. Отличия публичной власти от иных видов общественной власти, например власти родителей, учителей, работодателей, заключаются, во-первых, в ее источнике, которым является некая неопределенная общность людей, чью волю она выражает и которой подчиняется, во-вторых, в том, что она осуществляется открыто, то есть публично. Это широкий сущностный подход к пониманию публичной власти, отражающий все ее проявления.

Вместе с тем в российском законодательстве реализован узкий нормативный подход к ее пониманию, в котором публичная власть рассматривается как совокупность органов, данной властью наделенных: органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления***.

Принципиальное различие указанных подходов обусловлено многозначностью термина «власть», которым обозначается не только особое свойство подчинять своей воле, но и субъекты, наделенные данным свойством [1, с. 490].

Следуя нормативному подходу, воспринимая публичную власть как совокупность наделенных данной властью органов, сложно заметить какие-либо различия в их внешнем проявлении, то есть

*** О Государственном Совете Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2020 г. N 394-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 50 (ч. III). Ст. 8039.

выделить их формы. Ведь в итоге любой орган представляет собой одно лицо или группу лиц, наделенных в установленном порядке властью, полномочиями и выполняющих строго определенные функции.

Представление о форме как внешнем проявлении содержания, выражающем сущность явления, приобретает смысл при широком подходе к пониманию публичной власти, рассматривающем ее как идею — особую силу, подчиняющую людей своей воле. Сама по себе публичная власть — лишь наличие силы, тогда как в процессе ее реализации (осуществления в конкретных общественных отношениях) обнаруживаются различные способы ее воздействия на объекты, которые, являясь внешними ее проявлениями, именуется формами публичной власти.

Соответственно, выделять формы публичной власти возможно, только опираясь на широкий сущностный подход к ее исследованию и учитывая их неразрывную связь с ее реализацией.

1. Формы и иные классификации публичной власти в науке конституционного права

Разнообразие публично-властных отношений как по составу субъектов, так и по способам реализации публичной власти обусловило выделение ее различных научных классификаций. Поскольку власть — явление социальное, она выступает объектом изучения различных гуманитарных наук: исторической, политической, социологической, психологической и, несомненно, юридической. В юридической науке особое внимание публичной власти уделяется в конституционном праве России в силу специфики его предмета как отрасли права, ведь это в первую очередь «право власти». Именно в нормах конституционного права содержатся базовые положения о власти, ее устройстве, организации и осуществлении. В связи с этим в науке конституционного права вопросам организации и осуществления публичной власти посвящено значительное количество исследований.

Проведение различных классификаций публичной власти в конституционно-правовой науке направлено на достижение ряда целей, среди которых: точное уяснение исследуемого понятия, его деле-

ние по существенным признакам, выявление сходства и различий, позволяющих фрагментировать процесс познания сущности публичной власти и обеспечить всестороннее ее изучение. Несмотря на то, что любые классификации условны и относительны, их выделение, уточнение, анализ элементного состава дополняют понятийный аппарат науки конституционного права и развивают теорию публичной власти.

Авторы многих работ, посвященных ее классификациям, исходят из наличия двух видов публичной власти: государственной и муниципальной [2, с. 9; 3, с. 23-25]. Разные виды публичной власти выделяются на основе принципа «разделение властей». Особое внимание уделяется представительной публичной власти как власти законодательной, а значит, верховной по отношению к остальным ее ветвям, которые должны быть ей подчинены [4, с. 136].

А.А. Югов, систематизируя объемный материал, касающийся вопросов публичной власти, выделяет институты и органы публичной власти. К первым он относит уровни осуществления публичной власти (федеральный, региональный и муниципальный), а вторые подразделяет на органы государственной власти, органы муниципальной власти, органы общественной власти и органы международно-правовой власти исходя из функций публичной власти [5, с. 25]. Обосновывая вывод об отсутствии единого понимания «форм» и «видов» публичной власти, он выделяет пять форм публичной власти: 1) прямая публичная власть, 2) публичная государственная власть, 3) публичная муниципальная власть, 4) общественная (корпоративная) публичная власть и 5) международно-правовая публичная власть [5, с. 75-76].

По мнению В.Е. Чиркина, в зависимости от видов публично-правовых образований существуют различные модели публичной власти: суверенная государственная власть, государствовподобная власть субъекта федерации, автономная публичная власть территориальных образований, наделенных особым статусом, муниципальная публичная власть и общинно-родовая власть в публично-правовых образованиях коренных малочисленных народов [6, с. 22].

В.А. Лебедев выделяет государственную и муниципальную формы выражения публичной власти [7, с. 5]. А.Т. Карасев рассматривает государственную и муниципальную власть как формы осуществления народовластия [2, с. 9-10].

В решениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) публичная власть классифицируется на уровни: «государственные органы и органы местного самоуправления являются органами публичной власти различных уровней»*.

В работах отдельных авторов содержатся и иные классификации публичной власти, но они не так распространены. В науке конституционного права публичная власть подразделяется преимущественно на формы, виды, уровни и модели. Предметный анализ указанных классификаций показывает, что они включают однородные элементы, в связи с чем для их разграничения сложно найти какое-либо логическое обоснование. Исходя из этого для решения вопроса о классификации публичной власти предлагается рассмотреть это понятие в двух аспектах.

Первый — это публичная власть как свойство. Поскольку власть является особой способностью, позволяющей подчинять своей воле, делать решения обязательными для исполнения, то попытки обнаружить различные формы, в которых выражается это свойство, малоперспективны. Власть либо принадлежит субъекту, либо отсутствует. Можно возразить, что власть может быть приобретена законным путем, и тогда она принимает легитимную форму, а власть, полученная в результате захвата или иного незаконного присвоения, имеет форму нелегитимной. Однако каких-либо внешних различий легитимная либо незаконная публичная власть не имеет. А фор-

ма — это в первую очередь отличие во внешнем проявлении.

Власть как свойство не выражается во внешних проявлениях, и в данном значении исследуемого термина выделять какие-либо формы публичной власти довольно сложно. Вместе с тем ее можно классифицировать на виды и уровни.

Понятие «вид» в логике рассматривается как промежуточное между родовым и индивидуальным. Именно это позволяет выделять такие виды публичной власти, как национальная и наднациональная (международная). Понятие «уровень» также является абстрактной теоретической конструкцией, которая может не иметь внешних проявлений. Например, без детального изучения предметов ведения и полномочий иногда непросто увидеть различия между федеральным, региональным или муниципальным уровнями публичной власти.

Второй аспект — это публичная власть как процесс. В данном случае она рассматривается не просто в качестве наличия некой силы, а как способ ее применения в конкретных общественных отношениях. И этот способ не единственный. Именно особенности реализации публичной власти образуют различные внешние отличия, которые можно классифицировать на формы осуществления публичной власти. В связи с этим термин «форма» наилучшим образом применим для обозначения внешних проявлений указанного свойства, выражающихся в осуществлении (или реализации) публичной власти.

Используемый в работах термин «модель» является более сложным, поскольку он отражает некое устройство, процесс или систему. В отличие от вида и уровня модель, как правило, наряду с теоретической конструкцией может иметь внешние проявления. Данный термин более системный, чем термин «форма», и может характеризовать специфику нескольких или всех форм осуществления публичной власти. Понятие «модель» применительно к остальным понятиям является родовым и характеризует совокупность признаков публичной власти, выражающихся в различных ее классификациях.

Таким образом, публичная власть как особое свойство субъекта, означающее

* По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. N 17-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 25. Ст. 3002.

наличие у него власти, может быть классифицирована на виды и уровни. Реализация публичной власти, то есть ее использование в конкретных правоотношениях, обретает соответствующие формы. Виды, уровни и формы публичной власти могут быть обобщены в модели, отражающие комплексную характеристику явления.

Модели публичной власти в целом отражают национальные особенности публичной власти, ее организации и осуществления. Например, можно говорить в целом о российской модели публичной власти или об особенностях моделей публичной власти в субъектах Российской Федерации. Формы осуществления публичной власти характеризуют отдельные ее внешние проявления, которые могут иметься в любой национальной модели публичной власти.

Соответственно, под формой публичной власти предлагается понимать ее внешнее выражение, отражающее ее содержание и проявляющееся только при ее осуществлении. Форма характеризует публичную власть с точки зрения ее возможного применения, именно поэтому понятия «форма осуществления публичной власти» и «форма публичной власти» являются равными по объему. При изучении публичной власти как свойства возможно выделение видов и уровней, но только при осуществлении публичная власть обретает конкретную форму — внешнее выражение своего существа. При любом упоминании формы применительно к публичной власти ее осуществление подразумевается, и рассмотрение форм публичной власти подразумевает изучение форм ее осуществления.

В юридической плоскости формы публичной власти проявляются в конкретных правоотношениях. Без них формы не могут существовать. Форма неразрывно связана с субъектами правоотношения, влияет на их взаимные права и обязанности.

Вид и уровень публичной власти характеризуют субъектов права и могут быть установлены вне конкретного правоотношения. При этом они обуславливают формы публичной власти, определяя их в конкретных правоотношениях. И именно в динамике правоотношений виды и уровни публичной власти выражаются в ее формах.

Например, человек как субъект права может быть носителем разных видов публичной власти. Как гражданин он обладает властью народа, поступив на государственную или муниципальную службу, он приобретает государственную или муниципальную публичную власть, занимая должность в общественной организации — общественную публичную власть. Все это разные виды и уровни публичной власти, и он ими обладает. Но только будучи реализованной в конкретном правоотношении, имеющаяся у него публичная власть приобретает ту или иную форму.

Исходя из известных форм демократии в конституционно-правовой науке выделяют две основные группы форм публичной власти: непосредственные и представительные. Рассмотрим их более подробно.

2. Непосредственные формы публичной власти и их конституционно-правовое регулирование

Как следует из наименования, непосредственные формы публичной власти позволяют народу осуществлять власть без каких-либо посредников, то есть непосредственно. Поскольку ст. 3 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) признает единственным источником власти в Российской Федерации ее многонациональный народ, любое не противоречащее закону осуществление им публичной власти образует ее непосредственную форму.

Для того чтобы публичная власть осуществлялась народом на законных основаниях и не происходило злоупотребления в осуществлении данного права, Конституцией РФ и иными нормативными правовыми актами предусмотрены различные непосредственные формы публичной власти и процедуры их реализации.

Среди конституционных (закрепленных непосредственно в Конституции РФ) форм особо выделяются референдум и выборы, которые согласно ст. 3 Конституции РФ являются высшими непосредственными формами публичной власти.

В статье 32 Конституции РФ закреплена такая конституционная непосредственная форма публичной власти, как право граждан Российской Федерации непосредственно участвовать в управлении

делами государства. Для реализации указанной формы граждане могут быть избраны в органы государственной власти и органы местного самоуправления, имеют доступ к государственной службе, имеют право участвовать в отправлении правосудия.

Дискуссионным является вопрос об отнесении права граждан на собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ), права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ) к непосредственным формам публичной власти. Поскольку указанные права могут быть использованы в различных целях, в том числе культурных или ознакомительных, не каждое их использование связано с осуществлением публичной власти. Только если при реализации указанных прав к государственным органам или органам местного самоуправления выдвигаются конкретные требования, например, об осуществлении каких-либо действий или воздержании от них, массовые мероприятия и обращения следует относить к непосредственным формам публичной власти.

Большое количество непосредственных форм публичной власти перечислено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* (далее — Закон о принципах местного самоуправления). Преобладание непосредственных форм на местном уровне связано с тем, что непосредственное осуществление публичной власти на всей территории страны является организационно сложным и дорогостоящим мероприятием. В масштабах муниципальных образований реализовывать публичную власть в непосредственных формах намного проще. Например, в небольшом муниципальном образовании можно провести сход на центральной площади, но не существует такой площади, чтобы собрать все многомиллионное население страны. Именно на местном уровне наряду с выборами, референдумом, собраниями и обращениями возможна

реализация иных непосредственных форм публичной власти: голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; инициативные проекты; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания, общественные обсуждения; конференция граждан (собрание делегатов).

Возможность отнесения к непосредственным формам публичной власти опроса граждан может вызывать сомнения, так как согласно ст. 31 Закона о принципах местного самоуправления его результаты носят рекомендательный характер. Но поскольку выявленное по результатам опроса мнение населения подлежит учету при принятии решений органами государственной власти и органами местного самоуправления, что отражает такую характеристику власти, как «возможность навязывать свою волю», постольку опрос граждан можно рассматривать в качестве непосредственной формы публичной власти.

Следует отметить, что указанный перечень непосредственных форм публичной власти не является закрытым, они могут вводиться федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации или муниципальными правовыми актами.

Также можно предполагать, что с учетом продолжающейся информатизации различных сфер жизни общества непосредственные формы публичной власти, традиционно рассматриваемые в качестве применимых исключительно в малых группах или на небольших территориях, будут распространены на большие территории, включая субъекты Российской Федерации и территорию всей страны.

Примером информатизации форм публичной власти является общественная инициатива. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. N 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская обще-

* Собр законодательства Рос. Федерации. 2003. N 40. Ст. 3822.

ственная инициатива»)* для направления общественной инициативы и голосования по ней используется специальный интернет-ресурс. Будучи поддержанной в установленном порядке, общественная инициатива может быть реализована на муниципальном, региональном и федеральном уровнях посредством разработки соответствующего нормативного правового акта и (или) принятия иных мер.

Таким образом, науке конституционного права известно большое количество непосредственных форм публичной власти – различных способов ее осуществления непосредственно народом. Порядок реализации непосредственных форм публичной власти с целью их упорядочения и исключения злоупотребления правом закреплен в законодательстве. Часть этих форм являются высшими конституционными и конституционными, поскольку предусмотрены Конституцией РФ, остальные – конституционно-правовыми, поскольку содержатся в иных нормах конституционного права. При этом закрепленный в законодательстве перечень непосредственных форм публичной власти не является закрытым и может быть в дальнейшем расширен, что отражает демократический характер нашего государства и соответствует базовому конституционному положению о принадлежности всей полноты власти многонациональному народу Российской Федерации.

3. Представительные формы публичной власти и их конституционно-правовое регулирование

Главная идея, на которой основываются представительные формы публичной власти, возникла в связи с объективной невозможностью осуществления публичной власти на больших территориях и в больших коллективах при помощи непосредственных форм. Если небольшая община может управляться непосредственно, то с увеличением территории и количества населения неизбежно возникает необходимость передачи публично-властных полномочий специальным субъектам, осуществляющим их от имени и по поручению народа как единственного носителя власти.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 10. Ст. 1019.

Подобное положение закреплено в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ, согласно которой народ осуществляет свою власть не только непосредственно, но и через уполномоченные органы (государственной власти и местного самоуправления). Предметный анализ указанной нормы приводит к следующим выводам:

1. Публичная власть в Российской Федерации может осуществляться в представительных формах.

2. Субъектами, уполномоченными на осуществление публичной власти в представительных формах, являются органы государственной власти и органы местного самоуправления, что позволяет выделить ее государственную и муниципальную формы.

3. Представительные формы власти являются вторичными по отношению к непосредственным, на что указывает использованный в исследуемой норме союз «а также».

Из части 4 ст. 3 Конституции РФ, устанавливающей запрет на присвоение власти или присвоение властных полномочий, также может следовать и то, что иных форм публичной власти, кроме непосредственных, а также указанных в ч. 2 представительных форм Конституция РФ не предусматривает. Иными словами, перечень форм публичной власти, предусмотренных Конституцией РФ, является закрытым. Это также следует из неоднократно повторенной в решениях Конституционного Суда РФ его правовой позиции о двух уровнях публичной власти – государственном и муниципальном**.

Вместе с тем, поскольку конституционной поправкой 2020 года в ст. 67 Конституции РФ были внесены положения, устанавливающие особенности организации

** По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Чукотского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Чукотском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева: постановление Конституционного Суда РФ от 2 апр. 2002 г. N 7-П // Там же. 2002. N 14. Ст. 1374.

публичной власти на федеральных территориях, эти изменения позволяют дополнить перечень представительных форм публичной власти еще одной новой формой – публичная власть федеральной территории.

Таким образом, в настоящее время Конституцией РФ предусмотрены три представительные формы публичной власти:

1. Государственная публичная власть (ст. 3 Конституции РФ).

2. Муниципальная публичная власть (ст. 3 Конституции РФ).

3. Публичная власть федеральной территории (ст. 67 Конституции РФ).

Соответствующим образом меняется и правовая позиция высшего органа конституционного контроля, который в своем заключении от 16 марта 2020 г. N 1-3 взамен привычных двух уровней публичной власти оперирует понятиями «различных уровней публичной власти» и «других (по отношению к местному самоуправлению) уровней публичной власти»*. То есть начиная с 2020 года Конституционный Суд РФ допускает наличие других уровней публичной власти.

Ссылки на другие уровни публичной власти имеются в следующих его решениях: в постановлении от 4 июня 2020 г. N 27-П впервые используется понятие «региональный уровень публичной власти»**; в постановлении от 25 декабря 2020 г.

* О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. N 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 12. Ст. 1855.

** По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» в связи с жалобой граждан Н.П. Барановой, А.Г. Круглова и Д.И. Сталина: постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2020 г. N 27-П // Там же. 2020. N 24. Ст. 3851.

N 49-П содержится упоминание о федеральном и региональном уровнях публичной власти***. Однако федеральный и региональный уровни публичной власти не образуют новых ее форм, это разновидности государственной формы публичной власти, обусловленные федеративным характером нашего государства.

Публичная власть федеральной территории является принципиально новой ее формой и пока еще в решениях высшего органа конституционного контроля в качестве уровня публичной власти не указывалась. Но поскольку эта форма предусмотрена Конституцией РФ, она вполне может быть интегрирована в единую систему публичной власти в качестве самостоятельного ее уровня.

Рассматривая единую систему публичной власти в конституционно-правовом аспекте, О.А. Кожевников совершенно верно указывает, что она используется в качестве родового понятия, объединяющего органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в совокупности как субъектов власти, исходящих от многонационального народа [8, с. 253]. И если следовать нормативному определению публичной власти, то этот перечень закрыт.

Но ведь публичная власть федеральной территории прямо предусмотрена Конституцией РФ, что вряд ли позволяет при формировании модели единой системы публичной власти ее игнорировать. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти в единую систему публичной власти входят,

*** По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: постановление Конституционного Суда РФ от 25 дек. 2020 г. N 49-П // Там же. 2021. N 1 (ч. II). Ст. 289.

а не образуют ее, что допускает возможность вхождения в единую систему публичной власти и иных субъектов. Таким образом, очевидно, что нормативная конструкция единой системы публичной власти несовершенна и должна быть доработана с учетом органов публичной власти федеральной территории.

Согласно ст. 67 Конституции РФ и Федеральному закону от 22 декабря 2020 г. N 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»»* (далее – Закон о федеральной территории «Сириус») органы публичной власти федеральной территории объективно существуют и в своей деятельности осуществляют публичную власть. Факт их наличия в дополнение к теоретическим обоснованиям эмпирически подтверждает существование такой представительной формы, как публичная власть федеральной территории.

Соответственно, в настоящее время в отечественном конституционном праве можно выделить три представительные формы публичной власти, которые обусловлены федеративным и территориальным делением государства: государственная публичная власть (федеральная и региональная), муниципальная публичная власть и публичная власть федеральной территории.

Несмотря на то, что все эти формы основываются на одной идее – народного представительства – и закрепляющей ее ст. 3 Конституции РФ, их соединение в одну представительную форму публичной власти не представляется возможным в связи с наличием у каждой существенных особенностей.

Первым и главным отличием представительных форм публичной власти является то, что они осуществляются разными органами. Государственная публичная власть – государственными органами; муниципальная публичная власть – органами местного самоуправления; публичная власть федеральной территории – органами публичной власти федеральной территории. Особенности организации и деятельности органов, осуществляющих разные представительные формы публич-

ной власти, определяют специфику реализации публичной власти.

Важной отличительной особенностью государственной публичной власти являются принципы разделения властей и федерализма. В соответствии с первым она должна осуществляться на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную – виды публичной власти, характерные только для ее государственной формы. Второй – детерминирует существование двух систем органов государственной власти: федеральной и субъектов федерации, что позволяет в государственной публичной власти выделять федеральный и региональный уровни. Нельзя не отметить наличие в конституционно-правовой науке подхода, согласно которому местное самоуправление рассматривается в качестве своеобразного «третьего» уровня российского федерализма. Он был предложен судьей Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотовым в особом мнении к постановлению от 1 декабря 2015 г. N 30-П** и поддержан многими учеными [9, с. 48; 10, с. 52]. Можно предположить, что с развитием теории публичной власти и ее единой системы данная концепция может получить дальнейшее развитие, и эта трехуровневая конструкция децентрализации публичной власти обогатит классический принцип федерализма, еще больше сблизив ее государственную и муниципальную формы.

Не менее существенным отличием государственной публичной власти от других ее форм является монополия на ограничение прав и свобод человека и гражданина и применение насилия. Она обеспечивает силу всех форм публичной власти, как непосредственных, так и представительных, обладая карательными полномочиями и

** По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 1 дек. 2015 г. N 30-П // Там же. 2015. N 50. Ст. 7226.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 52 (ч. II). Ст. 8583.

соответствующими органами. Поскольку суть публичной власти заключается в навязывании воли, установлении обязательных для исполнения правил, обеспечение их безусловного исполнения, в том числе посредством принуждения и применения насилия, осуществляется государственной властью. Она придает иным формам публичной власти императивный характер.

Публичная власть в муниципальной форме осуществляется органами местного самоуправления, на которые требование ст. 10 Конституции РФ о разделении власти не распространяется. Да и такой вид публичной власти, как судебная, в муниципальной ее форме не представлен. По российскому законодательству это прерогатива государственной публичной власти*. Однако из этого не следует, что органы местного самоуправления являются органами общей компетенции. Они имеют функциональную специализацию. Согласно ст. 34 Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»** структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, а также иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления. При этом наличие представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования и местной администрации по общему правилу обязательно. Аналогичные положения содержатся в ст. 14 проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»***.

Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, хотя по Конституции РФ в местном

самоуправлении не применяется принцип разделения властей, о разграничении полномочий между представительными и исполнительными муниципальными органами все равно говорить приходится [11, с. 10].

Представительный орган муниципального образования выполняет нормотворческую функцию, местная администрация – исполнительную, а глава муниципального образования является его высшим должностным лицом и осуществляет полномочия главы публичного образования.

Что касается органов публичной власти федеральной территории, то согласно ст. 10 Закона о федеральной территории «Сириус» систему органов публичной власти составляют: совет федеральной территории, который является представительным органом и выполняет функцию нормотворчества, и администрация – исполнительно-распорядительный орган федеральной территории. Функции главы этого публичного образования исполняет председатель совета федеральной территории, поскольку именно он наделен правом его представления в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами, организациями, в том числе международными организациями, без доверенности.

Таким образом, несмотря на то, что представительные формы публичной власти базируются на единых принципах народного представительства, в зависимости от уровня публичного образования (Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, федеральная территория) они имеют важные отличительные особенности, определяющие специфику организации и осуществления публичной власти.

Заключение

В завершение исследования форм публичной власти в отечественном конституционном праве важно акцентировать внимание на следующих основных положениях:

1. В связи с повышенным вниманием к институту публичной власти, вызванным конституционной поправкой 2020 года, в отечественном конституционном праве стали использоваться различные классификации публичной власти. Основные

* О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 1. Ст. 1.

** Там же. 2003. N 40. Ст. 3822.

*** Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

классификации разработаны посредством деления публичной власти на виды, уровни, формы и модели. Как показало исследование, выделение видов и уровней публичной власти более применимо к ее сущностной характеристике и соответствует статике публичной власти, выражающейся в ее наличии. Формы и модели отражают способы реализации публичной власти и характеризуют ее динамику, проявляющуюся в ее использовании в общественных отношениях. При этом все указанные понятия тесно связаны между собой, поскольку отделить власть от ее осуществления довольно сложно.

2. Форма публичной власти характеризует внешнее проявление ее сущности в конкретных общественных отношениях и выражается в конкретном способе ее реализации. Поскольку публичная власть является способностью подчинять себе и навязывать им свою волю, для ее воздействия на общественные отношения необходимы конкретные способы, которые обретают некие формы. Это формы осуществления публичной власти, которые кратко именуется формами публичной власти. Отсюда формы публичной власти — это способы ее осуществления.

3. В качестве основной классификации форм публичной власти предложено их деление на непосредственные и представительные в зависимости от способа реализации народом своей власти.

Непосредственные формы, в свою очередь, подразделяются на высшие конституционные: референдум и выборы; конституционные: участие в управлении делами государства, публичные мероприятия и обращения; конституционно-правовые: отзыв выборного лица; голосование по вопросам изменения территориальных границ; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; инициативные

проекты; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания, общественные обсуждения; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; общественная инициатива. Перечень непосредственных форм публичной власти не является закрытым и по воле народа, единственного источника власти в нашей стране, могут возникать новые непосредственные формы публичной власти.

4. Представительные формы публичной власти зависят от территориального деления нашего государства: государственная (федеральная и региональная), муниципальная и публичная власть федеральной территории. Обоснованность выделения публичной власти федеральной территории может быть поставлена под сомнение, однако, как показано в статье, ее существование выводится теоретическими рассуждениями и подтверждается эмпирически, что позволяет рассматривать данную форму публичной власти в одном перечне с государственной и муниципальной.

Несмотря на единую основу представительного способа осуществления публичной власти, каждая из обозначенных форм имеет существенные отличительные черты, выражающиеся в особенностях правового статуса органов, осуществляющих публичную власть, принципах их организации и деятельности, властных полномочиях, которыми они наделены от имени народа.

5. Представленный в исследовании подход к пониманию форм публичной власти, их классификации и особенностей преследует цель упорядочения используемой терминологии, развития понятийного аппарата, укрепления концептуальных основ и дальнейшего развития теории и практики организации и осуществления публичной власти в конституционном праве России.

Список источников

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 944 с.
2. Карасев А.Т. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, содержание // Проблемы права. 2011. N 1. С. 8-12.
3. Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. N 6. С. 23-28.
4. Карасев А.Т., Савоськин А.В., Морозова А.С. Представительная власть как вид публичной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2009. N 6. С. 135-140.

5. Югов А.А. Система осуществления публичной власти в Российской Федерации: электронная монография. Казань: Бук, 2022. 172 с.
6. Чиркин В.Е. Публичная власть на евразийском пространстве: основы юридической классификации // Евразийский юридический журнал. 2015. N 6. С. 18-24.
7. Лебедев В.А. Государственная власть как форма выражения публичной власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. N 25. С. 5-9.
8. Кожевников О.А. Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. N 3. С. 251-256.
9. Тимофеев Н.С. К поиску ориентиров и критериев эффективности публичных властей // Конституционное и муниципальное право. 2022. N 5. С. 43-49.
10. Бабичев И.В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // Конституционное и муниципальное право. 2021. N 2. С. 51-57.
11. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. N 4. С. 7-13.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p. (In Russ.).
2. Karasev A.T. Public authority in the Russian Federation: concept, content. Problems of law, 2011, no. 1, pp. 8-12. (In Russ.).
3. Bezrukov A.V. State and municipal power in the system of unified public power in Russia. State power and local self-government, 2015, no. 6, pp. 23-28. (In Russ.).
4. Karasev A.T., Savos'kin A.V., Morozova A.S. Representative power as a type of public power. Bulletin of the Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia, 2009, no. 6, pp. 135-140. (In Russ.).
5. Yugov A.A. The system of exercising public power in the Russian Federation. Kazan, Buk Publ., 2022. 172 p. (In Russ.).
6. Chirkin V.E. Public power in the Eurasian space: Fundamentals of Legal Classification. Eurasian law journal, 2015, no. 6, pp. 18-24. (In Russ.).
7. Lebedev V.A. State power as a form of expression of public power. Bulletin of the Chelyabinsk state university, 2010, no. 25, pp. 5-9. (In Russ.).
8. Kozhevnikov O.A. Public authority, a unified system of public authority, state and municipal authorities in the constitutional and legal doctrine and modern normative reality. Scientific bulletin of the Omsk academy of the Ministry of internal affairs of Russia, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 251-256. (In Russ.).
9. Timofeev N.S. To the search for guidelines and criteria for the effectiveness of public powers. Constitutional and municipal law, 2022, no. 5, pp. 43-49. (In Russ.).
10. Babichev I.V. Constitutional novels for local self-government: some analysis. Constitutional and municipal law, 2021, no. 2, pp. 51-57. (In Russ.).
11. Avak'yan S.A. The structure of public authority in Russia: problems of formation and development. Bulletin of the Siberian law institute of the Ministry of internal affairs of Russia, 2018, no. 4, pp. 7-13. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Номенклатура и содержание субинститутов Общей части российского уголовного права

Сергей Павлович Усенко,

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, 2682135@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

Аннотация. В статье представлены результаты контент-анализа научной литературы в части, определяющей понимание субинститутов российского уголовного права. Доказано отсутствие консенсуса не только в определении исходных начал восприятия субинститутов уголовного права, но и их номенклатуры. Определены теоретико-методологические основы понимания структуры уголовного права и ее соотношения с уголовным законом, место субинститута в системе права и закона, особенности сложного уголовно-правового института и его отличие от ассоциации уголовно-правовых институтов. Анализируются объективные и субъективные подходы к использованию термина «субинститут» и потребность уголовно-правовой науки в его наличии. Разработан новый вариант видения системы и номенклатуры субинститутов Общей части российского уголовного права.

Ключевые слова: система уголовного права, Общая часть уголовного права, институт уголовного права, субинститут уголовного права, классификация субинститутов уголовного права

Для цитирования: Усенко С.П. Номенклатура и содержание субинститутов Общей части российского уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 43-50.

Nomenclature and content of the sub-institutions of the General part of the Russian criminal law

Sergey P. Usenko,

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, 2682135@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

Abstract. The results of the content analysis of the scientific literature in terms of determining the understanding of the sub-institutions of the Russian criminal law are provided. The absence of the consensus in determining both the initial principles of perception of the sub-institutions of criminal law and their nomenclature is proved. The theoretical and methodological foundations of understanding the structure of criminal law and its relation to the criminal statute, as well as the place of the sub-institution in the law system, the features of a complex criminal law institution and its difference from the association of criminal law institutions are determined. The objective and subjective approaches to the use of the term sub-institution and the need of criminal law science for its availability are analyzed. A new version of the vision of the system and nomenclature of sub-institutions of the General part of the Russian criminal law is developed.

Keywords: system of criminal law, General part of criminal law, institution of criminal law, sub-institution of criminal law, classification of sub-institutions of criminal law

For citation Usenko S.P. Nomenclature and content of the sub-institutions of the General part of the Russian criminal law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 43-50.

Один из значимых вопросов теории уголовного права состоит в определении номенклатуры отраслевых субинститутов. Назвать их поименно, соотносить с конкретным институтом права, определить содержание составляющих субинститут нормативных правовых предписаний — задача сложная, но выполнимая.

Прежде чем приступить к ее решению, полагаем необходимым представить результаты контент-анализа специальной научной литературы, в которой в той или иной форме затрагивается проблематика уголовно-правовых субинститутов.

Н.Ф. Кузнецова, обращаясь к содержанию Общей части уголовного законодательства, выделяет в нем четыре базовых института: «уголовный закон», «преступление», «наказание», «освобождение от уголовной ответственности и наказания» [1, с. 3]. Внутреннее наполнение и структура этих институтов определяются в науке крайне непоследовательно.

В частности, в рамках анализа предписаний о самом уголовном законе М.С. Жук признает «пределы действия уголовного закона» элементом системы Общей части уголовного права, самостоятельным уголовно-правовым институтом [2, с. 344]. В свою очередь, И.А. Казаринов утверждает, что соответствующие нормы образуют два отдельных института уголовного права (как они отражены в названии главы 2 УК РФ): институт действия уголовного закона во времени (ст.ст. 9, 10 УК РФ) и институт действия уголовного закона в пространстве (ст.ст. 11, 12, 13 УК РФ) [3, с. 63]. Следует отметить, что Ю.Е. Пудовочкин рассматривает нормы, определяющие пределы действия закона во времени, в пространстве и по кругу лиц, в качестве отдельных субинститутов института уголовного закона [4, с. 86]. Если И.А. Казаринов полагает, что на статус субинститута может претендовать предписание о выдаче лиц, совершивших преступление, то А.И. Джигирь признает экстрадицию самостоятельным институтом уголовного права [5, с. 7-8].

Существенные разночтения имеются при анализе нормативных предписаний о преступлении. Например, В.Ю. Шубина самостоятельным уголовно-правовым институтом считает пособничество [6, с. 7-8],

В.Г. Мирзоян самостоятельным институтом признает подстрекательство [7, с. 14], а Ю.Е. Пудовочкин виды соучастников и формы соучастия называет субинститутом института соучастия в преступлении [4, с. 86].

В некоторых источниках утверждается, что множественность есть субинститут уголовного права, входящий в более широкий институт преступления [8, с. 220], тогда как Г.С. Досаева выделяет институт понятия и видов множественности преступлений и субинститут назначения наказания при множественности преступлений [9]. Она же говорит о существовании субинститута сложного преступления. В рассуждениях о множественности Е.А. Жарких приходит к выводу о том, что самостоятельным институтом уголовного права выступает рецидив преступлений [10, с. 31].

Весьма произвольно определяется институциональная природа норм, регулирующих вопросы уголовного наказания. И.А. Архенгольц, признавая наказание и иные меры уголовно-правового характера одним из институтов Общей части уголовного права, указывает, что его субинститутами выступают: виды освобождения от уголовной ответственности, виды наказаний, виды освобождения от наказания, виды освобождения от отбывания наказания, погашение или снятие судимости (при этом, однако, судимость одновременно презентуется автором и как подинститут, подчиненный институту наказания, и как самостоятельный уголовно-правовой институт) [11, с. 61, 63]. В то же время С.А. Бражникова признает самостоятельным уголовно-правовым институтом предписания относительно отягчения наказания [12, с. 4. 6], а А.А. Мясников полагает таковым предписания относительно смягчения уголовного наказания [13, с. 3].

Нет единства взглядов и на природу нормативных предписаний об освобождении от ответственности.

О.Н. Кузьмина, признавая освобождение от уголовной ответственности сложным межотраслевым институтом, выделяет в нем субинституты, описывающие тот или иной вид освобождения от ответственности [14, с. 9]. А.В. Ендольцева и А.Г. Антонов при той же исходной посылке придают статус субинститута только пред-

писаниям Особенной части УК РФ, устанавливающим специальные основания освобождения от уголовной ответственности [15, с. 21; 16, с. 11].

Оценивая итоги проведенного контент-анализа научных трудов, представляется возможным сделать несколько значимых промежуточных выводов:

— в доктрине уголовного права нет устоявшихся, господствующих представлений о видах и номенклатуре субинститутов уголовного права, что закономерно обусловлено отсутствием универсального (общепринятого) решения вопроса об институциональном строении отрасли;

— в литературе оформилось два основных подхода к решению вопроса о субинститутах уголовного права: с одной стороны, обособление субинститутов уголовного права не всегда основывается на объективной системе уголовного законодательства, представляя собой по большей части субъективный взгляд на проблемы оптимизации внутреннего структурирования отрасли уголовного права; с другой стороны, в противоположность этому наличествует подход, по сути, «подгоняющий» теоретические рассуждения об институтах и субинститутах уголовного права под внешне объективированную систему уголовного закона.

Сложившаяся ситуация с теоретической и практической точки зрения едва ли может быть оправдана. Вместе с тем она является естественным продолжением общетеоретической неопределенности в решении вопроса о строении системы права.

В общей теории права, как известно, есть два основных подхода к пониманию проблемы структурирования права. Условно их можно назвать субъективным и объективным.

Представители первого (субъективного) исходят из того, что система права есть результат субъективного восприятия и отражения правовой действительности. В рамках этого подхода система права может пониматься по-разному. С одной стороны, она может трактоваться в качестве итога научного познания права [17, с. 68]. С другой стороны, субъективизм в структурировании системы права усматривается в том, что право есть результат волевой деятельности законодателя, который по

своему усмотрению не только наполняет конкретным содержанием, но и формирует систему права, обособляет в ней отдельные структурные единицы.

Сторонники второго подхода (объективного) исходят из того, что право как система представляет собой не итог научного познания, но лишь его объект, который находится вне сознания познающего лица [18, с. 53]. Этот подход также не является однозначным, предлагая различные варианты понимания объективных оснований системы права, усматривая их в системе экономических, социальных отношений, функциональном назначении права, правосознании и т.д. [19].

Диалектика этих подходов к пониманию структуры и системы права ясна, как и совершенно понятно основное противоречие, порожденное ею: система права объективна и не зависит от воли субъекта, однако ее восприятие всегда субъективно.

Представляется, что, как и во многих иных ситуациях, связанных с познанием права, субъективный и объективный подходы к пониманию структуры и системы права являются крайними и уже только в силу этого не вполне точными. Право — феномен объективный в том смысле, что оно всегда соответствует конкретно-историческим условиям функционирования общества, его экономики, социальных отношений и т.д., обусловлено ими и отвечает задачам их оптимального регулирования, поддержки и развития. При этом оно есть все же «рукотворный продукт законодателя», результат деятельности конкретных людей и их ассоциаций и в силу этого опосредовано их субъективными оценками и представлениями о должном. Структура и система права в целом и отдельных его отраслей в этом случае есть результат субъективного отражения объективной реальности, причем не только в части ее конкретного содержания, но и в части системных свойств, присущих этой реальности. Однако будучи итогом субъективного отражения законодателя, система права в то же время выступает началом научного познания, его специальным объектом. Система права как объективно данный исследователю феномен есть итог субъективной (но не волюнтаристской) законодательной практики. В связи с этим

научные представления о системе права — это уже итог «двойного субъективного отражения»: отражения в сознании научного работника результатов отражения в сознании законодателя системных свойств объекта правового регулирования.

По этой причине расхождения в научной среде относительно понимания системы права в целом, строения отдельных ее отраслей, а следовательно, и понимания интересующих нас субинститутов уголовного права вполне закономерны и оправданны. Вместе с тем, чтобы субъективные научные представления не превращались в произвольные решения, требуются некоторые исходные, базовые принципы научного познания. Не претендуя на всесторонний анализ этой большой теоретической темы, заметим, что к таковым следует отнести:

— недопустимость ориентации исключительно на структуру уголовного закона при определении структурных единиц системы уголовного права, поскольку структурирование закона предопределяется не только объективными свойствами системы права, но и иными факторами юридико-технического характера, в том числе связанными с удобством составления и использования законодательного акта;

— недопустимость произвольного игнорирования структуры уголовного закона, поскольку отраженная в нем субъективная оценка законодателем системы общественных отношений и системы их правового регулирования становится по отношению к исследователю фактом объективной реальности;

— то, что субинституты уголовного права не получают внешнего оформления на уровне самостоятельной единицы структуры текста УК РФ; минимальной единицей текста УК РФ, объединяющей несколько нормативных правовых предписаний, выступает глава закона, а связка «глава закона — институт права» признается господствующей (хотя и не строго соблюдаемой) в научной и законотворческой практике (для субинститутов, таким образом, в УК РФ нет формально обособленной единицы внешнего выражения);

— то, что обособление субинститутов уголовного права должно происходить не

только на основе анализа архитектуры законодательного акта, но и на основе анализа содержания той или иной группы нормативных предписаний, их связи с иными положениями закона и их функций в системе правового регулирования.

Субинституты по своей природе могут быть выделены только в составе сложных правовых институтов уголовного права. Это обстоятельство с необходимостью предполагает обращение к анализу институционального строения отрасли уголовного права и феномену сложного института. Данные проблемы могут составить предмет отдельного исследования. Для раскрытия темы настоящей статьи полагаем возможным высказать лишь несколько принципиальных позиций.

1. Тезис о том, что институт уголовного права находит внешнее оформление в главе УК РФ, является общепризнанным и верным. Представляется, однако, что далеко не во всех ситуациях глава УК РФ выражает собой отдельный институт уголовного права. В силу юридико-технических (субъективных) обстоятельств в рамки одной главы закона могут быть объединены несколько самостоятельных институтов. Глава в этом случае служит внешней формой выражения не института, но ассоциации двух (или более) самостоятельных институтов.

2. Позиция относительно понимания института уголовного права и его соотношения с ассоциацией уголовно-правовых институтов требует уточнения вопроса о понятии сложного института. В литературе представлено мнение о том, что простые правовые институты не содержат в себе никаких других подразделений, а сложные правовые институты состоят из двух или более субинститутов, объединяемых прежде всего видом общественных отношений, специфика частей которого связана, например, со сферой деятельности, с изменением субъектного состава [20, с. 97-134]. Представляется все же, что при таком понимании отсутствуют четкие различия между сложным субинститутом и ассоциацией правовых институтов. Уточняя теоретическую ситуацию, заметим, что сложный субинститут вовсе не обязательно должен включать два субинститута или более. При этом все содержание сложного

субинститута не может быть без остатка разделено на образующие его субинституты. Сложный субинститут вполне допускает наличие в нем и одного субинститута. Обязательным признаком сложного субинститута при этом выступают имеющиеся общие предписания, общие положения, которые распространяются на все образующие институт предписания и не могут быть изъяты из него.

С учетом этих теоретических и методологических положений представляется возможным изложить собственное вариативное видение институциональной (как предпосылки) и субинституциональной (как цели исследования) структуры Общей части российского уголовного права, включающей в себя как сложные и простые правовые институты, так и их ассоциации.

Такая система является одной из возможных и инкорпорирует (где номер соответствует номеру главы УК РФ):

1. Ассоциацию правовых институтов: 1) задач (ст.ст. 1, 2) и 2) принципов УК РФ (ст.ст. 3-8), включающий субинститут оснований уголовной ответственности (ст. 8);

2. Ассоциацию правовых институтов: 1) действия УК РФ во времени (ст.ст. 9, 10) и 2) по кругу лиц (ст.ст. 11-13), последний из которых включает субинститут выдачи лиц, совершивших преступление (ст. 13);

3. Ассоциацию правовых институтов: 1) преступления (ст.ст. 14, 15), включающего в себя субинституты судебного изменения оценки опасности преступления (ч. 2 ст. 14, ч. 6 ст. 15) и 2) множественности преступлений (ст.ст. 17, 18);

4. Правовой институт лиц, подлежащих уголовной ответственности (ст.ст. 19-23), включающий субинститут ответственности лиц с измененным психическим статусом (ч. 3 ст. 20, ст.ст. 22, 23);

5. Правовой институт вины (ст.ст. 24-28), включающий субинститут невиновного причинения вреда (ст. 28);

6. Правовой институт неоконченного преступления (ст.ст. 29-31), включающий субинститут добровольного отказа от преступления (ст. 31);

7. Правовой институт соучастия в преступлении (ст.ст. 32-36), включающий в себя субинститут ответственности соучастников (ст. 34, чч. 5-7 ст. 35, ст. 36);

8. Правовой институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния (ст.ст. 37-42);

9. Правовой институт понятия и видов наказаний (ст.ст. 43-59), включающий в себя субинституты дополнительных наказаний (ст. 45) и замены наказаний (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1);

10. Ассоциацию правовых институтов: 1) общих правил назначения наказания (ст.ст. 60-63, 72), включающий субинститут исчисления сроков наказаний (ст. 72), 2) специальных правил назначения наказания (ст.ст. 63.1-71, 72.1), включающий субинституты сложения наказаний (ст. 72) и назначения наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1), 3) условного осуждения (ст.ст. 73-74);

11. Правовой институт освобождения от уголовной ответственности (ст.ст. 75-78, 84), включающий в себя субинституты освобождения от ответственности в связи с возмещением вреда (ст. 76.1), освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), амнистии (ст. 84);

12. Правовой институт освобождения от уголовного наказания (ст.ст. 79-83, 85), включающий субинститут помилования (ст. 85);

13. Правовой институт судимости (ст. 86);

14. Правовой институт уголовной ответственности несовершеннолетних (ст.ст. 87-96), включающий субинститут применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст.ст. 90-92);

15. Правовой институт принудительных мер медицинского характера (ст.ст. 97-104);

15.1. Правовой институт конфискации имущества (ст.ст. 104.1-104.3);

15.2. Правовой институт судебного штрафа (ст.ст. 104.4-104.5).

Анализ показывает, во-первых, что жесткая теоретическая связка «институт уголовного права – глава УК РФ» является скорее идеалистической формулой, нежели фактом реальности. В ряде случаев в рамках одной главы кодекса объединяется несколько связанных друг с другом, но при этом вполне самостоятельных институтов. Вопрос об их самостоятельности, ко-

нечно, относится к разряду дискуссионных. Вместе с тем косвенным подтверждением этой мысли могут служить предписания уголовного законодательства некоторых зарубежных стран.

Например, УК Республики Беларусь и УК Грузии в самостоятельной главе предусматривают положения относительно множественности преступлений*; в отдельной главе УК Кыргызской Республики обособлены предписания о пробационном надзоре (аналоге российского института условного осуждения)**; УК Грузии предусматривает в отдельной главе нормы об условном осуждении. Отсутствие самостоятельной внешней формы выражения для соответствующих предписаний в российском законе может быть отнесено к разряду юридико-технических несовершенств и должно служить поводом для продолжения работы в направлении оптимизации закона. Не углубляясь в эту тему, отметим, что отсутствие внешней формы обособления предписаний о множественности и условном осуждении не должно создавать иллюзий относительно того, что таковые предписания образуют субинститут в составе более крупного и сложного института. Самостоятельные предметно-функциональные параметры этих предписаний, на наш взгляд, вполне очевидные, допускают их признание институтами уголовного права.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что значительная часть (13 из 22) выделенных нами институтов Общей части уголовного права относится к категории сложных, включающих в свой состав один или несколько субинститутов. Это явление вполне оправданно, учитывая, что предписания Общей части при-

званы регулировать уголовно-правовые отношения «сквозным» образом и при этом обеспечить регламентацию специфических направлений выполнения тех или иных уголовно-правовых функций в той или иной нетипичной ситуации.

Именно эта «нетипичность» в «типичном» — потребность в сквозной регламентации некоторых особых ситуаций и служит логической основой для обособления в структуре сложных институтов отдельных субинститутов:

— в типичной ситуации все лица, совершившие преступление в рамках юрисдикции Российской Федерации, подлежат ответственности по УК РФ, но в некоторых ситуациях возможна их выдача иностранному государству;

— в типичной ситуации опасность преступления подтверждается фактом криминализации и законодательной оценкой этой опасности, но в некоторых ситуациях допустима судебная корректировка законодательной позиции;

— в типичной ситуации все вменяемые лица несут ответственность по УК РФ на общих основаниях, но в некоторых ситуациях они требуют специального подхода;

— в типичной ситуации одно преступление должно влечь одно наказание, в нетипичных — допускается применение дополнительных наказаний;

— в типичной ситуации назначенное наказание должно быть отбыто виновным, в нетипичных ситуациях в случае уклонения от отбывания наказания допускается его замена иным, более строгим видом;

— в типичной ситуации каждое наказание должно быть исполнено с момента вступления в силу приговора суда, в нетипичных — требуется зачет времени, проведенного под стражей, и сложение различных видов наказаний;

— в типичной ситуации освобождение от ответственности — безусловное и диспозитивное, в нетипичных — может быть условным и императивным;

— нетипичными для уголовного права ситуациями следует признать также отсутствие вины и добровольный отказ от преступления.

В итоге все субинституты Общей части уголовного права могут восприниматься в качестве предписаний уточняющих, развива-

* См.: Глава 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. N 275-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>; Глава V Уголовного кодекса Грузии от 22 июля 1999 г. // Законодательный вестник Грузии: сайт. URL: <https://matsne.gov.ge>

** См.: Глава 14 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. N 127; О пробации: закон Кыргызской Республики от 24 февр. 2017 г. N 34 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики: сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg>

ющих, исключаящих, дифференцирующих выполнение соответствующим сложным институтом его социально-правового предназначения — устанавливать общие основания и пределы уголовной ответственности.

Подводя итоги исследования вопроса о номенклатуре субинститутов российского уголовного права, представляется возможным сформулировать несколько основных выводов:

1. Обоснование наличия субинститутов в структуре сложного уголовно-правового института должно базироваться на прочных теоретических представлениях о взаимосвязи объективного и субъективного в структурном строении права вообще и уголовного права в частности; структурные единицы системы уголовного права являются итогом субъективного, опосредованного правовым и политическим сознанием отражения законодателем объективных потребностей и направлений уголовно-правового регулирования. В то же время система уголовного права выступает объективно данным исследователю феноменом, познание которого также опосредуется субъективными исследовательскими и мировоззренческими установками.

2. В определении субинституциональной природы тех или иных предписаний недопустимо как ориентироваться исключительно на структуру уголовного закона, так и игнорировать ее; обособление субинститутов уголовного права, исхо-

дя из правила приоритета содержания над формой, должно происходить не только на основе анализа архитектоники законодательного акта, но и на основе анализа содержания той или иной группы нормативных предписаний, их связи с иными положениями закона и их функций в системе правового регулирования.

3. В рамках Общей части уголовного права субинститутами можно признать группы предписаний, которые регламентируют: основание уголовной ответственности (ст. 8), выдачу лиц, совершивших преступление (ст. 13), судебное изменение оценки опасности преступления (ч. 2 ст. 14, ч. 6 ст. 15), ответственность лиц с измененным психическим статусом (ч. 3 ст. 20, ст.ст. 22, 23), невинное причинение вреда (ст. 28), добровольный отказ от преступления (ст. 31), ответственность соучастников (ст. 34, чч. 5-7 ст. 35, ст. 36), дополнительные наказания (ст. 45), замену наказаний (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1), исчисление сроков наказаний (ст. 72), сложение наказаний (ст. 71), назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1), освобождение от ответственности в связи с возмещением вреда (ст. 76.1), освобождение от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), амнистию (ст. 84), помилование (ст. 85), применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст.ст. 90-92).

Список источников

1. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов: в 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Москва: Зерцало-М, 2002. 592 с.
2. Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. 380 с.
3. Казаринов И.А. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 245 с.
4. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. Москва: Юрлитинформ, 2012. 237 с.
5. Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 25 с.
6. Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 34 с.
7. Мирзоян В.Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.
8. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 1. Понятие уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2008. 699 с.
9. Досаева Г.С. Структура института множественности преступлений: состояние и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. N 4. С. 54-63.
10. Жарких Е.А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 32 с.
11. Архенгольц И.А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 256 с.

12. Бражникова С.А. Институт отягчения наказания при его назначении в пределах санкции уголовного закона (по материалам судебной практики Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 23 с.
13. Мясников А.А. Институт смягчения наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.
14. Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 24 с.
15. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 50 с.
16. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013. 44 с.
17. Райхер В.К. О системе права // Правоведение. 1975. N 3. С. 60-70.
18. Головина А.А. «Объективные» и «субъективные» аспекты системы права и критериев отраслеобразования // Адвокат. 2011. N 7. С. 52-57.
19. Карпицкий Н.Н. Объективные основания системы права // Научный диалог. 2014. N 7 (31). С. 96-105.
20. Киримова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 170 с.

References

1. The course of criminal law. General part. In 5 volumes. Vol. 1. The doctrine of crime. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 592 p. (In Russ.).
2. Zhuk M.S. Institutes of Russian criminal law: concept, system and prospects of development. Doct. Diss. Krasnodar, 2013. 380 p. (In Russ.).
3. Kazarinov I.A. The effect of the criminal law on persons who have committed a crime outside the Russian Federation. Cand. Diss. Moscow, 2020. 245 p. (In Russ.).
4. Pudovochkin Yu.E. The doctrine of the foundations of criminal law. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 237 p. (In Russ.).
5. Dzhigir' A.I. Institute of extradition of persons who have committed a crime: problems of criminal law regulation. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2008. 25 p. (In Russ.).
6. Shubina V.Yu. Institute of complicity in the commission of a crime: criminal law and criminological aspects. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2012. 34 p. (In Russ.).
7. Mirzoyan V.G. Incitement to commit a crime in Russian and foreign criminal law. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2012. 27 p. (In Russ.).
8. Encyclopedia of Criminal Law. In 35 volumes. Vol. 1. The concept of criminal law. St. Petersburg, Edition of Professor Malinin, 2008. 699 p. (In Russ.).
9. Dosaeva G.S. Structure of the Institute of multiple crimes: state and prospects. Library of Criminal Law and Criminology, 2016, no. 4, pp. 54-63. (In Russ.).
10. Zharkikh E.A. Institute of recidivism of crimes: genesis of the concept and transformation of system-structural and functional-role content. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2019. 32 p. (In Russ.).
11. Arhengol'ts I.A. Criminal record and its general legal consequences. Cand. Diss. Yekaterinburg, 2018. 256 p. (In Russ.).
12. Brazhnikova S.A. Institute of aggravation of punishment when it is imposed within the limits of the sanction of the criminal law (based on the materials of judicial practice of the Krasnodar Territory). Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2006. 23 p. (In Russ.).
13. Myasnikov A.A. Institute of mitigation of punishment: problems of legislative regulation and law enforcement (based on the materials of judicial practice of the Stavropol Territory). Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2011. 24 p. (In Russ.).
14. Kuz'mina O.N. Institute of exemption from criminal liability: genesis of formation, current state, prospects of development. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2020. 24 p. (In Russ.).
15. Endol'tseva A.V. Institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2005. 50 p. (In Russ.).
16. Antonov A.G. Special grounds for exemption from criminal liability. Autoabstract Doct. Diss. Ryazan, 2013. 44 p. (In Russ.).
17. Reicher V.K. About the legal system. Jurisprudence, 1975, no. 3, pp. 60-70. (In Russ.).
18. Golovina A.A. "Objective" and "subjective" aspects of the system of law and criteria of industry education. Lawyer, 2011, no. 7, pp. 52-57. (In Russ.).
19. Karpitsky N.N. Objective foundations of the system of law. Scientific Dialogue, 2014, no. 7 (31), pp. 96-105. (In Russ.).
20. Kirimova E.A. Law Institute (theoretical and legal research). Cand. Diss. Saratov, 1998. 170 p. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

Особенности проверки сообщений о преступлениях, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников

Светлана Викторовна Корнакова,

кандидат юридических наук, доцент, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Марина Анатольевна Осипова,

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, om1979@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения проверки сообщений о преступлениях, которые совершаются сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников. Анализируются источники информации, поступающей в правоохранительные органы о подобного рода преступлениях, отмечается сложный характер данной информации. Критически оценивается отсутствие в ряде случаев должной реакции уполномоченных органов на заявления потерпевших о незаконной деятельности сотрудников коллекторских агентств. Авторами статьи сформулирован перечень типичных проверочных мероприятий, обоснованы их последовательность и содержание. Высказываются конкретные рекомендации относительно обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе проведения доследственной проверки, а также условий, влияющих на ее эффективность.

Ключевые слова: преступление, сотрудник коллекторского агентства, проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, опрос

Для цитирования: Корнакова С.В., Осипова М.А. Особенности проверки сообщений о преступлениях, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 51-62.

The specifics of verifying the reports of crimes, committed by the collection agencies employees against debtors and their relatives

Svetlana V. Kornakova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Marina A. Osipova,

Baikal State University, Irkutsk, Russia, om1979@mail.ru

Abstract. The specifics of verifying the reports of crimes, committed by the collection agencies employees against debtors and their relatives, are considered. The sources of information, received by the law enforcement agencies, on such crimes are analyzed, the complex nature of this information is noted. The absence in some cases of a proper reaction of the authorized bodies to the victims' statements about the illegal activities of the collection agencies employees, is critically assessed. The range of typical verification measures, their sequence and content are proposed. Specific recommendations regarding the circumstances to be clarified during conducting the preliminary investigation, as well as the conditions affecting its effectiveness, are provided.

Keywords: crime, collection agency employee, verification of a crime report, initiation of a criminal case, interrogation

For citation: Kornakova S.V., Osipova M.A. The specifics of verifying the reports of crimes, committed by the collection agencies employees against debtors and their relatives // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 51-62.

Анализ специальной литературы свидетельствует о значительном интересе ученых к стадии возбуждения уголовного дела, ее месту в уголовном процессе России, а также о продолжительности ведущейся исследователями научной дискуссии. В качестве примера можно привести работы В Быкова [1], Г.А. Гуджабидзе [2], А.М. Косенко [3].

Принятые на законодательном уровне меры в области определения необходимости наличия стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе, казалось бы, должны были поставить точку в споре об этом, однако в науке продолжают активные дискуссии относительно необходимости наличия или отсутствия стадии возбуждения уголовного дела, а также такого ее элемента, как предварительная проверка сообщения о преступлении [4, с. 36]. Следует признать справедливым мнение ученых об отсутствии убедительных и достаточных аргументов для устранения этой стадии из уголовного судопроизводства [1, с. 54].

При этом полагаем обоснованным мнение исследователей, рассматривающих в качестве основной задачи уголовно-процессуальной деятельности на первой стадии процесса отграничение преступного деяния от иных правонарушений, особенно если это касается специфических видов преступлений, имеющих довольно близкие составы административных и даже гражданско-правовых правонарушений [5, с. 9]. Именно к такому виду относятся преступления, совершаемые сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников.

Отметим, что взаимоотношения должника, его родственников и сотрудников учреждений, осуществляющих взыскание просроченной задолженности, носят специфический характер ввиду особенностей их регулирования и реализации. В правоохранительные органы информация об указанных контактах поступает в случае нарушения правил их осуществления. При этом нередко противоправность действий не имеет ярко выраженного характера, в связи с чем ответить на вопрос

о наличии элементов именно преступной деятельности конкретных лиц на этапе поступления такой информации в правоохранительные органы не представляется возможным.

Полагаем, что при определении на законодательном уровне возможности проверки информации в случаях ее поступления в правоохранительные органы принимались во внимание именно такие неочевидные случаи. Однако при этом указывается, что проверка является обязательным условием деятельности правоохранительных органов в случае поступления информации, содержащей признаки возможного противоправного деяния (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В связи с этим производство предварительной проверки по делам указанной категории является наиболее целесообразным средством обработки и исследования поступающей в правоохранительные органы первичной информации.

Характер такой проверки и особенности возбуждения уголовных дел в отношении сотрудников коллекторских агентств, совершающих противоправные действия при взыскании просроченной задолженности у должников или их родственников, обусловлены рядом причин, на которые влияет ситуация, складывающаяся на момент получения должностным лицом правоохранительных органов информации о такой деятельности. Во-первых, выбранным способом совершения преступной деятельности и стадией его реализации. Во-вторых, наступившими последствиями для должников или их родственников (причинение телесных повреждений, уничтожение или порча имущества и т.п.), а в случае принятия контрмер со стороны должников и их родственников — для сотрудников коллекторского агентства. В-третьих, источником, из которого данная информация поступила к уполномоченному должностному лицу (заявление должников и их родственников, публикация в средствах массовой информации, результаты оперативно-розыскной деятельности и т.п.).

Особенностью преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских

агентств, является то, что они могут реализовывать способ одного или сразу нескольких преступлений, объединенных единым умыслом, каждое из которых может предшествовать или являться подготовкой к совершению последующего. В 67 % изученных уголовных дел деяния квалифицировались по трем и более статьям уголовного закона*, в 21 % — по двум, в 12 % — по одной статье**. Данное положение свидетельствует о сложном характере информации, поступающей как на начальном этапе проверки, так и при дальнейшем расследовании преступной деятельности сотрудников коллекторских агентств.

На выбор средств и методов проведения предварительной проверки по делам о преступлениях, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, влияет источник первоначальной информации (заявление, сообщение от потерпевших или иных лиц, публикация в средствах массовой информации; результаты оперативно-розыскных мероприятий); ее объем, в котором отражается способ и этап совершения преступления (какой конкретный вид преступления совершается, на каком этапе в данный момент осуществляется преступная деятельность, продолжается ли она или преступники, совершив одно престу-

* Как отмечается в юридической литературе, на практике действия коллекторов соединили наиболее тяжкие преступления, предусмотренные УК РФ и связанные с шантажом, угрозами, насилием. Примером могут служить регулярные репортажи, статьи в средствах массовой информации или публикации в интернет-пространстве. Преступные действия коллекторов с напоминанием о задолженности совершались по всей стране. В Новосибирской области семья подверглась разбойному нападению четырех лиц, при этом один из нападавших совершил насильственные действия сексуального характера; в Ростовской области угрожали взорвать детский сад из-за задолженности сотрудницы; в Ульяновской области маленький ребенок получил ожоги из-за брошенной одним из сотрудников коллекторской организации бутылки с зажигательной смесью [6, с. 400].

** За период с 2020 года по март 2023 года М.А. Осиповой было изучено 156 уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений сотрудниками коллекторских агентств.

пление, могут приступить к другому, либо, осознав характер наступивших последствий, скрылись), кто является потерпевшим (лицо, имеющее задолженность перед кредитной организацией; родственник указанного лица; случайные лица, которым действиями преступников причинен вред).

Имеют место случаи, когда должники, учитывая характер преступной деятельности, не связывали возможность ее осуществления именно с сотрудниками коллекторских агентств или лицами, способствующими им во взыскании просроченных задолженностей. В основном такая ситуация складывалась при уничтожении имущества должника или его родственников (28 %)***, а также при причинении здоровью родственников должников вреда различной степени в тех случаях, когда в ходе его причинения на это прямо не указывали взыскатели, мотивируя это утратой самого должника (6 %). Во всех иных случаях, совершая преступные действия, преступники всегда обозначали свою причастность к коллекторскому агентству.

Например, гражданин В. подвергся нападению двух неизвестных, в результате которого он попал в больницу, где было диагностировано причинение ему вреда здоровью средней тяжести. В ходе нападения преступники не высказывали угроз в его адрес и не объясняли причину нападения, какие-либо вещи, принадлежащие В., похищены не были. В последующем выяснилось, что его родственнику, имеющему просроченную задолженность, при предложении сотрудниками коллекторского агентства, осуществляющего взыскание с него просроченной задолженности, выплатить ее была высказана угроза повторения в отношении его ситуации, произошедшей с его родственником В. Таким образом, нападение на В. было совершено с целью психологического воздействия на его родственника, имеющего просроченную задолженность****.

Следует отметить, что в значительном количестве случаев обращения по-

*** Здесь и далее по тексту используются данные изученных уголовных дел.

**** Уголовное дело N 1-278/2016 г. // Архив Дорогомиловского районного суда города Москвы.

терпевших в правоохранительные органы (в основном в органы внутренних дел) с заявлением о незаконной деятельности сотрудников коллекторских агентств в отношении должников и их родственников по тем или иным причинам оставались без соответствующей реакции. Опрошенные по данной проблеме сотрудники органов внутренних дел мотивировали это незначительностью совершенных в отношении должников или их родственников действий и наступивших последствий. По нашему мнению, данное обстоятельство характеризует указанную деятельность как высоколатентную. Наиболее часто такими «не общественно опасными» являлись первоначальные действия сотрудников коллекторских агентств, осуществляемые в целях демонстрации своих намерений и запугивания должников и их родственников. Выражались они в совершении актов вандализма, незначительном повреждении имущества или причинении легкого вреда здоровью.

Порча имущества в общественных местах (вандализм) в изученных случаях выражалась, например, в повреждении входной двери в квартиру, помещении в замочную скважину посторонних предметов или веществ (клей, строительная пена и т.п.), нанесении черной краски на стены подъезда, в котором проживал должник или его родственники*.

Легкий вред, причиненный здоровью, как правило, всегда сопутствовал психическому воздействию на должников или их родственников, а сам факт его причинения демонстрировал серьезность намерений лиц, осуществляющих взыскание просроченных долгов. Указанный вид преступной деятельности находил отражение только во время производства опроса или последующего допроса, в ходе которого потерпевшие сообщали о причинении вреда на ранних стадиях деятельности, осуществляемой сотрудниками коллекторских агентств, после начала проверки или возбуждения уголовного дела по более тяжким преступлениям. На момент получения такой информации следов данной преступной деятельности, как правило, уже не оставалось

(87 %). Должники, родственники или их соседи были вынуждены принимать меры к устранению последствий (ремонт дверей, автомобилей, объектов электроснабжения, замена окон и т.п.).

Несколько иная ситуация складывается в случаях расследования рассматриваемой деятельности, когда источниками поступления сведений о совершенных преступлениях являются средства массовой информации. Так, в 8 % изученных дел, по которым было принято решение о проведении проверки, информация в правоохранительные органы поступала из средств массовой информации.

Следует отметить, что освещение в средствах массовой информации преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, оказывает неоднозначное влияние на процесс проведения проверки сообщения о преступлении и на его расследование в целом. С одной стороны, в материалах, собранных представителями средств массовой информации, нередко содержится достаточно большой (но не исчерпывающий) объем информации о произошедшем событии, в некоторых случаях и о лицах, имеющих непосредственное отношение к совершению противоправных деяний. В связи с этим указанные материалы могут содержать ценную ориентирующую информацию, имеющую значение для выбора средств и способов проведения проверки и дальнейшего расследования. В частности, в таких материалах содержатся зафиксированные различными средствами следы, которые в последующем подверглись уничтожению (надписи, следы технических материалов и веществ и т.п.).

С другой стороны, такая ситуация негативно влияет на процесс расследования с точки зрения организации противодействия ему со стороны подозреваемых. Например, из материалов 62 % изученных уголовных дел следует, что лица, установленные сотрудниками средств массовой информации как совершавшие преступные действия, на этапе проверки или первоначальном этапе расследования скрывались от правоохранительных органов.

Наиболее благоприятная ситуация при проведении предварительной провер-

* Уголовное дело N 1-217/2016 // Архив Елецкого городского суда Липецкой области.

ки, последующем возбуждении уголовного дела и его дальнейшем расследовании складывается в случае обнаружения преступной деятельности сотрудников коллекторских агентств в отношении должников и их родственников сотрудниками оперативных подразделений. Подобные случаи были выявлены примерно в 4 % изученных уголовных дел. Это обусловлено отношениями между должником и финансовой организацией, имеющими ярко выраженный гражданско-правовой характер и попадающими в сферу интересов оперативных подразделений ввиду наступивших или прогнозируемых последствий противоправных действий. В основном такая ситуация складывалась при совершении сотрудниками коллекторских агентств вымогательства в отношении должников, имеющих крупные задолженности перед банковскими организациями. Оперативное сопровождение действий лиц, в отношении которых совершается вымогательство, в значительной степени способствовало задержанию вымогателей с поличным и обеспечению доказательственной базой последующего расследования.

Однако, учитывая характер преступной деятельности, а также свойства лиц, осуществляющих ее, задержанию должна предшествовать тщательная подготовка. Например, при задержании лиц, представившихся сотрудниками коллекторского агентства и занимавшихся вымогательством, от огнестрельных ранений погибли два сотрудника уголовного розыска. В ходе расследования преступления было установлено, что сотрудники правоохранительных органов осуществляли задержание без бронжилетов и не применили огнестрельное оружие в связи с тем, что могли пострадать случайные лица, поскольку передача денежных средств происходила в общественном месте*.

Нейтральной можно считать такую ситуацию, когда в правоохранительные органы обращается заемщик, который имеет просроченную задолженность, с заявлением о том, что в течение некоторого времени (периоды могут быть различными) в отношении его осуществляются действия,

выходящие за пределы разрешенных законом, для взыскания просроченной задолженности (такие случаи были выявлены в 67 % изученных уголовных дел).

Комплексный подход к изучению рассматриваемой проблемы, который выразился в исследовании материалов уголовных дел, интервьюировании и опросе сотрудников различных правоохранительных органов, а также мониторинг материалов средств массовой информации позволили сделать вывод о том, что большой общественный резонанс, вызываемый преступлениями, совершаемыми сотрудниками коллекторских агентств, связан с частыми случаями отсутствия должного реагирования на заявления и сообщения граждан о нарушении указанными лицами законодательства в рассматриваемой сфере и наступлением в результате таких действий тяжких последствий. Между тем подобное положение способствует увеличению количества таких противоправных проявлений. Напротив, должная реакция со стороны правоохранительных органов на каждый ставший им известным факт противоправной деятельности сотрудников коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, по справедливому мнению ряда ученых, является эффективным средством профилактики соответствующих преступлений [7, с. 162]. Сотрудники правоохранительных органов обязаны отреагировать на поступившее сообщение о готовящемся, совершаемом или совершенном сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников преступлении, выполнить проверочные действия и принять решение, предписанное уголовно-процессуальным законодательством.

Как уже отмечалось, выбор средств и способов предварительной проверки определяется характером противоправной деятельности. Это обусловлено тем, что в одном случае информация поступает в тот момент, когда сотрудниками коллекторского агентства продолжают реализовываться преступные действия, при этом они не содержат признаков тяжких преступлений (вандализм, повреждение имущества, нарушение неприкосновенности частной жизни, угроза причинением тяжкого вреда здоровью, поби и т.п.). В другом случае имеют-

* Уголовное дело N 2-0002/2016 // Архив Московского городского суда (г. Москва).

ся сведения о подготавливаемом или уже совершенном тяжком или средней тяжести преступлении (вымогательство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, покушение на убийство и т.п.).

С учетом механизма поступления первичной информации должностному лицу правоохранительных органов на этапе предварительной проверки наиболее целесообразно опросить лиц, от которых она исходит, о событии, предметом которого явилось их обращение. Характерной особенностью рассматриваемого вида преступлений является то, что, согласно материалам изученных уголовных дел, в правоохранительные органы обращались должники (69 %) или их родственники (28 %). Только в отдельных случаях (3 %) при совершении противоправных действий в местах общего пользования обращение поступало от соседей должников или соседей родственников (в основном при совершении вандализма, порче общественного имущества и т.п., от которых они пострадали).

Именно первую категорию лиц наиболее целесообразно опросить прежде всего, составив по результатам опроса протокол объяснения. На данном этапе объяснение является единственным и самым информативным средством получения ориентирующей информации, которая в последующем может стать доказательством по уголовному делу. На это, в частности, указано в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, однако обязательно соблюдение законодательных требований получения объяснений.

В ходе опроса лиц указанной категории необходимо выяснить:

- установочные данные заявителя;
- обстоятельства получения кредита или займа (организация, которая выдала кредит, его размер, условия и сроки предоставления и т.п.);
- обстоятельства, повлекшие формирование задолженности по кредиту или займу;
- срок невыплаты и сумму образовавшейся задолженности;
- действия кредитной организации, предпринятые для возвращения кредита и образовавшейся задолженности;
- обстоятельства передачи (уступки права) задолженности коллекторскому

агентству (если таковые известны должнику);

- установочные данные коллекторского агентства, его сотрудников, осуществлявших (осуществляющих) взыскание просроченной задолженности (если таковые известны должнику);

- наличие официальных и иных документов, указывающих на получение кредита или займа, а также о взыскании просроченной задолженности;

- характер деятельности коллекторского агентства, его сотрудников, направленный на взыскание просроченной задолженности;

- период осуществления указанной деятельности;

- обстоятельства совершения незаконных действий сотрудниками коллекторского агентства;

- характер наступивших последствий и имеющиеся данные, указывающие на их наступление, их местонахождение и возможность изъятия (например, аудио- и видеозаписи незаконных действий, находящиеся на диктофоне, в сотовом телефоне и т.п.); письменные источники передачи информации от сотрудников коллекторского агентства должнику (записки, содержащие требования или угрозы, и т.п.); адреса сайтов, социальных сетей или доменов, содержащих сведения порочащего свойства, и т.п.);

- последствия незаконных действий, а также период, ограниченный моментом их наступления и обращением в правоохранительные органы;

- информация об иных лицах, потерпевших от незаконных действий сотрудников коллекторских агентств (родственники, соседи и т.п.).

Указанный перечень не является исчерпывающим, в ходе опроса могут выясняться и иные обстоятельства, диктуемые характером проверяемого события.

При опросе соседей или иных лиц, обратившихся в правоохранительные органы, следует устанавливать аналогичную информацию с учетом характерных особенностей взаимоотношений должников и их родственников с такими лицами.

Информация о противоправных действиях может быть получена в период продолжения их совершения сотрудниками

коллекторских агентств либо после наступления последствий совершения таких действий. Этим обуславливается выбор дальнейших действий сотрудников правоохранительных органов, основными из которых будут являться мероприятия, направленные на установление совершивших (совершающих) противоправные деяния сотрудников коллекторских агентств и их задержание, по возможности с поличным.

На начальном этапе реализации указанных мероприятий все проверочные действия наиболее целесообразно осуществлять в сфере жизнедеятельности должника, его родственников и возможных свидетелей (соседей, коллег и т.п.). При установлении таких лиц их также необходимо подробно опросить. Причины такой последовательности и порядка действий обусловлены возможным противодействием со стороны сотрудников коллекторских агентств.

Не менее информативным процессуальным действием, обеспечивающим получение ориентирующей и доказательственной информации в ходе предварительной проверки, является осмотр, производство которого возможно до возбуждения уголовного дела. Объектами такого осмотра могут быть местность, жилище, различные предметы и документы (ст.ст. 144, 176 УПК РФ). Учитывая сложный характер преступной деятельности сотрудников коллекторских агентств, выбор места, объектов и тактических приемов осмотра обусловлен ее конкретными проявлениями.

Осмотр по делам рассматриваемой категории необходимо проводить во всех случаях обращения должников или их родственников. Начинать следует с места фактического проживания должника, затем мест его взаимодействия с сотрудниками коллекторских агентств (мест встреч, причинения вреда, повреждения или уничтожения имущества, нанесения надписей, нахождения компьютерно-технических средств, средств связи и т.п.).

О совершении преступления именно в связи с взысканием просроченного долга могут свидетельствовать, например, следы вандализма или порчи имущества, обнаруженные при осмотре жилища (и прилегающей территории) должника или его родственников. В ходе осмотра сайтов,

страниц социальных сетей и т.п. — размещенная на них информация, имеющая отношение к распространению сведений о должнике или его родственниках, как правило, порочащего характера.

Если должнику или его родственникам причиняется какой-либо вред, то возникает необходимость производства освидетельствования, посредством которого можно не только определить характер причиненного вреда, но и выявить отдельные особенности механизма его причинения. Кроме этого, в ходе освидетельствования возможно получение различных следов, которые могут быть использованы в качестве образцов для сравнительного исследования (например, в случае активного противодействия со стороны жертвы — подногтевое содержимое).

В целях соблюдения законных требований при производстве отдельных процессуальных действий сотрудники правоохранительных органов предлагают руководствоваться рядом рекомендаций. В частности, по мнению следователя-криминалиста П.А. Кудрявцева, для производства освидетельствования, проводимого до возбуждения уголовного дела, существует оговорка «в случаях, не терпящих отлагательства», с трактовкой которой на практике, как правило, каких-либо сложностей не возникает. Однако во избежание возможных проблем, связанных с дальнейшим обжалованием действий лица, осуществляющего доследственную проверку, такую формулировку необходимо использовать в постановлении о производстве освидетельствования [8, с. 9].

В результате проведения перечисленных проверочных действий лицом, осуществляющим проверку, могут быть получены достаточные данные о ее противоправном характере, так как вероятно выявление отдельных признаков состава конкретного преступления или нескольких преступлений.

Кроме этого, исследованию подлежат представленные должником или его родственниками официальные документы (кредитный договор или договор займа, содержащий основные условия их предоставления; договор переуступки долга при наличии такового у должника и т.п.). В данных документах отражаются сведения о лицах, которые, возможно, причаст-

ны к совершению противоправной деятельности.

Сложная система взаимоотношений, складывающихся между должниками и сотрудниками коллекторских агентств, основанная на финансово-кредитных отношениях, определяет необходимость изучения не только отчетных документов, имеющих у должника (по различным причинам их перечень и наличие могут быть неполными), но и документов финансовых организаций, предоставивших кредит или заем, а также коллекторского агентства. Проверку таких документов в указанных организациях наиболее правильно начинать после проведения полного перечня проверочных действий в отношении должника, его родственников или соседей, а также лиц, вовлеченных в рассматриваемые отношения. Это обусловлено, во-первых, тем, что указанные лица могут добросовестно заблуждаться относительно своего статуса (должника). Во-вторых, неподготовленные проверочные действия в финансовых организациях могут привести к потере доказательственной информации, а также созданию благоприятных условий организации и реализации противодействия со стороны заинтересованных лиц (сотрудников, предоставивших кредит, и сотрудников коллекторских агентств).

В тех случаях, когда противоправность деятельности носит ярко выраженный характер, при наличии возможности наиболее целесообразно проверку всех финансовых учреждений, связанных с должником или его родственниками, проводить одновременно. Это обусловлено возможностью соблюдения режима неразглашения сведений о проверочных действиях, что может способствовать задержанию сотрудников коллекторских агентств с поличным и лишению их возможности уничтожить следы преступления. При этом обмен информацией между сотрудниками, одновременно проводящими такие проверки в различных организациях, должен осуществляться на постоянной основе в режиме реального времени.

Высокая вероятность выявления признаков противоправности рассматриваемой нами деятельности обусловлена возможностью сопоставления документов, которые имеют дублирующий характер.

Основным документом, подтверждающим действительность любой сделки, является договор, в котором отражены все условия ее заключения. Наличие договора в материалах проверки, а затем в уголовном деле способствует формированию у сотрудника, осуществляющего проверку, внутреннего убеждения в существовании финансовых отношений между должником и организацией, их законности. При этом во всех случаях при изъятии документов следует учитывать, что всегда имеется возможность выявить в указанных документах признаки интеллектуального или материального подлога (различные виды подделки).

Обязательным требованием является необходимость изъятия оригинального документа, поскольку только в нем возможно содержание следов, которые могут и должны быть подвергнуты исследованию. Учитывая это обстоятельство, в отдельных случаях при противодействии расследованию сотрудники финансовых учреждений под различными предлогами пытаются предоставить лишь копии документов. Это должно приниматься во внимание при изъятии документов.

Значительный объем информации по делам рассматриваемой категории может быть получен из следующих источников, которые подлежат обязательному истребованию и последующему осмотру: кредитное дело; субагентский договор; акт приема-передачи кредитного дела; договор уступки прав требования должников по кредитным делам и его акт приема-передачи (реестр); трудовой договор (контракт) о приеме на работу сотрудника коллекторского агентства; должностная инструкция специалиста по урегулированию задолженностей и др.

По нашему мнению, обязательно изъятию должны подлежать результаты документального подтверждения действий кредитных организаций, направленных на взыскание просроченной задолженности, осуществлявшихся самостоятельно. К ним, в частности, относятся судебные решения, постановления, уведомления из Федеральной службы судебных приставов и т.п. Истребованные и изъятые документы должны быть приобщены к материалам доследственной проверки или уголовному делу.

С учетом сформировавшейся информационной базы по результатам проведения указанных проверочных действий необходимо перейти к непосредственному контакту с лицами, имеющими отношение к финансовым организациям. Прежде всего, необходимо получить объяснения от руководителей финансовых учреждений на предмет особенностей организации их деятельности, в том числе о работе с проблемными клиентами (должниками).

В ходе опроса указанных категорий сотрудников финансовой организации должна быть получена дополнительная информация об условиях предоставления кредита или займа, размере, особенностях и условиях формирования образовавшейся задолженности. Также должна быть получена информация об особенностях и характере взаимодействия данной организации с конкретными агентствами, осуществляющими работу по взысканию просроченной задолженности. В значительной степени полученная информация может повлиять на устранение отдельных противоречий, выявленных по результатам опроса иных лиц, например, в ходе получения объяснений от должников, их родственников или соседей.

Однако, осуществляя перечисленные проверочные действия в финансовых организациях, предоставивших кредит или заем и передавших просроченную задолженность коллекторским агентствам, следует учитывать, что сотрудники указанных учреждений (особенно руководители), как правило, могут иметь дружественные отношения с руководителями коллекторских агентств, в которые они передают просроченные задолженности, что обуславливает заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве. Игнорирование данного обстоятельства может негативно повлиять на результаты дальнейшей проверки и расследование в целом.

В связи с этим заслуживает внимания рекомендация В.В. Степанова, согласно которой «объяснения целесообразно получать не по всей совокупности фактов, являющихся преступными, а лишь по отдельным или по одному. Подобная линия поведения объясняется нецелесообразностью информирования лица, дающего объяснения, об объеме осведомленности

следователя и конкретных целях предварительной проверки, учитывая, что для решения вопроса о возбуждении уголовного дела необходимо иметь достаточные данные по какому-либо преступному эпизоду» [9, с. 80].

Кроме этого, в любом случае на результат доследственной проверки будет оказывать влияние временной фактор. Сотрудники коллекторских агентств, совершившие или совершающие противоправные действия, получив информацию о проведении в отношении их проверочных мероприятий сотрудниками правоохранительных органов, могут принять меры противодействия, направленные на сокрытие следов преступления, уклонение от уголовной ответственности. С целью недопущения наступления указанных негативных последствий выбор времени для производства проверочных действий в указанных учреждениях лицом, их осуществляющим, должен быть сделан таким образом, чтобы подозреваемые в совершении незаконных действий не сумели реализовать противодействие расследованию. Для этого необходимо активное взаимодействие различных подразделений и служб правоохранительных органов, следственных и оперативно-розыскных, в том числе совместное планирование и проведение процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий [10, с. 24].

Наиболее целесообразно начинать проверку коллекторского агентства, сотрудники которого подозреваются в совершении противоправных действий, с общения с его руководителями. Следует иметь в виду, что они могут непосредственно руководить или как минимум знать о незаконных действиях своих подчиненных. Кроме этого, руководители могут состоять в сговоре с не являющимися сотрудниками коллекторского агентства лицами, осуществляющими незаконную деятельность по взысканию просроченной задолженности. При этом в число проверяемых должны включаться все лица, занимающие руководящие должности, к которым относятся (в зависимости от формы организации агентства) генеральный директор, его заместители, начальник службы безопасности (он же может быть руководителем отдела кадров, но при приеме на работу все

претенденты на любые должности проходят процесс согласования с ним), главный бухгалтер и др.

Наиболее перспективной представляется такая ситуация, когда на момент начала предварительной проверки коллекторского агентства и опроса ее руководителей сотрудники правоохранительных органов обладают ориентирующей информацией о деятельности агентства, его руководителях, а также о лицах, которые осуществляют непосредственное общение с должником или его родственниками. Вместе с тем следует учитывать, что руководители, не имеющие отношения к противоправным действиям своих подчиненных, являются лицами, заинтересованными в сохранении репутации своего учреждения и его сотрудников. В связи с этим они склонны вводить сотрудников правоохранительных органов в заблуждение относительно отдельных (противоправных) фактов деятельности своих сотрудников.

Источником упомянутой ориентирующей информации является активная совместная следственная и оперативно-розыскная деятельность. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут быть получены данные о лицах, участвующих в преступной деятельности (от установленных свидетелей, из видеоисточников, изъятых в местах взаимодействия должников или их родственников с сотрудниками коллекторских агентств, в результате проверки полученной информации по различным учетам (ГИБДД, налоговая служба, провайдеры сотовой связи и т.п.), из имеющихся в распоряжении должников или их родственников документов и проч.). Такими данными также могут быть сведения, полученные от потерпевших: история звонков; копии поданных жалоб на сотрудников коллекторских агентств в Роспотребнадзор, Роскомнадзор и другие организации; аудио- и видеозаписи встреч; протоколы из полиции, доказывающие визиты коллекторов в неурочные часы.

Опрос сотрудников коллекторских агентств, осуществляющих взыскание просроченной задолженности с должников и их родственников, является обязательным условием производства проверки по делам рассматриваемой категории, за исключением случаев, когда их местопо-

ложение не установлено. Выбор тактики такого опроса в полной мере зависит от складывающейся ситуации.

Значительный ресурс времени расследования преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, затрачивается следователем (дознавателем) на назначение и производство экспертиз. Это связано с особенностями и большим количеством изымаемых объектов.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что по делам о преступлениях, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, назначается много различного рода экспертиз. Это обусловлено, в частности, возможностью получения образцов для сравнительного исследования, которое так же, как и назначение и производство экспертиз, предусмотрено до возбуждения уголовного дела. Необходимо отметить, что в ходе предварительной проверки следователь (дознаватель) получает большой объем объектов, исследование которых возможно только в условиях экспертного учреждения. Кроме этого, необходимость назначения и производства экспертиз диктуется поступлением указанных объектов в течение всего процесса расследования.

Следует отметить, что по всем изученным нами уголовным делам (100 %) были назначены экспертизы. Это является безусловным положением, так как понять отдельные моменты механизма образования тех или иных следов иным способом невозможно. В отдельных случаях назначение экспертизы является обязательным.

Так, практически по всем делам, по которым должникам или их родственникам причинялись телесные повреждения, назначались судебно-медицинские экспертизы (100 % случаев по делам данной категории). Достаточно большой объем уголовных дел, расследуемых по делам рассматриваемой категории, связан с исследованием речи человека. Это объясняется характером взаимодействия сотрудника коллекторского агентства и должника или его родственников. Объектами для фоноскопической экспертизы выступали записи переговоров, полученные при производстве следственных или иных процес-

суальных действий, а также предоставленные самими потерпевшими (47 % изученных уголовных дел).

Большое значение для расследования преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, имеет назначение и производство традиционных криминалистических экспертиз. В 28 % случаев назначалась дактилоскопическая экспертиза, в 37 % – трасологическая, в 26 % – технико-криминалистическая экспертиза документов, в 62 % случаев назначалась почерковедческая экспертиза. В ходе расследования преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников, назначались и другие виды экспертиз, диктуемые обстоятельствами конкретного события, однако они носили не системный, а эпизодический характер.

Таким образом, возбуждению уголовных дел рассматриваемой категории

предшествует значительный объем следственных и иных процессуальных действий, которые позволяют лицу, их производящему, в первую очередь отграничить преступление от противоправных деяний, не являющихся уголовно наказуемыми. Полученный в ходе проведения проверочных мероприятий объем данных позволит уполномоченному лицу принять законное решение о возбуждении уголовного дела, тем самым признав совершенное противоправное деяние преступлением. Представляется, что содержащиеся в статье рекомендации будут способствовать результативности проверки сообщений о преступлениях по рассматриваемой категории дел, а своевременный и должным образом организованный процесс проведения проверочных мероприятий позволит уже в ходе ее реализации получить ориентирующую и доказательственную информацию, которая будет оказывать влияние на эффективность всего процесса дальнейшего расследования.

Список источников

1. Быков В. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. N 7. С. 53-67.
2. Гуджабидзе Г.А. Обеспечение прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. N 1. С. 23-31.
3. Косенко А.М. К вопросу об основании для возбуждения уголовного дела // Академический юридический журнал. 2019. N 20. С. 19-28.
4. Зеленская Т.В. Актуальные вопросы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. N 3(25). С. 35-43.
5. Пашутина О.С. Вандализм как преступление против общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 27 с.
6. Косенкова В.А., Сафронов В.В. Криминальная деятельность коллекторских организаций при взыскании просроченной задолженности: проблемы правового регулирования // Основные тенденции развития российского законодательства: сб. материалов по итогам XI Регион. науч.-практ. конф., Красноярск, 19 ноября 2016 г. Красноярск: Сибирский гос. ун-т науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2016. С. 399-402.
7. Шурухнов В.А. Криминалистическая профилактика преступлений, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сб. науч. ст. / Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя. Вып. 1. Тула: Тульский гос. ун-т, 2016. С. 161-165.
8. Кудрявцев П.А. Актуальные вопросы реализации полномочий следователя по истребованию и изъятию предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2015. N 16. С. 8-13.
9. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. 142 с.
10. Грибунов О.П. Взаимодействие следователя с органами и должностными лицами при раскрытии и расследовании краж автотранспортных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. N 3(11). С. 24-25.

References

1. Bykov V. Problems of the stage of initiation of a criminal case. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 7, pp. 53-67. (In Russ.).
2. Gudzhabidze G.A. Ensuring the rights and legitimate interests of the individual at the stage of initiation of a criminal case. *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2018, no. 1, pp. 23-31. (In Russ.).
3. Kosenko A.M. On the issue of the basis for initiating a criminal case. *Academic Law Journal*, 2019, no. 20, pp. 19-28. (In Russ.).
4. Zelenskaya T.V. Topical issues of ensuring the rights and interests of persons involved in the production of procedural actions when verifying a crime report. *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2019, no. 3(25), pp. 35-43. (In Russ.).
5. Pashutina O.S. Vandalism as a crime against public order. Autoabstract Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2009. 27 p. (In Russ.).
6. Kosenkova V.A., Safronov V.V. Criminal activity of collection organizations in collecting overdue debts: problems of legal regulation. The main trends in the development of Russian legislation. Krasnoyarsk, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, 2016. Pp. 399-402. (In Russ.).
7. Shurukhnov V.A. Criminalistic prevention of crimes committed by employees of collection agencies against debtors and their relatives. Disclosure and investigation of crimes: science, practice, experience: collection of scientific articles. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. Volume 1. Tula, Tula State University, 2016. Pp. 161-165. (In Russ.).
8. Kudryavtsev P.A. Actual issues of the implementation of the powers of the investigator to claim and seize items and documents at the stage of initiation of criminal proceedings. *Russian investigator*, 2015, no. 16, pp. 8-13. (In Russ.).
9. Stepanov V.V. Preliminary verification of primary materials on crimes. Saratov, 1972. 142 p. (In Russ.).
10. Grybunov O.P. Interaction of the investigator with authorities and officials in the disclosure and investigation of thefts of motor vehicles. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*, 2019, no. 3(11), pp. 24-25. (In Russ.).

Вклад авторов:

Корнакова С.В. — анализ научной литературы по теме исследования, доработка текста, формулировок общих выводов, научное редактирование текста;

Осипова М.А. — идея исследования, определение основных направлений исследования, сбор и обработка эмпирического материала, анализ научной литературы по теме исследования, написание текста и выводов статьи.

Contribution of the authors:

Kornakova S.V. — analyzing the scientific literature on the research topic, revising the text, formulating the general conclusions, scientific editing of the text;

Osipova M.A. — the idea of the research, defining the main directions of the research, collecting and processing the empirical material, analyzing the scientific literature on the research topic, writing the text and conclusions of the article.

Раздел 5. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

Сущность отдельных видов предъявления для опознания при расследовании преступлений в сфере агропромышленного комплекса

Сергей Валерьевич Пахомов,

кандидат юридических наук, доцент, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, svpakhomov@inbox.ru

Аннотация. Автором статьи исследуются организационные, правовые и тактические перспективы производства отдельных видов опознания в ходе расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса. Проанализированы различные системы идентификации животных для эффективного ведения производственного учета на агропромышленных предприятиях, что позволило обосновать необходимость корректной реализации следователем тактических приемов и комбинаций, которые дадут возможность идентифицировать криминалистически значимые признаки животных при проведении экспертизы. Обосновывается целесообразность разработки криминалистических рекомендаций относительно производства опознания человека по голосу и опровергается необходимость выделения таких самостоятельных видов опознания, как опознание животного и опознание документов в части рукописного текста и подписи.

Ключевые слова: предъявление для опознания, преступление в сфере агропромышленного комплекса, расследование преступлений, опознание документа

Для цитирования: Пахомов С.В. Сущность отдельных видов предъявления для опознания при расследовании преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 63-70.

The essence of certain types of presentation for identification in investigating the crimes in the sphere of agro-industrial complex

Sergey V. Pakhomov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, svpakhomov@inbox.ru

Abstract. Some organizational, legal and tactical prospects of conducting certain types of identification in the course of investigating the crimes in the sphere of agro-industrial complex are studied. Various animal identification systems for performing the effective management of production records at the agro-industrial enterprises are analyzed. That allows to justify the need for the correct investigator's implementation of tactical techniques and combinations, that will enable to identify forensically important animal features during the examination. The feasibility of developing the forensic recommendations regarding conducting the human voice identification is substantiated. The need to distinguish independent types of identification, such as animal identification and document identification in terms of handwritten text and signature, is refuted.

Keywords: presentation for identification, crime in the sphere of agro-industrial complex, crime investigation, document identification

For citation: Pakhomov S.V. The essence of certain types of presentation for identification in investigating the crimes in the sphere of agro-industrial complex // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 63-70.

Ситуационный подход к расследованию преступлений в сфере агропромышленного комплекса предопределяет необходимость формирования эффективной системы следственных действий, одним из элементов которой является предъявление для опознания. Данное следственное действие применительно к преступлениям рассматриваемой категории характеризуется определенной спецификой, обусловленной характером решаемых криминалистических задач, связанных, с одной стороны, с получением новых доказательств и (или) проверкой имеющихся, а с другой – с установлением отдельных криминалистически значимых сведений. Последнее проявляется в ситуациях, когда в правоприменительной деятельности возникают сложности с использованием результатов конкретного вида опознания в процессе доказывания, которые, однако, имеют важное криминалистическое значение. Для понимания вышесказанного следует сделать некоторые пояснения.

С позиции уголовно-процессуальной регламентации, безусловно, выделяются такие объекты опознания, как человек (лицо), труп человека, а также предметы (ч. 1 ст. 193 УПК РФ). В то же время процессуальные условия предполагают в некоторых случаях производство опознания не только путем непосредственного предъявления объектов для опознания (в натуре), но и по их фотоизображениям (ч. 5 ст. 194 УПК РФ). При, казалось бы, понятной и простой процессуальной классификации в правоприменительной практике имеется объективная потребность в расширении круга опознаваемых объектов, а также условий, при которых может быть проведено опознание. В связи с этим учеными, разрабатывающими научные рекомендации по повышению эффективности судебно-следственной деятельности, предлагаются разные по объему и содержанию виды предъявления для опознания, среди которых, наряду с уже указанными, имеются такие его виды, как опознание участков местности и строений, животных и их трупов, документов. Кроме того, исследователями предлагаются расширенные основания, по которым может допускаться проведение опознания человека (например, по голосу и походке). С точки зрения

идентификационной способности сформулированы рекомендации по тактике проведения опознания путем тактильного восприятия. Примечательно, что в практике раскрытия и расследования преступлений некоторые нетипичные способы опознания находят свою реализацию.

Однако поскольку проблемы, связанные с закреплением доказательств средствами, не урегулированными процессуальным законодательством, являются объективным препятствием для их использования в процессе доказывания, постольку возникает необходимость обоснования целесообразности учета результатов отдельных видов опознания, не предусмотренных УПК РФ, как важного источника доказательств и, напротив, целесообразности отказа от чрезмерного расширения круга таковых.

Как было указано ранее, в отдельных криминалистических источниках авторами в качестве самостоятельных объектов опознания выделяются документы [1, с. 10], подписи, рукописные тексты и оттиски печати. При этом отмечается, что их опознание будет свидетельствовать о сходстве с аналогичными документами [2, с. 119]. С указанным подходом вряд ли следует согласиться.

Безусловно, в научной литературе допускается использование документа в качестве объекта опознания, но только в плане его физической формы и отличительных для конкретного документа признаков, позволяющих без использования специальных методов исследования определить его идентификационные особенности [3, с. 83]. Конечно, рукопись текста, а также оттиск печати (штампа) могут признаваться потенциальными объектами для опознания в ситуациях, когда их написание (нанесение) отражает определенные нетипичные признаки (формы, вензеля, прочие украшающие элементы), позволяющие визуально отличать их от иных физических документальных объектов, и здесь можно усмотреть аналогию с процессом опознания уникальных предметов, предъявляемых в единственном экземпляре.

Однако полагаем возможным поддержать точку зрения Е.С. Лапина, отрицающего целесообразность предъявления

для опознания «уникальных» предметов, поскольку ни подробное описание признаков объекта на предшествующем опознанию допросе, ни сам процесс фиксации таких признаков в процессе опознания не дают доказательственного преимущества результатам опознания перед результатами допроса, на котором подобный объект мог бы быть предъявлен допрашиваемому [4, с. 70]. При этом, даже если допустить возможность предъявления для опознания документа как объекта материального мира, подпись или рукописный текст, отображаемые, например, на бланках документов (в накладных, товаросопроводительных документах, контрактах и т.д.), таковыми не являются, поскольку решение идентификационных и диагностических задач в исследуемом аспекте возможно только посредством проведения почерковедческой экспертизы.

В рамках проведенного автором анкетирования следователей* относительно целесообразности выделения в уголовно-процессуальном законодательстве самостоятельного вида такого следственного действия, как опознание документа, 63,4 % опрошенных ответили отрицательно; 34,1 % указали на допустимость выделения самостоятельного вида опознания. При этом респондентами было отмечено, что наиболее предпочтительным является не выделение самостоятельного вида «опознание документа», а официальное (процессуальное) закрепление возможности «опознания» документа в ходе производства допросов.

Последняя из приведенных точек зрения коррелирует с результатами изучения материалов расследованных уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере агропромышленного комплекса, в соответствии с которыми в рамках проведения допросов как потерпевших, так и подозреваемых (обвиняемых) в ситуациях, когда предполагалось, что преступление сопровождалось подлогом (внесени-

ем в финансово-хозяйственные документы организации заведомо ложных сведений), таковые предъявлялись допрашиваемым именно в рамках допросов.

В ходе исследования были отмечены два основных вопроса (в обобщенной редакции), которые задавались допрашиваемым при предъявлении им документов:

«— выполнены ли в предъявленных документах подписи (надписи) Вами лично или выполнены не Вами, но от Вашего имени?»

— известно ли Вам, кем от Вашего имени выполнена данная подпись (надпись) в конкретных документах?».

При этом часто второй вопрос являлся логическим продолжением первого вопроса.

Как видно, при таком подходе проявляются отдельные свойства, присущие опознанию, которые выражаются в вербальном и невербальном способах познания, но механизм «узнавания» предъявляемого объекта в рамках допроса отличается от механизма узнавания в процессе опознания. В первом случае перед следователем не стоит задача установления признаков, по которым лицо смогло определить принадлежность подписи или надписи, поскольку задача такого тактического приема обусловлена необходимостью выяснения криминалистически значимого обстоятельства, связанного с тем, что подпись (надпись) выполнена не допрашиваемым, то есть необходимостью закрепления факта подлога. Кроме того, допрашиваемый при изучении предъявляемого документа может указать и вероятного исполнителя рукописного реквизита. Однако в данном случае в процессе допроса следователю целесообразно устанавливать контекст, при котором могут выполняться подписи (надписи) третьими лицами от имени допрашиваемого.

Например, в правоприменительной деятельности, связанной с расследованием преступлений в сфере агропромышленного комплекса, имеются случаи, когда в рамках осуществления хозяйственной деятельности агропромышленных организаций их руководители в ситуациях, требующих безотлагательного подписания документов (контрактов, товарно-транспортных накладных, бухгалтерской отчет-

* По специально разработанной анкете были опрошены 223 следователя органов внутренних дел из двадцати четырех субъектов Российской Федерации, осуществлявших производство по уголовным делам о преступлениях экономической направленности, в том числе в сфере агропромышленного комплекса.

ности, приказов и пр.), поручают в свое отсутствие кому-либо из работников организации поставить «имитационную» подпись от своего имени, а также предоставляют доступ к печати организации. В связи с этим наличие в документе реквизитов, имитирующих подпись руководителя организации, не всегда свидетельствует о преступном умысле вносимого подлога, однако недобросовестные работники могут злоупотребить неформальным правом и, следуя корыстной заинтересованности, умышленно внести заведомо ложные сведения в финансово-хозяйственные документы с целью образования неучтенной прибыли или присвоения материальных ценностей и пр.

В описанной ситуации предъявление документа в ходе допроса дает возможность выделить документы, которые были подписаны третьим лицом с согласия руководителя, и те, которые были подписаны без его ведома. Выяснение данного обстоятельства сопряжено с необходимостью установления причинно-следственной связи между внесением заведомо ложных сведений в документы конкретным лицом и наступившими общественно опасными последствиями для организации, контрагентов или иных субъектов.

При этом следует отметить, что, несмотря на указанные цели допроса, сопряженные с предъявлением документа, не исключается целесообразность получения следователем от допрашиваемого сведений о тех признаках, которые позволяют последнему утверждать, что подпись (надпись) сделана не им.

Тем не менее признаки, указывающие на подложную подпись или рукописный текст, в любом случае должны быть установлены по результатам проведения почерковедческой экспертизы. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, имеется ли необходимость наряду с такими объектами исследования, как документ с рукописными реквизитами, а также образцы почерка (подписи) лица, направлять на исследование эксперту и протокол допроса, в котором допрошенным отмечены вышеуказанные признаки.

Однозначного ответа на данный вопрос нет. По мнению одной группы опрошенных следователей, при подготовке

материалов на экспертное исследование целесообразно ограничиваться только предоставлением документов с рукописным текстом (подписью) и образцов для сравнительного исследования, поскольку должен быть соблюден принцип беспристрастности, а выявление идентификационных признаков экспертом должно быть основано на их непосредственном обнаружении. Другая группа респондентов считает, что принципиального значения данное обстоятельство не имеет, так как специалист руководствуется соответствующими экспертными методиками и исследует в рамках определенных ими правил; в заключении экспертизы он отражает ход исследовательского процесса, что дает основание для положительной оценки полученных результатов.

Полагаем, что направление протокола допроса не является обстоятельством, исключающим объективную экспертную оценку, поскольку, даже если допрашиваемый и указывает на те или иные признаки, они основаны на обывательском восприятии таковых и вряд ли могут оказать воздействие на специалиста, использующего для разрешения поставленных вопросов специальные методы исследования.

Таким образом, отсутствие практической целесообразности формирования рекомендаций относительно производства опознания рукописи не исключает необходимости разработки криминалистических рекомендаций относительно порядка предъявления данных объектов в процессе производства допросов. Сущность этих рекомендаций должна сводиться к изложению способа подготовки материалов для предъявления допрашиваемому, его последовательности и процессуальной фиксации результатов.

Следует выделить определяемые тактической необходимостью условия, при которых следователю целесообразно изготовить копии рукописных документов, подлежащих предъявлению допрашиваемому; такие копии должны быть пронумерованы. В процессе допроса лицу необходимо предъявлять документ (или его копию), в котором, по мнению следователя, имеются признаки подлога, наряду с аналогичными документами (например, товарно-транспортными накладными,

приходными кассовыми ордерами и пр.). При этом допрашиваемому должна быть предоставлена возможность осмотреть копии предъявленных документов и самому указать те из них, в которых реквизиты (надписи, подписи) выполнены не им. Процесс такого допроса целесообразно фиксировать посредством аудио- или видеозаписи.

Неоднозначно в теории и правоприменительной деятельности рассматриваются вопросы, касающиеся опознания животных. Например, большинство опрошенных следователей (73,2 %) дали отрицательный ответ на вопрос о том, целесообразно ли в качестве самостоятельного вида опознания предусмотреть опознание животного, и лишь 26,8 % ответили положительно. Однако следует сделать оговорку и отметить, что к числу причин отрицательной оценки относится факт отсутствия прямого закрепления такого вида опознания в УПК РФ и надлежащих криминалистических рекомендаций относительно подготовки и производства опознания.

Возможно, по этой причине в правоприменительной деятельности следователями реализуются тактические комбинации, предполагающие осмотр места происшествия с отражением в протоколе факта нахождения животных в конкретном месте, осмотр животных с указанием общих признаков каждого животного с участием специалиста и (или) потерпевшего (свидетеля) и последующий допрос специалиста (потерпевшего) относительно установленных ими признаков животных, позволяющих определить их принадлежность.

Практика расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса свидетельствует о том, что сельскохозяйственные животные являются объектом преступного посягательства, выступая при этом и предметом, и средством совершения преступлений. В первом случае таковые, как правило, похищаются с определенной целью, во втором являются предметом обеспечения финансовых обязательств. Но поскольку речь в данной статье идет о животных как основном производственном средстве в агропромышленной деятельности, то любое поголовье подлежит соответствующему учету, в том числе с отражением индивидуализирую-

щих характеристик животного. Это обстоятельство важно с точки зрения решения идентификационных и диагностических криминалистических задач.

При приобретении сельскохозяйственного животного предприятием или после его рождения на предприятии осуществляется его проводка по документам бухгалтерского учета. Кроме того, на агропромышленных предприятиях существуют различные системы идентификации животных для эффективного ведения производственного учета, в частности, проводится их мечение. К основным способам мечения относятся биркование, клеймение и чипирование.

Последний способ мечения типичен для крупных агропромышленных организаций, поскольку процедура чипирования дорогостоящая, имеет смысл только при наличии большого количества животных. В случае обнаружения похищенного животного, в подкожное пространство которого введен микрочип (как правило, размером 12 x 2,1 мм и весом 0,6 г), специальным сканером считывается уникальный код животного, позволяющий определить его принадлежность. Естественно, что в таких обстоятельствах говорить о проведении опознания животного нецелесообразно.

Клеймение осуществляется посредством таврования и татуирования, предполагающих пожизненное нанесение на тело животного условных обозначений (цифровых, буквенных или символьных) жидким азотом или красителем. Наличие при осмотре похищенного животного подобных меток на нем также исключает необходимость производства опознания.

Третий распространенный способ мечения — биркование — предполагает присоединение к уху животного пластиковой бирки или клипсы (или того и другого) путем его прокалывания. Бирка содержит информацию о животном (год рождения, регистрационный номер, кличка и пр.), которая дублируется в документах организации. Однако особенность бирки в том, что она легко извлекается, поэтому отождествление животного может происходить только по внешним признакам, сведениями о которых располагает собственник животного или работники орга-

низации (пастухи, ветеринары, подсобные рабочие).

Как уже отмечалось, в криминалистической теории нет развернутых рекомендаций относительно порядка организации опознания животных. В общем виде они сводятся к описанию условий опознания: предъявление животных в числе особей того же пола и возраста, аналогичной масти, фотографирование животных с обозначением порядковых номеров, оценка поведенческих реакций животного на кличку, на присутствие собственника животного и пр. [5, с. 77]. При этом предлагаемые рекомендации применимы к опознанию одного животного, и чаще всего домашнего, тогда как тактические особенности опознания стадных животных затруднены в силу отсутствия объективной возможности последовательного предъявления для опознания не менее трех схожих по внешним признакам животных. Несложные подсчеты позволяют сделать вывод о том, что для опознания десяти похищенных животных требуется использование не менее тридцати животных-статистов.

Задача криминалистики — содействовать своими достижениями деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, формировать рекомендации по эффективному проведению следственных действий, выбору оптимальных способов решения криминалистических задач и т.д. Исходя из этого можно обосновано утверждать о том, что установление криминалистически значимых обстоятельств в исследуемом контексте вполне допустимо за счет правильной реализации следователем тактических приемов и комбинаций, позволяющих выявлять криминалистически значимые признаки не столько посредством опознания, сколько путем фактического сопоставления индивидуальных признаков животного при его осмотре с участием собственника (иного лица) с данными, зафиксированными в протоколах допроса и в финансово-хозяйственных документах агропромышленной организации. В связи с этим процессу осмотра животных (места происшествия) всегда должен предшествовать допрос собственника животных (иных осведомленных лиц) и осмотр соответствующей учетной документации.

Для этих целей достаточно организовать осмотр места происшествия (участка местности или помещения), где находится стадо животных, из числа которых собственником животных — участником следственного действия могут быть выделены те животные, которые фактически принадлежат ему. Например, при осмотре места происшествия (где осуществлялся выпас табуна лошадей) с участием потерпевшего последний указал на десять голов, принадлежащих ему, с обозначением тех признаков, по которым он смог с уверенностью их узнать [6, с. 31].

Отдельно следует остановиться на таком способе опознания, как опознание лица по голосу. Несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве закрепленного условия проведения подобного опознания, и в специальной литературе, и в практической деятельности имеется множество сторонников идеи, допускающей опознание указанного вида.

В частности, 41,5 % опрошенных следователей допускают возможность проведения такого опознания. При этом положительно отметившие данное обстоятельство указали, что для этого сегодня существует техническая возможность организовать опознание человека по голосу (61 %), физиологические способности человека воспринимать голос и идентифицировать его признаки дают основание считать результаты такого опознания объективными (19,5 %), результаты опознания человека по голосу могут быть признаны доказательством по делу без проведения дополнительных экспертных исследований (17,1 %).

Разделяя мнение сторонников самостоятельного способа опознания человека по голосу, мы руководствуемся реалиями современной практики совершения преступлений, в том числе в сфере агропромышленного комплекса. В настоящее время ведение хозяйственной деятельности предполагает удаленные способы коммуникации между ее субъектами. Принципы делового документооборота и в целом договорных отношений предполагают использование информационно-телекоммуникационных ресурсов, то есть осуществление поиска контрагентов, заключение коммерческих договоров, расчеты с контрагентами и т.д.

посредством компьютерной техники и программного обеспечения. А обсуждение производственных вопросов часто ограничивается телефонными переговорами между лицами, которые никогда не имели личных встреч.

Такую специфику развития отношений учитывают и преступники, дистанционно заключая договоры подряда, поставок, оказания услуг и т.д., используя для финансовых расчетов банковские счета, оформленные на подставных лиц; такие же абонентские номера телефонов; подложные документы; юридические адреса, специально созданные для совершения преступлений, и пр. Проиллюстрируем вышесказанное на примере. Участники преступной группы посредством сети «Интернет» подыскивали на специализированных сайтах объявления о продаже частными и юридическими лицами сельхозпродукции, после чего путем телефонных переговоров под видом представителей покупателя высказывали намерение приобрести крупные партии продукции по завышенным ценам. Аналогичная схема применялась при поиске покупателей такой продукции. Другие участники преступной группы выезжали к продавцам, обманным путем завладевали продукцией, оплачивая незначительные суммы в счет предоплаты, и потом сбывали похищенное имущество покупателям, с которыми также предварительно договаривались о сделках. В ходе расследования преступлений, совершенных преступной группой, с целью определения причастности конкретных лиц к каждому преступлению потерпевшим и свидетелям были предъявлены для опознания «представители покупателей-продавцов». Однако доказать причастность к преступлению «переговорщиков» на основе имеющихся оперативных сведений о них посредством проведения следственного действия не представилось возможным, поскольку уголовно-процессуальное законодательство не допускает возможность производства опознания по голосу*.

Именно в таких обстоятельствах особое значение приобретает способность

лица (потерпевшего, свидетеля) опознать человека, который осуществлял переговоры с ним по телефону (или посредством звуковых сообщений), голос которого может быть опознан, однако при условии, что опознающий укажет индивидуальные признаки голоса.

В криминалистической литературе имеются отдельные рекомендации относительно тактики проведения опознания человека по голосу, поэтому необходимости их повторения нет. Отметим только некоторые аспекты, и в первую очередь то, что важное криминалистическое значение имеет особенность восприятия опознающим голоса оппонента: без визуального контакта с говорившим или по телефону. Второе обуславливает необходимость воссоздания таких условий, при которых в ходе опознания будут предъявляться голос опознаваемого и голоса статистов: воспроизведение голосов в записи (зафиксированных на цифровой диктофон) либо восприятие голосов в реальном времени посредством телефона (стационарного или мобильного). По нашему мнению, оба варианта допустимы. Однако в любом случае от следователя требуется правильный выбор способа описания в протоколе допроса, предшествующего опознанию признаков голоса опознаваемого, на которые указывает допрашиваемый.

Кроме общих признаков (мужской/женский голос, примерный возраст, высота, громкость и пр.) следователь должен выяснить и специфические признаки, на которые допрашиваемый, вероятно, мог обратить внимание: использование специфического жаргона (например, употребление вместо словосочетания «семена подсолнуха» слов «семечка», «семачка») или профессиональных терминов (например, зерноотходы, карточка лабораторного анализа, мертвые отходы и т.д.) [7]. С учетом политерриториальности нахождения преступника важно подметить наличие в его голосе так называемого регионального говора (диалекта) и степени его выраженности [8, с. 37].

Таким образом, криминалистическая теория и практика, находясь в постоянном развитии, обуславливают тенденции возникновения новых форм, средств и

* Приговор от 27 янв. 2020 г. N 1-424/2019 1-9/2020 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края.

способов выявления и закрепления доказательств. Некоторые из них объективно влияют на эффективность процессов раскрытия и расследования преступлений, что подтверждается результатами указанной деятельности, другие же представляют собой формализацию не всегда обоснованных теоретических и прикладных

решений, не влияющих в конечном итоге на эффективность деятельности следователей. В первом случае реализации научно обоснованных рекомендаций препятствует отсутствие нормативно закрепленных условий, что указывает на необходимость комплексного межпредметного подхода к разрешению возникающих проблем.

Список источников

1. Корухов Ю.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде: (лекция для студентов ВЮЗИ). Москва, 1968. 30 с.
2. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. Москва, 1999. 971 с.
3. Князьков А.С. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Уголовная юстиция. 2013. N 1. С. 81-86.
4. Лапин Е.С. Некоторые вопросы предъявления для опознания // Безопасность дорожного движения. 2021. N 4. С. 68-70.
5. Сибилькова А.В. Тактика предъявления для опознания в свете современных тенденций развития криминалистики // Академическая мысль. 2022. N 1 (18). С. 73-78.
6. Веренчиков И.Р., Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Проблемы предъявления для опознания животных: уголовно-процессуальный аспект // Преступление, наказание, исправление: сб. тез. выступл. и докл. учков IV междунар. пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. Т. 2. Рязань, 2019. С. 28-31.
7. Словарь сельскохозяйственных терминов и сокращений. URL: <https://adeptis.ru> (дата обращения: 17 янв. 2023 г.).
8. Космодемьянская Е.Е. Криминалистические аспекты предъявления для опознания: теория и практика // Актуальные вопросы юридической науки. 2019. N 1. С. 35-43.

References

1. Korukhov Yu.G. Presentation for identification at the preliminary investigation and in court. Moscow, 1968. 30 p. (In Russ.).
2. Criminalistics. Edited by R.S. Belkin. Moscow, 1999. 971 p. (In Russ.).
3. Knyaz'kov A.S. Problematic issues of presentation for identification. Criminal Justice, 2013, no. 1, pp. 81-86. (In Russ.).
4. Lapin E.S. Some issues of presentation for identification. Road safety, 2021, no. 4, pp. 68-70. (In Russ.).
5. Sibil'kova A.V. Tactics of presentation for identification in the light of modern trends in the development of criminology. Academic thought, 2022, no. 1, pp. 73-78. (In Russ.).
6. Verenchikov I.R., Alexandrova O.P. Budanova L.Yu. Problems of presentation for identification of animals: criminal procedural aspect. Crime, punishment, correction. In 10 volumes. Vol. 2. Ryazan, 2019. Pp. 28-31. (In Russ.).
7. Dictionary of agricultural terms and abbreviations. Available at: <https://adeptis.ru> (Accessed January 17, 2023). (In Russ.).
8. Kosmodemyanskaya E.E. Criminalistic aspects of presentation for identification: theory and practice. Topical issues of legal science, 2019, no. 1, pp. 35-43. (In Russ.).

Раздел 6. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.4

Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц

Святослав Артурович Александров,

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, Краснодар, Россия, mko1996@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены и критически оценены разработанные в уголовно-правовой науке предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц. На основе проведенного исследования сформулирована и аргументирована авторская позиция относительно проблемы оптимизации данных уголовно-правовых предписаний. Обоснованы изменения диспозиций норм об ответственности за неправомерные действия при банкротстве. Доказана целесообразность дифференциации уголовной ответственности в зависимости от типа банкротящегося субъекта с закреплением ответственности за преступления при банкротстве физического лица в отдельных нормах уголовного закона. При этом предложено снизить криминообразующий порог для преступлений в сфере банкротства физических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, банкротство, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, банкротство физического лица

Для цитирования: Александров С.А. Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 71-79.

Main directions of optimizing the domestic criminal legislation on liability for crimes related to the bankruptcy of individuals

Svyatoslav A. Alexandrov,

Fourth Cassation Court of General Jurisdiction, Krasnodar, Russia, mko1996@mail.ru

Abstract. Some proposals developed in criminal law theory to improve the domestic criminal legislation on liability for crimes related to the bankruptcy of individuals are considered and critically evaluated in the article. Basing on the conducted research, the author's position on the problem of optimizing these criminal law prescriptions is formulated and reasoned. The changes in the dispositions of norms on liability for illegal actions in the bankruptcy process are justified. The expediency of differentiating the criminal liability depending on the type of a bankrupt subject with allocating the liability for crimes in the bankruptcy of an individual into separate norms of the criminal law, is proved. It is proposed to reduce the criminally-based threshold for crimes in the field of bankruptcy of individuals.

Keywords: criminal liability, crime, bankruptcy, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, bankruptcy of an individual

For citation: Alexandrov S.A. Main directions of optimizing the domestic criminal legislation on liability for crimes related to the bankruptcy of individuals // Legal Science and law enforcement practice. 2023. No. 2 (64). P. 71-79.

Одной из важнейших составляющих процесса совершенствования уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с банкротством физических лиц, является оптимизация уголовного законодательства в этой части. Очевидно,

что стремительное развитие банкротных отношений требует незамедлительной законодательной реакции с целью достижения соответствующей нормативной базой уровня, адекватного имеющимся вызовам.

В уголовно-правовой литературе в различные периоды проблемам повышения эффективности уголовного законодательства в сфере банкротства уделялось немало внимания. Среди высказанных точек зрения представляется необходимым остановиться на следующих.

А.А. Вакутин обосновывает необходимость исключения из диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ указания на такие деяния, как передача имущества другим лицам, сокрытие, уничтожение бухгалтерских и иных учетных документов [1, с. 9]. При этом данный автор предлагает криминализовать «признание мнимых долгов или фальсификацию кредиторской задолженности, совершенные в крупном размере, в целях включения в реестр требований кредиторов должника — юридического лица или индивидуального предпринимателя» [1, с. 9].

Содержание деяния в виде передачи имущества во владение иным лицам действительно вызывает вопросы, поскольку существует множество правомерных вариаций передачи имущества кому-либо во временное пользование, в аренду, на хранение, в целях перевозки и т.д. Подобные действия могут быть обусловлены экономической, производственной необходимостью и не иметь отношения к сокрытию имущества перед наступлением банкротства. Однако буквальное толкование рассматриваемых признаков позволяет любое такое деяние квалифицировать по ч. 1 ст. 195 УК РФ. Очевидно, что в данной ситуации имеются предпосылки как минимум для противоречивого толкования, а как максимум — для ошибочного применения уголовного закона в нарушение ч. 1 ст. 14 УК РФ, то есть в отсутствие признаков общественной опасности деяния.

На основании изложенного можно утверждать, что деяние в виде передачи имущества во владение иным лицам, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежит декриминализации.

Также следует поддержать предложение о декриминализации действий

в виде сокрытия и уничтожения бухгалтерских и иных учетных документов. Если смежный признак в виде фальсификации указанных документов является в данном составе преступления необходимым и обусловленным, то сокрытие и уничтожение подобными свойствами не характеризуются. Это объясняется весьма сомнительной связью обозначенных действий с соответствующими последствиями преступления в сфере банкротства. Вместе с тем эти действия, взятые в отдельности, вряд ли способны повлечь общественно опасные последствия в виде крупного ущерба. Они могут лишь сопутствовать иным действиям, образующим признаки неправомерных действий при банкротстве.

Кроме того, в условиях современного уровня развития технологий, который подразумевает цифровизацию значительного объема бухгалтерских и иных учетных документов, их сокрытие и уничтожение нередко становится бессмысленным. В связи с этим считаем, что признаки уничтожения и сокрытия бухгалтерских и иных учетных документов, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежат исключению как избыточные.

В то же время сложно согласиться с предложением А.А. Вакутина об установлении в рамках ст. 195 УК РФ уголовно-правового запрета на признание мнимых долгов или фальсификацию кредиторской задолженности. Подобного рода деяния, как представляется, выходят за пределы неправомерных действий при банкротстве в смысле ст. 195 УК РФ. В такой ситуации следует вести речь о возможности уголовно-правовой оценки содеянного в качестве мошенничества.

Не случайно в уголовно-правовой науке высказываются предложения о необходимости более четкого разделения состава неправомерных действий при банкротстве и мошенничества. В частности, С.В. Дерягина аргументирует потребность криминализации хищения чужого имущества путем обмана относительно оснований подачи заявления в суд о признании банкротом, а равно в процедурах, применяемых в деле о банкротстве гражданина, в рамках новой статьи УК РФ — ст. 159.7 «Мошенничество в сфере банкротства» [2, с. 17].

Разработка предложений такого рода вносит определенный вклад в решение вопросов об установлении критериев разграничения преступлений, связанных с банкротством, и мошенничества в ходе данной процедуры. И, вероятно, теоретические исследования в данном направлении должны быть продолжены. Однако, на наш взгляд, несмотря на имеющиеся проблемы разграничения преступлений, связанных с банкротством, и мошенничества в этой сфере, вряд ли можно говорить об обоснованности выделения соответствующего специального вида мошенничества.

Всестороннее изучение законодательства о банкротстве демонстрирует, что оно является многоаспектным. При этом действующее отечественное уголовное законодательство гармонизировано не со всеми его положениями. Например, Р.П. Сипок утверждает о необходимости установить уголовную ответственность руководителя юридического лица либо индивидуально-предпринимателя за не обращение в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом. «Это вызвано тем, что п. 3 ст. 9 Закона о несостоятельности (банкротстве) обязывает их обращаться в суд в течение месяца с момента возникновения признаков банкротства, а п. 5 ст. 10 того же Закона указывает на возможность привлечения их к уголовной ответственности, в связи с чем целесообразно ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве) дополнить п. 4 следующего содержания: “Неподача заявления руководителем юридического лица или его учредителем (участником) либо индивидуальным предпринимателем о признании банкротом по истечении месяца с даты возникновения обстоятельств, при которых данные лица обязаны обратиться в арбитражный суд, если это деяние причинило крупный ущерб, наказывается...”» [3, с. 37].

Определенная логика в изложенных рассуждениях присутствует. Неправомерные действия при банкротстве, описанные в ч. 1 ст. 195 УК РФ, нередко сложны для установления, а тем более для доказывания. Реализация предложенных автором инициатив значительно облегчила бы правоприменительную деятельность, поскольку подавляющему большинству случаев банкротства сопутствовало несвоевремен-

ное обращение с заявлением о банкротстве. Однако такое «упрощение» в действительности приведет к неоправданному расширению объема криминализованных деяний, что не отвечает требованиям современной уголовной политики в сфере экономической деятельности.

Несвоевременная подача лицом заявления о своем банкротстве, даже приведшая в результате к крупному ущербу, может быть обусловлена нахождением хозяйствующего субъекта в конкретный период в состоянии оправданного коммерческого риска, после которого финансовое состояние может быть стабилизировано. И даже в случае неудачи подобное поведение лица недопустимо приравнивать по уровню общественной опасности к деяниям, запрещенным в настоящее время ст. 195 УК РФ. Кроме того, следует учитывать, что неподдача лицом заявления о собственном банкротстве не препятствует обращению кредиторов в арбитражный суд с таким заявлением.

Анализируя потенциальные пути оптимизации уголовно-правового предписания, сформулированного в ст. 197 УК РФ, Г.С. Улезько отмечает: «публичным должно быть не объявление о несостоятельности, а объявление о неспособности юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, и (или) обязательствам по выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [4, с. 11].

Однако с учетом бесспорной бланкетности диспозиции ст. 197 УК РФ подобные трансформации, по нашему мнению, лишены обоснованной необходимости. По сути, автор предлагает формулировку о несостоятельности (банкротстве) перенести в текст уголовного закона. Целесообразность такого законодательного решения сомнительна, маловероятно, что оно будет способствовать повышению эффективности противодействия анализируемому общественно опасному деянию.

Значительное внимание в теории уголовного права уделяется вопросам

крупного ущерба как составообразующего признака преступлений в сфере банкротства. На практике возникает немало трудностей, predetermined проблемami установления данных общественно опасных последствий.

В связи с этим Г.С. Улезько обосновывает необходимость вместо признака причинения крупного ущерба в составах преднамеренного и фиктивного банкротства использовать признак совершения таких преступлений в крупном размере [4, с. 11]. Такое решение позволит при подсчете данного размера просто суммировать соответствующие неудовлетворенные требования, включенные в реестр кредиторов.

С одной стороны, правоприменительные органы, как правило, именно таким способом и подсчитывают размер крупного ущерба от совершения преступления в сфере банкротства. Однако, с другой стороны, подобный механизм исключит ущерб, который может находиться за пределами требований кредиторов. Например, определенные негативные последствия могут отражаться на деятельности контрагентов банкрота. А в случае с фиксацией в качестве конструктивного признака состава преступления лишь крупного размера иные виды ущерба не будут учтены. Такую ситуацию затруднительно признать оправданной.

Многими специалистами, исследовавшими уголовно-правовые аспекты противодействия нарушениям в сфере банкротства, указывается на имеющиеся погрешности в дифференциации уголовной ответственности за анализируемое преступление. В частности, имеется в виду одинаковый криминообразующий размер ущерба для трех категорий банкротов — организаций, индивидуальных предпринимателей и граждан.

Например, Д.А. Туровым высказывается мнение о том, что «определение в настоящее время одинаковой суммы, составляющей крупный ущерб, для должников — юридических лиц и для должников — индивидуальных предпринимателей нарушает... принцип индивидуализации уголовной ответственности, так как финансовое положение и потенциальная возможность причинения вреда у юридического лица и индивидуального предпринимателя различны» [5, с. 21].

К этому следует добавить, что в целом негативные социальные последствия банкротства организации несопоставимы с банкротством физического лица, не обладающего статусом индивидуального предпринимателя. Это и остановка деятельности предприятия, утрата рабочих мест, снижение размеров собираемых налогов, разрушение цепочек экономических взаимосвязей и т.п. В свою очередь, при банкротстве гражданина кроме кредиторов, которым причинен ущерб, какие-либо иные лица не страдают.

В сложившихся условиях, согласно законодательству, отсутствуют различия между ситуациями банкротства юридических и физических лиц. При этом банкротство физических лиц, которое превосходит случаи банкротства организаций по своим количественным показателям, также характеризуется значительной общественной опасностью. А главное — существенное отличие наказуемости за совершение соответствующих административных правонарушений и преступлений в контексте банкротства физических лиц, которое вызывает у граждан ощущение безнаказанности за нарушения, допускаемые ими в этой сфере. Подавляющее большинство случаев банкротства физических лиц не приводит к списанию долгов на суммы, превышающие два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Немаловажным аспектом дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц является начальный уровень категории изучаемых преступлений. Иначе говоря, ч. 1 ст. 195 УК РФ предусматривает преступление средней тяжести, ч. 1 ст. 196 УК РФ — тяжкое преступление, ст. 197 УК РФ — тяжкое преступление.

С учетом данных обстоятельств имеются основания предложить дифференцировать ответственность за преступления в сфере банкротства, перенеся на отдельный уровень ответственность для физических лиц за совершение преступлений исследуемой группы. Одновременно для физических лиц должен быть снижен криминообразующий порог размера ущерба вследствие нарушений в сфере банкротства.

Следует отметить, что ущерб, причиняемый в результате преступлений, свя-

занных с банкротством физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, во многих случаях обусловлен не столько экономической деятельностью должников, сколько их бытовым, потребительским поведением. Криминообразующий порог для физических лиц также должен быть уменьшен до уровня крупного ущерба в понимании, регламентированном для преступлений против собственности, то есть до двухсот пятидесяти тысяч рублей (примечание 4 к ст. 158 УК РФ).

Только при таком условии можно обеспечить надлежащий уровень предупреждения преступлений в сфере банкротства физических лиц, особенно в части внесудебного банкротства, которое в настоящее время является разбалансированным и реализуется вне системы сдержек и противовесов, присущих процедуре судебного банкротства физического лица.

Вместе с тем в целях обеспечения надлежащего уровня дифференциации уголовной ответственности, помимо крупного ущерба, необходимо выделить усиленную ответственность за такие деяния, повлекшие причинение особо крупного ущерба, который должен образовывать ущерб на сумму, превышающую один миллион рублей.

Одновременно, безусловно, потребуются изменить категории соответствующих преступлений в сфере банкротства, совершаемых физическими лицами, а именно определить их как преступления небольшой тяжести по неквалифицированным составам.

В существующем виде уголовно-правовое предписание, сформулированное в ст. 195 УК РФ, представлено чрезвычайно объемно, содержит не только пять частей, но и большие диспозиции. Как отмечает М.Г. Жилкин, «при совершенствовании уголовного законодательства в сфере противодействия предпринимательским преступлениям следует уходить от излишней громоздкости и казуистичности, отдавая предпочтение бланкетному способу изложения нормативного материала при неукоснительном соблюдении требования единства категориального аппарата предпринимательского законодательства, важной частью которого и является УК РФ» [6, с. 112].

По нашему мнению, эти предложения следует учитывать при разработке направлений оптимизации российского уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц.

Представляется уместным обратить внимание на такой квалифицирующий признак состава неправомерных действий при банкротстве, как их совершение контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица. Данные обстоятельства, отягчающие ответственность, неприменимы к случаям совершения анализируемого преступления при банкротстве физического лица. Причиной служит то, что контролирующим должника лицом может быть признан, например, супруг или иной родственник. Очевидно, что совершение этих преступлений обозначенными лицами не может рассматриваться в качестве отягчающего обстоятельства. В связи с этим при конструировании уголовно-правовых запретов на совершение преступлений в сфере банкротства физических лиц с учетом предложений о дифференциации уголовной ответственности должны также приниматься во внимание имеющиеся погрешности нормативного регулирования.

В этом контексте, например, С.В. Дерягина утверждает, что перечисление в ч. 1 ст. 195 УК РФ видов должников — юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан — является в современных условиях излишним [2, с. 18]. Учитывая действующие уголовно-правовые предписания, с автором следует согласиться. В сложившейся ситуации перечисление указанных категорий банкротов при отсутствии какого-либо разграничения уголовной ответственности по этим признакам нецелесообразно.

В случае же реализации наших предложений по дифференциации уголовной ответственности за нарушения при банкротстве юридических и физических лиц будут отличаться ситуации банкротства этих типов должников. При этом разделение физических лиц на индивидуальных предпринимателей и граждан в настоящее время не видится обоснованным.

Даже в действующих редакциях норм о преступлениях, связанных с бан-

кротством, используется формулировка «граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей». Иными словами, этот прием необходим лишь для уточнения, поскольку граждане могут обладать статусом индивидуальных предпринимателей. Принципиальные различия между названными категориями лиц отсутствуют, поскольку в любом случае индивидуальный предприниматель отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом (ст. 24 ГК РФ). Кроме того, в настоящее время многие граждане вовлечены в активную экономическую деятельность, не приобретая статус индивидуального предпринимателя, а оформившись налогоплательщиком налога на профессиональный доход (самозанятым).

Таким образом, в свете современного законодательства разделение в составах преступлений в сфере банкротства граждан и индивидуальных предпринимателей является безосновательным. Уместнее в данном контексте использовать синонимичные формулировки «гражданин» или «физическое лицо», как они фигурируют в равнозначном значении в главе 3 ГК РФ.

В юридической литературе высказывается мысль о необходимости установления уголовной ответственности в отношении организаций за преступления в сфере банкротства [7, с. 42]. Идеи об установлении уголовной ответственности организаций в целом и за преступления в сфере экономической деятельности в частности не новы. Однако относительно проблем уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц такие вопросы не актуальны.

Как известно, одним из векторов развития современного отечественного уголовного законодательства является конструирование ряда составов преступлений с использованием административной преюдиции, когда уголовная ответственность наступает в случае повторения деяния при условии привлечения лица ранее за аналогичное административное правонарушение.

В теории уголовного права по этому поводу отмечается, что получивший в последние годы широкое развитие механизм установления уголовной ответственности с использованием административ-

ной преюдиции является неприменимым к преступлениям, отличающимся крайне низким уровнем повторности, к которым относятся и преступления в сфере банкротства [8, с. 43].

Как показывают результаты проведенного нами исследования, преступления в сфере банкротства физических лиц не характеризуются повторностью, что объясняется двумя основными факторами. Во-первых, институт банкротства физических лиц является относительно новым в отечественном законодательстве. Во-вторых, в силу п. 2 ст. 213.30 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в течение пяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина. В случае повторного признания гражданина банкротом в течение указанного периода по заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа в ходе вновь возбужденного дела о банкротстве гражданина правило об освобождении гражданина от обязательств не применяется*.

Исключение могут составлять случаи совершения исследуемых преступлений субъектом в виде финансового управляющего по делу о банкротстве физического лица. Однако подобные случаи на сегодняшний день являются относительной редкостью.

В связи с этим такой законодательный механизм, как административная преюдиция, является неактуальным для преступлений в сфере банкротства физических лиц.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) деяние в виде передачи имущества во владение иным лицам (ч. 1 ст. 195 УК РФ) может быть обусловлено экономической, производственной необходимостью

* О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. N 127-ФЗ; ред. от 28 дек. 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 43. Ст. 4190; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

стью и не иметь отношения к сокрытию имущества перед наступлением банкротства. Однако буквальное толкование данных признаков позволяет любое такое деяние квалифицировать по ч. 1 ст. 195 УК РФ. Очевидно, что данная ситуация содержит в себе предпосылки как минимум для противоречивого толкования, а как максимум — для ошибочного применения уголовного закона в нарушение ч. 1 ст. 14 УК РФ, то есть в отсутствие признаков общественной опасности деяния. На основании изложенного можно утверждать, что деяние в виде передачи имущества во владение иным лицам, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежит декриминализации;

2) обосновано предложение о декриминализации действий в виде сокрытия и уничтожения бухгалтерских и иных учетных документов (ч. 1 ст. 195 УК РФ). Это объясняется тем, что весьма сомнительной является связь обозначенных действий с соответствующими последствиями преступления в сфере банкротства. Данные действия, взятые в отдельности, вряд ли способны повлечь общественно опасные последствия в виде крупного ущерба. Они могут лишь сопутствовать иным действиям, образующим признаки правонарушений при банкротстве. Кроме того, в условиях цифровизации значительного объема бухгалтерской и иной учетной документации ее сокрытие и уничтожение становится бессмысленным. В связи с этим полагаем, что признаки уничтожения и сокрытия бухгалтерских и иных учетных документов, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежат исключению как избыточные;

3) в законодательстве отсутствует разграничение ситуаций банкротства юридических и физических лиц. При этом банкротство физических лиц, количественные показатели которого превосходят количество случаев банкротства организаций, также характеризуется большой общественной опасностью. Значительно отличающаяся наказуемость за совершение соответствующих административных правонарушений и преступлений в контексте банкротства физических лиц создает ощущение безнаказанности граждан за допускаемые ими нарушения в этой сфере. Подавляющее большинство случаев банкротства физических лиц не приводит к списанию долгов

на суммы, превышающие два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. Немаловажным аспектом дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц является начальный уровень категории изучаемых преступлений, то есть ч. 1 ст. 195 УК РФ предусматривает преступление средней тяжести, ч. 1 ст. 196 УК РФ — тяжкое преступление, ст. 197 УК РФ — тяжкое преступление.

С учетом данных обстоятельств имеются основания предложить дифференцировать ответственность за преступления в сфере банкротства, перенеся на отдельный уровень ответственность для физических лиц за совершение преступлений исследуемой группы. В то же время для физических лиц должен быть снижен криминообразующий порог размера ущерба вследствие нарушений в сфере банкротства;

4) ввиду того, что ущерб, причиняемый в результате преступлений, связанных с банкротством физических лиц, во многих случаях обусловлен не столько экономической деятельностью должников, сколько их бытовым, потребительским поведением, криминообразующий порог для преступлений в сфере банкротства физических лиц также должен быть уменьшен до уровня крупного ущерба, установленного для преступлений против собственности, то есть до двухсот пятидесяти тысяч рублей (примечание 4 к ст. 158 УК РФ). Это позволит обеспечить надлежащий уровень предупреждения преступлений в сфере банкротства физических лиц, особенно в части внесудебного банкротства, которое в настоящее время является разбалансированным и реализуется вне системы сдержек и противовесов, присущих процедуре судебного банкротства физического лица. При этом потребуются изменить категории соответствующих преступлений в сфере банкротства, совершаемых физическими лицами, а именно определить их в качестве преступлений небольшой тяжести по неквалифицированным составам.

Вместе с тем в целях обеспечения надлежащего уровня дифференциации уголовной ответственности, помимо крупного ущерба, необходимо выделить усиленную ответственность за такие деяния, повлекшие причинение особо крупного

ущерба, который должен образовывать ущерб на сумму, превышающую один миллион рублей;

5) аргументировано отсутствие необходимости разделения граждан и индивидуальных предпринимателей в нормах о преступлениях, связанных с банкротством. Принципиальные различия между названными категориями лиц отсутствуют, поскольку индивидуальный предприниматель отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом (ст. 24 ГК РФ). Кроме того, в настоящее время многие граждане вовлечены в активную экономическую деятельность в качестве налогоплательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых). Таким образом, разделение в составах преступлений в сфере банкротства граждан и индивидуальных предпринимателей является бесосновательным. Представляется целесообразным использование синонимичных формулировок «гражданин», «физическое лицо» по аналогии с равнозначным значением в главе 3 ГК РФ.

Реализация разработанных направ-

лений оптимизации уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц может быть осуществлена посредством их выведения из имеющихся предписаний и оформления в рамках отдельных самостоятельных норм. При этом следует ориентироваться, например, на подход, реализованный в статьях о налоговых преступлениях, в которых в первую очередь идет норма об ответственности за уклонение от уплаты налогов физического лица (ст. 198 УК РФ), а за ней следует положение об ответственности за уклонение от уплаты налогов с организаций (ст. 199 УК РФ). В таком случае в действующих статьях следует оставить нормы об ответственности за нарушения при банкротстве физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, а существующие предписания об ответственности за преступления при банкротстве юридических лиц переместить во вновь сформированные ст.ст. 195.1, 196.1 и 197.1 УК РФ.

Список источников

1. Вакутин А.А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 23 с.
2. Дерягина С.В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 202 с.
3. Сипок Р.П. Особенности развития конституционных основ обеспечения государственной безопасности в сфере экономики посредством уголовного законодательства Российской Федерации // Юридический мир. 2012. N 8. С. 35-37.
4. Улезько Г.С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. 27 с.
5. Туров Д.А. Совершенствование уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления, связанные с банкротством // Российский следователь. 2008. N 7. С. 21-22.
6. Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. Москва: Юриспруденция, 2019. 144 с.
7. Лаптев Д.Б., Гордиенко З.А. Проблемы реализации норм о преступлениях в сфере банкротства // Безопасность бизнеса. 2022. N 5. С. 41-44.
8. Медведев Е.В. Уголовно-правовые средства в борьбе с экономическими преступлениями: проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики // Адвокатская практика. 2019. N 5. С. 41-45.

References

1. Vakutin A.A. Criminal and legal assessment of illegal actions in bankruptcy. Autoabstract Cand. Diss. Omsk, 2013. 23 p. (In Russ.).
2. Deryagina S.V. Criminal bankruptcies under the criminal legislation of the Russian Federation: retrospective and criminal law analysis: Cand. Diss. Yekaterinburg, 2022. 202 p. (In Russ.).
3. Sipok R.P. Features of the development of the constitutional foundations of ensuring state security in the economic sphere through the criminal legislation of the Russian Federation. Legal World, 2012, no. 8, pp. 35-37. (In Russ.).
4. Ulez'ko G.S. Criminally punishable intentional and fictitious bankruptcy: legislative regulation and practice of application. Autoabstract Cand. Diss. Grozny, 2020. 27 p. (In Russ.).

5. Turov D.A. Improvement of criminal law norms establishing responsibility for crimes related to bankruptcy. *Russian investigator*, 2008, no. 7, pp. 21-22. (In Russ.).

6. Zhilkin M.G. Crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of classification and differentiation of responsibility. Moscow, *Yurisprudentsiya Publ.*, 2019. 144 p. (In Russ.).

7. Laptev D.B., Gordienko Z.A. Problems of implementing norms on crimes in the field of bankruptcy. *Business security*, 2022, no. 5, pp. 41-44. (In Russ.).

8. Medvedev E.V. Criminal legal means in the fight against economic crimes: problems and prospects for improving legislation and law enforcement practice. *Advocate Practice*, 2019, no. 5, pp. 41-45. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

Современная правоприменительная практика обеспечения административно-правовой охраны деятельности полиции

Иван Николаевич Астафьев,

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, ast_ivn@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7835-1746>

Аннотация. В статье рассматривается законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях в контексте административно-правовой охраны деятельности полиции. Установлена тенденция к увеличению количества административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции. При этом высказано предположение о том, что назначаемые административные наказания не обеспечивают достижения их цели – предупреждения совершения новых правонарушений. Автор обосновывает, что административные правонарушения, квалифицируемые как неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, имеют тесную связь с уголовно наказуемым применением насилия в отношении сотрудника полиции. Определены перспективы дальнейших исследований, заключающиеся в необходимости изучения, описания и систематизации объективной стороны составов административных правонарушений, диспозиции норм которых имеют простой вид, а также в повышении эффективности административного наказания посредством его индивидуализации.

Ключевые слова: административно-правовая охрана, преступления против сотрудника полиции, эффективность административного наказания, объективная сторона правонарушения

Для цитирования: Астафьев И.Н. Современная правоприменительная практика обеспечения административно-правовой охраны деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 80-88.

Modern law enforcement practice of ensuring the administrative and legal protection of police activities

Ivan N. Astafyev,

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russia, ast_ivn@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7835-1746>

Abstract. The legislation of the Russian Federation on administrative offenses in the context of administrative and legal protection of police activities is considered. The tendency towards increasing the number of administrative offenses related to disobedience to the lawful order or demand of a police officer is identified. It is suggested that the imposed administrative punishments do not ensure achievement of their objectives, that is preventing the commission of new offenses. It is justified that the administrative offenses qualified as disobedience to the lawful order or demand of a police officer are closely related to the criminally punishable use of violence against a police officer. The prospects for further researches are determined, which imply the need to study, describe and systematize the objective aspect of essential elements of administrative offenses, whose dispositions of the norms have a simple form, as well as to improve the efficiency of administrative punishment through its individualization.

Keywords: administrative and legal protection, crimes against a police officer, efficiency of administrative punishment, objective aspect of the offense

For citation: Astafyev I.N. Modern law enforcement practice of ensuring the administrative and legal protection of police activities // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 80-88.

Введение

Согласно ст. 1 Конституции РФ Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство. Вся деятельность правового государства подчинена нормам права, а также фундаментальным правовым принципам, направленным на защиту достоинства, свободы и прав человека. Обеспечение прав и свобод человека осуществляется, в частности, путем защиты личности от противоправных посягательств. Существенная роль в этом принадлежит полиции. Должностные лица полиции, в отличие от должностных лиц иных органов исполнительной власти, вправе применять административно-пресекающие меры (пресекать правонарушение, принимать меры к его нераспространению и доставлению правонарушителя).

Деятельность полиции находится под пристальным вниманием общественности, так как затрагивает интересы всех членов общества и сказывается на обеспечении безопасности личности, общества и государства в целом. Общественное мнение, динамика которого изучается территориальными органами МВД России ежеквартально, является одним из основных критериев оценки деятельности полиции*. В связи с этим Ю.В. Фромич и Л.С. Шестакова считают необходимым обеспечить высокий авторитет сотрудников полиции [1, с. 84].

Представляется справедливой высказанная в научной литературе точка зрения о том, что одним из средств, направленных на повышение общественного доверия к полиции, является административно-правовая охрана ее деятельности, выражающаяся в административной ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции и воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей [2, с. 193].

Впервые термин «административно-правовая охрана деятельности милиции» предложил Ю.П. Соловей: «...административно-правовая охрана деятельности милиции имеет своим содержанием установление и реализацию административно-правовых

норм, определяющих систему мер пресечения милицией актов противодействия ее деятельности и предусматривающих ответственность за их совершение. Основанием применения административно-правовых мер охраны деятельности милиции служит акт противодействия этой деятельности» [3, с. 10]. Ю.А. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и В.В. Черников выделяют несколько форм наказуемого противодействия законной деятельности сотрудников полиции, предусмотренных административно-правовыми и уголовно-правовыми нормами, которые можно сгруппировать следующим образом:

- в области обеспечения безопасности дорожного движения – чч. 1 и 2 ст. 12.25, ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ;
- в области защиты институтов государственной власти – ст. 17.7 КоАП РФ;
- в области защиты порядка управления – ч. 1 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.4 КоАП РФ, ст.ст. 317-319 УК РФ;
- в области обеспечения общественного порядка и общественной безопасности – ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ) [4, с. 238].

Основная часть

В настоящее время, кроме норм КоАП РФ, выделяемых в науке, административно-правовую охрану деятельности полиции обеспечивают:

– *часть 1 ст. 6.9 КоАП РФ – «потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 20.20 настоящего Кодекса, либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества»**;*

– *часть 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ (введена в 2015 году) – «невыполнение лицом, осущест-*

** Часть 1 ст. 6.9 приведена в редакции Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». (См.: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>). Здесь и далее курсив наш. – И. А.

* См., например: Об итогах оперативно-служебной деятельности УМВД России по Омской области и состоянии оперативной обстановки в Омской области за 2020 год // УМВД России по Омской области: официальный сайт. URL: <https://55.mvd.rf>

вляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции или должностного лица войск национальной гвардии Российской Федерации о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения»*;

– часть 5 ст. 20.2 КоАП РФ (введена в 2019 году) – «нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» в виде невыполнения участником публичного мероприятия законных требований или распоряжений сотрудников органов внутренних дел (военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации), а также воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей, связанных с обеспечением общественного порядка, безопасности граждан и соблюдением законности при проведении публичного мероприятия». Указанная норма в данном случае является специальной по отношению к ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ**.

Диспозиция нормы ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ является бланкетной. В соответствии с ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»*** во время проведения публичного мероприятия его участники обязаны выполнять все законные требования организатора публичного мероприятия, уполномоченных им лиц, уполномоченного представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или

органа местного самоуправления и сотрудников органов внутренних дел (военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации).

Таким образом, к нормам административного законодательства, обеспечивающим административно-правовую охрану деятельности полиции, в настоящее время следует относить:

– нормы в области защиты здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности – ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ;

– обеспечения безопасности дорожного движения – чч. 1, 2 ст. 12.25, чч. 1, 2 ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ;

– защиты институтов государственной власти – ст. 17.7 КоАП РФ;

– защиты порядка управления – чч. 1, 1.1, 6 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.4, чч. 27, 28 ст. 19.5, ст. 19.35 КоАП РФ;

– обеспечения общественного порядка и общественной безопасности – ч. 2 ст. 20.1, ч. 5 ст. 20.2, ч. 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ [5, с. 21].

В таблице 1 представлены статистические данные, отражающие современную практику применения норм административного законодательства, обеспечивающих административно-правовую охрану деятельности полиции**** (сведения о правоприменительной практике относительно чч. 1, 2 ст. 12.25, ч. 3 ст. 12.27, чч. 27, 28 ст. 19.5 КоАП РФ в ведомственной статистике отсутствуют).

Большинство норм, обеспечивающих административно-правовую охрану деятельности полиции, имеют описательную диспозицию, кроме ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.35 КоАП РФ. Часть 5 ст. 20.2 КоАП РФ, как уже отмечено, является бланкетной. Объективную сторону административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.35, ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, составляют действия (бездействие) физических лиц, нарушающих права полиции, которые перечислены в ст.ст. 13 и 28 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*****.

**** См.: Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации. Формы I-АП (577), I-БДД (560). М.: ГИАЦ МВД России, 2018-2022.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия: федер. закон от 21 июля 2014 г. N 227-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

** О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 18 марта 2019 г. N 28-ФЗ // Там же.

*** О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ: ред. от 5 дек. 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 25. Ст. 2485; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

Таблица 1

Статистические данные об административной практике применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации норм административного законодательства, обеспечивающих административно-правовую охрану служебной деятельности полиции (2018–2022 гг.)

N п/п	Норма КоАП РФ	Количество административных правонарушений, совершенных в период с 2018 по 2022 год					Прирост, %
		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	
1	ст. 6.9	98 320	103 515	106 417	116 666	113 775	15,7
2	ст. 12.26	184 940	169 012	170 224	171 526	85 764	-7,3
3	ст. 17.7	9034	8489	5822	4757	4498	-50,2
4	ст. 19.3	62 991	65 051	69 461	72 881	74 522	18,3
5	ч. 1 ст. 19.4	49	13	2116	10	9	-81,6
6	ст. 19.35	16	5	1	6	2	-87,5
7	ст. 20.1	870 362	794 724	674 615	704 537	746 352	-14,2
8	ч. 5 ст. 20.2	2178	2744	1682	10 954	10 343	374,9
9	ч. 4.2 ст. 20.8	87	72	58	83	71	-18,4

В связи с этим имеется необходимость в изучении, описании, конкретизации и систематизации объективной стороны составов перечисленных административных правонарушений.

К редко применяемым нормам административно-правовой охраны служебной деятельности полиции относятся: ч. 1 ст. 19.4 (от 49 случаев в 2018 году до 9 случаев в 2022 году) и ст. 19.35 (от 16 случа-

ев в 2018 году до 1 случая в 2020 году). Ввиду незначительного и относительно стабильного количества указанных правонарушений изучение их составов оставим без внимания.

Проведенное исследование демонстрирует ежегодный рост количества пресекаемых сотрудниками полиции административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ (см. рис. 1).

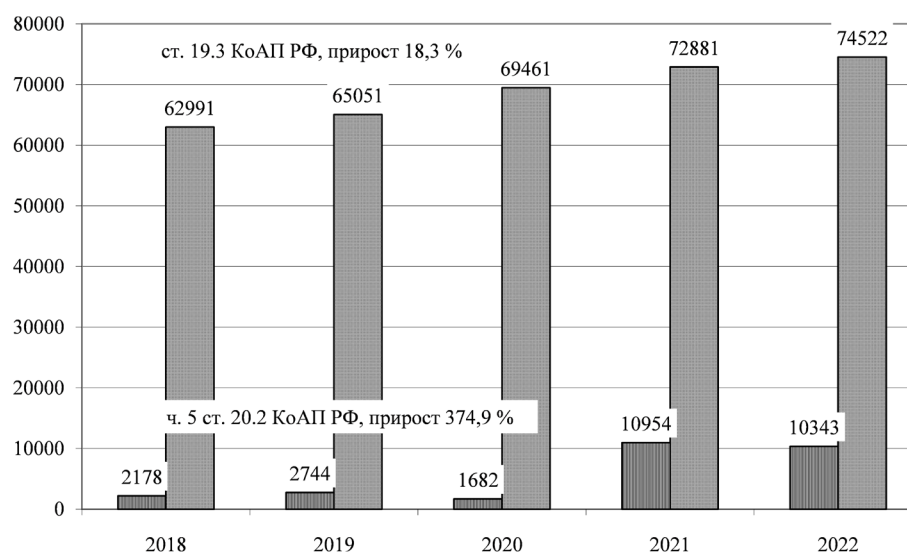

Рис. 1. Количество административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ и ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей), совершенных в период с 2018 по 2022 год

Увеличение на 18,3 % количества административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ, на наш взгляд, усугубляется убылью на 0,9 % постоянного населения Российской Федерации (со 146 880 432 человек в 2018 году до 145 557 576 человек в 2022 году)*.

Увеличение в период с 2018 по 2022 год количества административных правонарушений, связанных с неповино-

вением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствованием исполнению им служебных обязанностей, может способствовать совершению преступлений в отношении сотрудников полиции. Исследования свидетельствуют о тенденции к увеличению числа преступлений, связанных с применением насилия в отношении сотрудника полиции (ст. 318 УК РФ) (см. рис. 2)**.

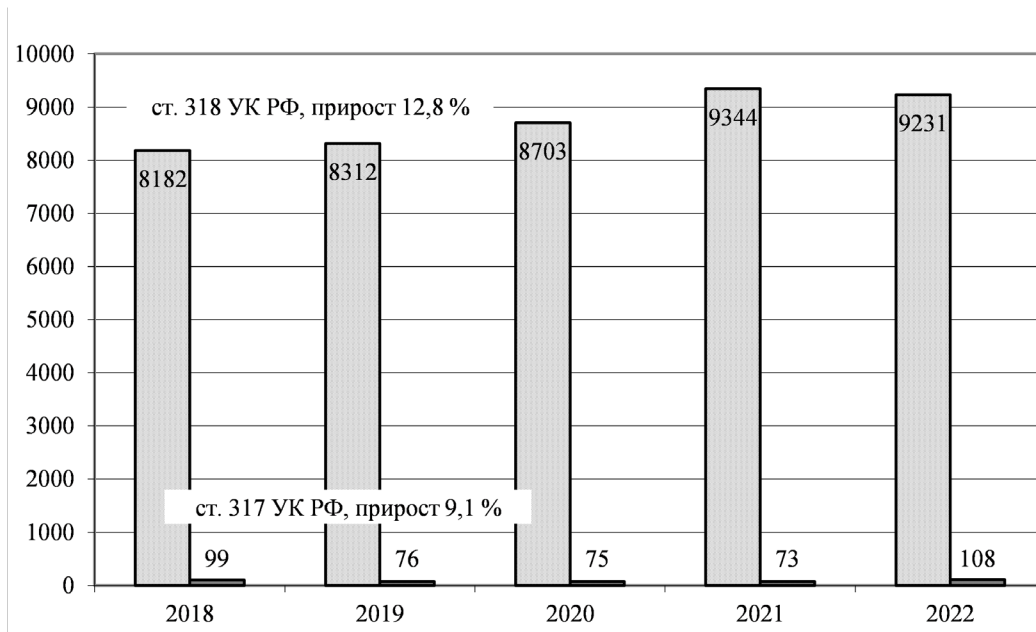

Рис. 2. Количество преступлений, связанных с применением насилия в отношении сотрудника полиции (ст. 318 УК РФ) и посягательством на жизнь сотрудника полиции (ст. 317 УК РФ), совершенных в период с 2018 по 2022 год

Статистические данные об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 19.3, 19.35 и ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, и преступлениях против сотрудников полиции за период с 2018 по 2022 год представлены в таблице 2.

Для установления наличия или отсутствия связи между административными правонарушениями, квалифицируемыми как неповиновение сотрудникам полиции, и преступлениями, совершенными в отношении сотрудников полиции, автором

используется математико-статистический метод исследования — расчет корреляционного анализа Пирсона.

Корреляционный анализ количественных данных об административных правонарушениях, квалифицируемых как неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст.ст. 19.3, 19.35, ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ), и преступлениях в отношении сотрудника полиции (ст.ст. 317, 318, 319 УК РФ), совершенных в период с 2018 по 2022 год, показал:

* Демография. Численность постоянного населения на 1 января // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <https://showdata.gks.ru>

** См.: Единый отчет о преступности. Форма 1-ЕГС (491). М.: ГИАЦ МВД России, 2018-2022.

Таблица 2

Статистические данные о количестве административных правонарушений, связанных с неповиновением сотрудникам полиции, и преступлений, совершенных в отношении сотрудников полиции (2018–2022 гг.)

Нормы	Количество административных правонарушений и преступлений, совершенных в период с 2018 по 2022 год				
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
ст. 19.3, ст. 19.35, ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ	65 185	67 800	71 144	83 841	84 867
ст. 317 УК РФ	99	76	75	73	108
ст. 318 УК РФ	8182	8312	8703	9344	9231
ст. 319 УК РФ	13 539	13 558	12 600	8620	6447

– отсутствие статистически достоверной связи между административными правонарушениями, квалифицируемыми как неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, и посягательством на жизнь сотрудника полиции (ст. 317 УК РФ)*;

– отсутствие статистически достоверной связи между административными правонарушениями, квалифицируемыми как неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, и оскорблением сотрудника полиции (ст. 319 УК РФ)**;

– высокую и статистически достоверную связь административных правонарушений, квалифицируемых как неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, с применением насилия в отношении сотрудника полиции (ст. 318 УК РФ)***.

Наличие статистически достоверной связи между административными правонарушениями, сопряженными с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствованием исполнению им служебных обязанностей (ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.35,

* Коэффициент корреляции Пирсона между изучаемыми показателями составил $R = 0,151$, t -критерий Стьюдента $2,72E-05$.

** Коэффициент корреляции Пирсона между изучаемыми показателями составил $R = -0,971$, но t -критерий Стьюдента $1,63E-04$ указывает на статистическую недостоверность.

*** Коэффициент корреляции Пирсона между изучаемыми показателями составил $R = 0,981$, t -критерий Стьюдента $3,54E-05$, то есть при высоком уровне значимости (α) вероятность нулевой гипотезы составила $P < 0,001$.

ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ), и применением насилия в отношении сотрудника полиции (ст. 318 УК РФ) свидетельствует, что каждый восьмой случай неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника полиции «перерастает» из административного правонарушения в преступление.

На основании установления статистически достоверной связи между административными правонарушениями, квалифицируемыми как неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудников полиции, и преступлениями с применением насилия в отношении сотрудников полиции полагаем, что имеется необходимость в повышении эффективности административного наказания в части пересмотра общих правил его назначения (ст. 4.1 КоАП РФ).

Анализ научной литературы по проблемам обеспечения эффективности административного наказания показал следующее. В качестве административного наказания наиболее часто применяется штраф. Изучавший эффективность применения административного штрафа М.В. Андреев указывает на низкий уровень взысканных административных штрафов, который составляет около 70 % [6, с. 72], причиной чего, как следует согласиться с исследователем, могут быть социально неприемлемые размеры административных штрафов [7, с. 20]. С.Н. Шаклеиным отмечен минимальный уровень взысканных административных штрафов среди лиц с девиантным поведением [8, с. 202]. В связи с указанными обстоятельствами В.А. Егупов приходит

к выводу о том, что профилактическая деятельность полиции должна включать в себя «...применение всех существующих видов административных наказаний, а не только административных штрафов» [9, с. 18]. Взыскание административных штрафов при помощи современных цифровых технологий, по мнению В.А. Гусева и А.Н. Дерюги, значительно снижает профилактическую эффективность административного наказания и отрицательно влияет на общественное восприятие отклоняющегося поведения [10, с. 20].

Для обеспечения индивидуальности административного наказания С.Н. Шапкин предлагает дополнить ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ пунктом 8 следующего содержания: «В постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны... обстоятельства и условия, повлиявшие на индивидуальность назначенного наказания», полагая, что «...при таком подходе эффективность административного наказания возрастет и позволит скорректировать дальнейшее поведение административного делинквента и его личные качества» [11, с. 114].

Рассматривая вопросы эффективности в административном праве, А.С. Дугенец приходит к выводу том, что эффективность административного наказания должна быть обеспечена правильным построением «лестницы наказаний», где «...каждый вид наказаний является ступенью, все они соединены воедино» [цит. по: 12, с. 45-46]. Полагаем, что отсутствие индивидуализации при назначении административного наказания, а также неназначение судом иных, кроме административного штрафа, альтернативных и соразмерных ему видов административного наказания — так называемой лестницы наказаний, приводит к низкой эффективности административного наказания.

Отсутствие описательных диспозиций норм, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.35, указывает на необходимость изучения особенностей составов данного вида административных правонарушений. Предварительный анализ особенностей составов административных правонарушений показывает, что к административным правонарушениям, предусмотренным ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, судебными органами

отнесено: воспрепятствование задержанию другого лица*; воспрепятствование разбирательству с задерживаемым лицом**; отказ гражданина от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения в связи с подозрением в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ***; воспрепятствование проезду автотранспорта****, управление транспортным средством, эксплуатация которого была ранее запрещена, а водитель был подвергнут административному наказанию по ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ*****; отказ подозреваемого от получения повестки в суд, подтверждаемый актом сотрудника полиции изолятора временного содержания*****; воспрепятствование осуществлению надзора за карцерным помещением следственного изолятора***** и др.

Изучение объективной стороны составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, на наш взгляд, целесообразно выполнить посредством проведения двух исследований: изучения мнений руководящего состава строевых подразделений полиции территориальных органов МВД России на районном уровне и изучения судебной практики. Сопоставление результатов этих двух исследований позволит установить

* Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 20 апр. 2020 г. по делу N 5-782/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** Постановление Кызылского городского суда Республики Тыва от 2 авг. 2017 г. по делу N 5-146/2017 // Там же.

*** Постановление Сокольского районного суда Нижегородской области от 7 апр. 2020 г. по делу N 5-11/2020 // Там же.

**** Решение судьи Верховного суда Республики Башкортостан от 25 авг. 2020 г. по делу N 12-486/2020 // Там же.

***** Постановление Богородицкого районного суда Тульской области от 3 февр. 2020 г. по делу N 5-29/2020 // Там же.

***** Постановление Беловского городского суда Кемеровской области от 19 авг. 2021 г. N 5-1481/2021 // Там же.

***** Постановление Волоколамского городского суда Московской области от 27 июля 2022 г. по делу N 5-426/2022 // Там же.

различия в понимании сотрудниками полиции и судьями составов административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствованием исполнению им служебных обязанностей.

Заключение

1. Действующий КоАП РФ предусматривает следующие нормы, обеспечивающие административно-правовую охрану деятельности полиции: ч. 1 ст. 6.9; чч. 1 и 2 ст. 12.25, чч. 1 и 2 ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27, ст. 17.7, чч. 1, 1.1, 6 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.4, чч. 27 и 28 ст. 19.5, ст. 19.35, ч. 2 ст. 20.1, ч. 5 ст. 20.2, ч. 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ.

2. Проведенное исследование свидетельствует о тенденции к увеличению административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 и ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ.

3. Посредством метода математической статистики — расчета коэффициента корреляции Пирсона выявлена значительная корреляционная зависимость между адми-

нистративными правонарушениями, предусмотренными ч. 1 ст. 19.3, ст. 19.35, ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, и применением насилия в отношении сотрудника полиции (ст. 318 УК РФ).

4. Перспективами дальнейших исследований являются:

— изучение, описание и систематизация объективной стороны составов административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудников полиции, диспозиции норм которых имеют простой вид (ч. 1 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.4, ст. 19.35, ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ);

— обоснование мероприятий, обеспечивающих усиление административно-правовой охраны деятельности полиции и предотвращение преступлений с применением насилия в отношении сотрудников полиции, путем пересмотра общих правил назначения административного наказания (ст. 4.1 КоАП РФ) с целью повышения эффективности административного наказания посредством его индивидуализации.

Список источников

1. Фромич Ю.В., Шестакова Л.С. К вопросу об авторитете сотрудников полиции // Наука без границ. 2017. N 10 (15). С. 84-87.
2. Вопросы повышения авторитета сотрудников полиции в современном российском социуме / Д.А. Картавцев, А.А. Кривошеин, Л.А. Ерашков, А.А. Камбачоков // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. N 7А. С. 193-199.
3. Соловей Ю.П. Теория и практика административно-правовой охраны деятельности милиции: учеб. пособие. Омск: ОВШМ МВД СССР, 1987. 96 с.
4. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.А. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. Москва: Проспект, 2012. 552 с.
5. Астафьев И.Н. Пресечение сотрудниками различных подразделений полиции административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ // Полицейская и следственная деятельность. 2023. N 1. С. 20-28.
6. Андреянов М.В. Эффективность применения административного штрафа органами внутренних дел (полиции) // Научный портал МВД России. 2021. N 3(55). С. 72-76.
7. Андреянов М.В. Некоторые вопросы эффективности применения административного штрафа органами внутренних дел (полиции) // Научный портал МВД России. 2022. N 1(57). С. 20-28.
8. Шаклеин С.Н. Теоретико-правовые аспекты административной педологии // Правоприменение. 2021. Т. 5. N 1. С. 202-211.
9. Егупов В.А. Административный штраф как административное наказание в Российской Федерации: проблемы эффективности применения // Правовой альманах. 2021. N 5(9). С. 18-22.
10. Гусев В.А., Дерюга А.Н. Причины снижения эффективности административного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 20-25.
11. Шаклеин С.Н. Педологические аспекты эффективности административного наказания // Научный портал МВД России. 2020. N 1(49). С. 110-116.
12. Панов А.Б. Эффективность в административном праве и средства ее обеспечения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2012. N 1(18). С. 39-51.

References

1. Fromich Yu.V., Shestakova L.S. On the question of the authority of police officers. Science without borders, 2017, no. 10 (15), pp. 84-87. (In Russ.).

2. Kartavtsev D.A., Krivoshein A.A., Erashkov L.A., Kambachokov A.A. Issues of increasing the authority of police officers in modern Russian society. *Issues of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 7A, pp. 193-199. (In Russ.).
3. Solovey Yu.P. Theory and practice of administrative-legal protection of police activities. Omsk, 1987. 96 p. (In Russ.).
4. Avrutin Yu.A., Bulavin S.P., Solovey Yu.P., Chernikov V.V. Commentary on the Federal Law "On Police" (item-by-article). Moscow, Prospekt Publ., 2012. 552 p. (In Russ.).
5. Astafyev I.N. The suppression by employees of various police units of administrative offenses under Art. 19.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Police and investigative activities*, 2023, no. 1, pp. 20-28. (In Russ.).
6. Andreyanov M.V. The effectiveness of the application of an administrative fine by internal affairs bodies (police). *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3(55), pp. 72-76. (In Russ.).
7. Andreyanov M.V. Some questions of the effectiveness of the application of an administrative fine by internal affairs bodies (police). *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1(57), pp. 20-28. (In Russ.).
8. Shaklein S.N. Theoretical and legal aspects of administrative penology. *Law enforcement*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 202-211. (In Russ.).
9. Egupov V.A. Administrative fine as an administrative punishment in the Russian Federation: problems of application efficiency. *Legal almanac*. 2021, no. 5(9), pp. 18-22. (In Russ.).
10. Gusev V.A., Deryuga A.N. The reasons for reducing the effectiveness of administrative punishment. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 4 (58), pp. 20-25. (In Russ.).
11. Shaklein S.N. Penological aspects of the effectiveness of administrative punishment. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1(49), pp. 110-116. (In Russ.).
12. Panov A.B. Efficiency in administrative law and means of ensuring it. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2012, no. 1(18), pp. 39-51. (In Russ.).

Раздел 7. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.4

Отзыв на диссертацию А.Н. Антонова «Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта (правовое обеспечение, организация, методика)»*

Андрей Борисович Сергеев,

доктор юридических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Sergeev_ab@bk.ru

Аннотация. В отзыве отмечается выверенный подход соискателя к методологии исследования, предпринятая им попытка разработать концепцию, объединяющую теоретические положения о специфике расследования преступлений в ситуациях международного вооруженного конфликта. Оппонент подтверждает решение соискателем поставленных задач, обоснованность научных положений и выводов. Требуемыми ответа на защите названы уточняющие вопросы, например, о соотношении принципов процессуальной экономии, целесообразности, всестороннего, полного расследования преступлений в условиях вооруженного международного конфликта. Делается заключение о том, что диссертантом разработаны теоретические положения, решена научная проблема, имеющая большое значение для совершенствования процедуры, тактики и методики уголовного судопроизводства и отправления правосудия в условиях международного вооруженного конфликта. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, признается соответствующей критериям, которым должны отвечать работы подобного рода.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистическая методика, процессуальная целесообразность, международный вооруженный конфликт, минимальные стандарты расследования, денонсация

Для цитирования: Сергеев А.Б. Отзыв на диссертацию А.Н. Антонова «Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта (правовое обеспечение, организация, методика)» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 89-95.

Review of the thesis by A.N. Antonov "Crime investigation in the context of international armed conflict (legal support, organization, methodology)"

Andrey B. Sergeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Sergeev_ab@bk.ru

Abstract. The applicant's thoughtful approach to methodology, as well as his attempt to develop a concept to combine the theoretical provisions on the specifics of the crime investigation in the context of international armed conflict are noted in the review. The applicant's solution of set objectives and the validity of his scientific suggestions and conclusions are confirmed by the opponent. Some clarifying questions, for example, regarding the correlation between the principles of procedural economy, validity, comprehensive and full crime investigation in the context of an armed international conflict, are indicated as requiring to be answered while defending a thesis. It is concluded that the author has developed some theoretical positions, has solved a scientific problem that is of great importance for improving the procedure, tactics and techniques of the criminal proceedings and the administration of justice in the context of an international armed conflict. Thus, the thesis for the academic degree of a Doctor of Legal Sciences in the scientific specialty 5.1.4. Criminal law sciences, is recognized as appropriate to the designated criteria.

* Антонов А.Н. Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта (правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. Ульяновск, 2022. 546 с: ил.

Keywords: crime investigation, forensic techniques, procedural feasibility, international armed conflict, minimum standards of investigation, denunciation

For citation: Sergeev A.B. Review of the thesis by A.N. Antonov "Crime investigation in the context of international armed conflict (legal support, organization, methodology)" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 89-95.

Разрушительные последствия двух мировых войн остаются в основе стремления человечества не допустить возникновения вооруженных конфликтов не только мирового, но и регионального уровня. Проводимые ООН операции по поддержанию мира являются одним из средств международного сообщества по обеспечению мира и безопасности. С момента создания ООН (24 октября 1945 г.) входящие в ее состав государства активно используют разнообразные формы предотвращения и локализации международных вооруженных конфликтов. Среди них (форм) такие, как превентивная дипломатия, превентивное разоружение, своевременное и эффективное раскрытие, расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта. Названные формы правовой деятельности существенно снижают угрозу перерастания вооруженных конфликтов в войны, в целом содействуют восстановлению мира, установлению правопорядка в регионах протекания конфликтов.

Разнообразие развивающихся отношений между государствами (экономических, политических, конфессиональных и пр.) в ряде случаев порождает конфликтогенные факторы, которые криминализируют сложную правовую ситуацию, существенно влияют на формирование и специфику, а соответственно, на характер конфликтов, их ожесточенность, динамику протекания. Основу участников большинства миротворческих операций по поддержанию мира продолжает образовывать военный состав. При этом в миротворческой деятельности усиливается и правоохранительная составляющая, отдельным направлением которой является формирование доказательственной базы о преступлениях, совершаемых в периоды, предшествующие вооруженному конфликту, во время его протекания и в поствооруженный период.

Наряду с другими странами, входящими в ООН, Российская Федерация участвует в миротворческой деятельности*, предоставляя своих миротворцев-специалистов, в том числе в области уголовного судопроизводства. В составе миротворческих контингентов следственные подразделения привлекаются к расследованию широкого круга преступлений. При этом в силу ряда причин (длительность этапа протекания вооруженного конфликта, опасные формы его проявления, политизированность) существует широкий круг проблем организации расследования, документирования преступной деятельности в период вооруженного конфликта. Такое положение указывает на необходимость их тщательного научного изучения и разрешения.

Решению проблем должна способствовать концепция, которая могла бы объединить теоретические положения о специфике расследования преступлений в ситуациях международного вооруженного конфликта, когда контингент специалистов нескольких государств устанавливает обстоятельства преступной деятельности. В указанной обстановке не познанная до конца специфика следствия предполагает решение ряда сложных задач, таких как создание научно обоснованных разработок, теоретических положений о системе институтов нормативного обеспечения следственной деятельности; определение принципов, следование которым создает условия для более качественной реализации правозащитного потенциала уголовного судопроизводства на территориях во время протекания вооруженного конфликта и после его завершения; установление предела ограничения прав участников уголовного судопроизводства; создание минимальных стандартов (правовых норм)

* Участие российских военных в миротворческих операциях // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru>

уголовного судопроизводства по установлению обстоятельств совершения преступных действий; формирование методик расследования в условиях вооруженного противостояния. Перечисленные и другие задачи сформулированы А.Н. Антоновым в представленном диссертационном исследовании. Их решение поставлено во главу угла (с. 18-19).

Эмпирическая база. Репрезентативность эмпирического материала, сформировавшего практическую основу диссертации, исчерпывающее количество использованных нормативных, справочных и научных источников позволяют говорить о достоверности полученных диссертантом выводов и научных положений.

Методология исследования. Нарботанный большой практический опыт участия Российской Федерации в миротворческой, в том числе следственной деятельности непрерывно изучается научным сообществом. Сформулированные в диссертации отдельные задачи ученые и практики пытались решить ранее. Однако эти попытки нельзя признать вполне успешными. Недостаточно высокие научные результаты предшественников объясняются в первую очередь сложностью решения задач. Но есть и другая причина. Она заключается в отсутствии должного методологически выверенного научного подхода к решению данных задач.

Представленную работу характеризует основательный подход соискателя к методологии исследования. Используется метод системных исследований, позволивший обнаружить элементы системы механизмов разной степени общности, связанные с подготовкой и проведением следствия по различным видам преступлений в условиях вооруженного международного конфликта. Скрупулезный анализ расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта дал соискателю возможность выявлять элементы механизмов обнаружения, организации расследования преступных действий, устанавливая обстоятельства криминального события в условиях вооруженного конфликта. В разрозненных элементах различных механизмов исследователь находит взаимосвязи и взаимозависимости, что возможно осуществить

только посредством системного подхода. Системный метод позволил соискателю определить, что элементы относятся к различным механизмам, и установить полную структуру каждого. В свою очередь, эти механизмы, но уже в качестве отдельных элементов автору работы удалось объединить в систему более высокого уровня (степени обобщения). Системный подход обеспечил комплексность исследования; создал возможность разработать авторскую концепцию и получить результаты, раскрывающие специфику расследования преступной деятельности на территориях протекания межгосударственных вооруженных конфликтов.

Системный подход сопровождался применением таких частных (вспомогательных) средств, как юридико-технический, историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный методы, моделирование, метод включенного наблюдения и пр.

Четко обозначенные объект и предмет исследования (с. 17), правильно сформулированные задачи, методологически выверенный подход к их решению позволили получить результаты, обладающие *научной новизной*. К таким результатам необходимо отнести, в частности, следующее:

1. Среди специалистов ведутся активные дискуссии по разграничению существа явлений «международный вооруженный конфликт» и «война». В работе исследуется разнообразие суждений (с. 23-57). Анализируются международные акты, в том числе дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (с. 37-79).

Результатом исследования стал заслуживающий поддержки вывод о том, что такие критериальные признаки, как длительность вооруженного противостояния, его интенсивность, неспособность органов власти осуществлять властную деятельность, могут наблюдаться как при вооруженном международном конфликте, так и в ходе войны. Расследование преступлений на территории протекания вооруженного противостояния (или после завершения) сохраняет свои особенности

и не меняется в зависимости от отнесения его к той или иной международной классификационной категории, сохраняется единая тактика и методика действий полиции (милиции, прокуратуры). На механизм расследования преступлений названные критериальные признаки не влияют (с. 25, 62, 466).

2. Научная новизна подтверждается и тем, что система концепций расследования преступлений в особых (чрезвычайных) обстоятельствах (условиях) пополняется еще одной концепцией – концепцией расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта.

Более ранние исследования по проблемам расследования преступлений на примерах отдельных международных вооруженных конфликтов (в Приднестровье, Боснии и Герцеговине, Косово, Анголе, Чаде, Сьерра-Леоне и др.) имеют научные результаты, важные для повышения качества расследования преступлений (с. 100-104). Но в сфере научного познания они носили разрозненный, взаимно не увязанный характер. Объемы научного материала было недостаточно для систематизации в предметных рамках единого научного пространства. Эти предыдущие результаты обобщены. Они дополнили результаты, полученные соискателем лично. Негативные факторы (ограниченность, неполнота информации и пр.) сдерживания развития научной мысли были преодолены. Созданные благоприятные условия позволили соискателю разработать и предложить искомую концепцию.

3. Концепция как созданный соискателем научный продукт подразумевает новизну формирующих ее (концепцию) элементов.

Среди них наиболее значимыми следует считать теоретическое обоснование; определение понятия концепции, ее объекта, содержания, условий применения, положения о правовом и организационном обеспечении расследования круга преступлений, связанных с вооруженным конфликтом (с. 107).

Объектом предлагаемой концепции является не «классическое» понимание криминалистических особенностей как таковых, а лишь специфические закономерности, которые образуются неординарными

условиями расследования, вызванными ситуацией вооруженного конфликта.

В рамках объекта исследования устанавливаются и анализируются специфические закономерности правового обеспечения, организации, расследования преступлений в чрезвычайных условиях. В первую очередь сказанное относится к закономерностям расследования преступлений, которые послужили причиной чрезвычайных обстоятельств, создали для них условия, а также были иным образом связаны с ними (с. 106-107).

4. Абсолютной поддержки заслуживает обоснованная соискателем потребность разработать на международном уровне минимальные стандарты расследования. Их неукоснительное соблюдение должно обеспечивать определенный круг естественных прав граждан, проживающих на территории вооруженного противостояния. Минимальный набор требований должен соблюдаться вне зависимости от того, «работает ли международная следственная группа на территории, подконтрольной международной администрации, либо имеются действующие местные органы власти, сотрудничающие в той или иной форме (степени) с международными специалистами» (с. 409, 468).

5. Предлагаемая на обсуждение концепция содержит положения, согласно которым в период после окончания боевых действий передача следственных полномочий от иностранных специалистов вновь восстановленной администрации не должна осуществляться одномоментно. Предлагается осуществлять передачу поэтапно. На первом этапе необходимо делиться опытом с вновь набранными в следственные органы сотрудниками. Второй этап – передача дел, расследование которых не представляет сложности. На завершающем этапе иностранные специалисты только консультируют местный следственный состав по преступлениям, расследование которых представляет наибольшую сложность.

Вызывают интерес и отличаются новизной и другие заключения, выводы, аргументация, предложения.

Обоснованность научных положений и выводов, представленных в диссертации, подтверждается тем, что: теоретические положения диссертации построены на ис-

пользовании широкого круга российских и зарубежных источников права, научной и учебной литературы, опубликованных материалов научных и научно-практических конференций различного уровня организации и представительства, а также диссертационных исследований других авторов; идея базируется на системном анализе норм уголовно-процессуального и уголовного права, прокурорско-надзорного, оперативно-розыскного, административного законодательства, реального процессуального статуса участников уголовно-процессуальных отношений, аккумулирует тенденции в уголовно-процессуальной теории и практике, динамику норм действующего российского и зарубежного законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Автором проведено анкетирование и интервьюирование субъектов уголовного судопроизводства, по специально разработанным программам изучено репрезентативное количество уголовных дел и материалов иных производств; использованы социологические данные, полученные другими учеными и авторскими коллективами; использованы современные методики сбора и обработки исходной информации, представительные выборочные совокупности с обоснованием подбора объектов наблюдения.

Теоретическое значение результатов исследования. Разработанная концепция объединяет в себе разрозненные научные положения о деятельности правоохранительных органов на территории вооруженного конфликта в единую систему. Исследование развивает теорию уголовно-процессуального доказывания, оперативно-розыскной деятельности; поднимает на новый уровень научные положения права и управления, организации и производства расследования преступлений на территории межгосударственных военных действий.

Практическая значимость исследования проявляется в том, что разработанная концепция расследования преступлений формирует готовность следственных подразделений реализовывать функцию следствия в условиях международного конфликта последовательно, наступательно, с высоким уровнем решения организационных и

процессуальных задач; обеспечивать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. В практически значимом аспекте новизна заключается в выявленных новых, более совершенных и приемлемых условиях, средствах и способах организации деятельности по установлению обстоятельств совершаемых преступлений в ходе вооруженного межгосударственного противостояния; особенностях возбуждения уголовных дел и производства следственных и других процессуальных действий, а также судебного рассмотрения дел о преступлениях, совершенных на конфликтной и постконфликтной территории.

Оценивая диссертацию А.Н. Антонова на соискание ученой степени доктора наук в целом, можно заключить, что она представляет собой самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, в которой на основании проведенных автором исследований разработаны теоретические положения, решена научная проблема, имеющая большое значение для совершенствования процедуры, тактики и методики уголовного судопроизводства и отправления правосудия в условиях международного вооруженного конфликта.

При этом в процессе изучения работы у оппонента возникли уточняющие вопросы, требующие пояснения при защите.

1. На странице 63 диссертации автор правильно указывает, что выполнение функции расследования преступлений и тем самым защита прав граждан должны соотноситься с принципом целесообразности, заботой о жизни и здоровье работников правоохранительных органов.

В работе в зависимости от степени обусловленности конфликтом преступления, совершаемые на территории вооруженного конфликта, систематизированы по группам:

1) преступления, на совершение которых наличие или отсутствие вооруженного конфликта не влияет или влияет минимально;

2) преступления, непосредственно связанные с вооруженным конфликтом или постконфликтной ситуацией;

3) преступления, совершение которых возможно исключительно в «военное» время (с. 66).

Принцип целесообразности (с. 196) в концепции автора проявляется в том, что если вооруженное столкновение содержит угрозу следственному персоналу, то преступления регистрируются, но не расследуются (с. 315).

В обычных условиях (вооруженный конфликт отсутствует) в уголовном судопроизводстве действует другой принцип – принцип процессуальной экономии. Принцип в отдельной норме закона не закреплен (собственно, как и принцип целесообразности), но законодатель его придерживается. За счет упрощения форм и процедур «полномасштабного» расследования (с. 241-242) принцип позволяет более рационально расходовать временные, людские, организационные ресурсы. В представленной работе не раскрывается позиция автора о целесообразности (нецелесообразности) закрепления этого принципа в предлагаемой концепции. На странице 388 со ссылкой на ст. 34 недействующего Закона РСФСР от 17 мая 1991 г. N 1253-1 «О чрезвычайном положении»^{*} указывается: «использование любых видов и форм ускоренного или чрезвычайного судопроизводства запрещается».

На защите представляется целесообразным по обозначенному вопросу раскрыть авторскую позицию о возможности использования названного принципа в процессуальной деятельности следственных подразделений на территории вооруженного международного конфликта.

2. Абсолютной поддержки заслуживает обоснованная в диссертации потребность разработать на международном уровне минимальные стандарты расследования. Их неукоснительное соблюдение должно обеспечивать определенный круг естественных прав граждан, проживающих на территории протекания вооруженного противостояния. Минимальный набор требований должен соблюдаться вне зависимости от того, «работает ли международная следственная группа на территории, подконтрольной международной администрации, либо имеются действующие местные органы власти, сотрудничающие

в той или иной форме (степени) с международными специалистами» (с. 409, 468).

Правильное предложение разработать минимальные стандарты расследования не имеет адресата (исполнителя).

Соответственно, возникают вопросы к соискателю:

а) относительно уровня, на котором данные стандарты должны быть приняты (ООН, Совет Европы, Европейский Суд по правам человека);

б) относительно формы, в которую должны быть облечены минимальные стандарты расследования (конвенция, резолюция, постановление).

3. Автор работы справедливо отмечает, что право является определяющим фактором и источником методических рекомендаций криминалистики (с. 109). В авторской концепции праву отведено особое значение. В концепции право составляет самостоятельный элемент, существующий наряду с методикой. С опорой на практику такое положение мотивируется тем, что национальное право в зоне вооруженного конфликта не реализуется, «все действия правоохранительных органов, подконтрольных временной (международной) администрации, и, в частности, расследование преступлений... нуждается в особом правовом обеспечении, соответствующим образом отвечающим сложившимся условиям» (с. 109). На современном этапе следственные группы с международным составом в своей следственной деятельности опираются на международное право, центральным звеном которого является Конвенция о защите прав человека и основных свобод^{**}. Миротворческие миссии ориентируются также на решения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). В работе обобщается практика ЕСПЧ (с. 51, 114, 127-131, 201-202 и др.). Автор работы признает ценность правоприменительной практики ЕСПЧ и важность «пользоваться ею в рамках данного исследования» (с. 126).

Решения ЕСПЧ и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод подлежали применению

^{*} Утратил силу в связи с принятием Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».

^{**} Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 1 нояб. 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

российскими судами, являлись для них обязательными. Однако Российская Федерация денонсировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и ряд ее протоколов (с. 127). Соискатель указывает, что в настоящее время Россия не является ни членом Совета Европы, ни государством-подписантом Конвенции о защите прав человека и основных свобод*. В связи с этим возникает вопрос о том, не станет ли выход Российской Федерации из Совета Европы и денонсация ряда международных актов препятствием для включения российского контингента в состав дальнейшей миротворческой деятельности.

* О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федер. закон от 28 февр. 2023 г. N 43-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

В заключение следует отметить, что диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, которые свидетельствуют о личном вкладе ее автора в развитие уголовно-правовых наук.

Предложенные А.Н. Антоновым решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация «Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта (правовое обеспечение, организация, методика)», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, соответствует критериям, предусмотренным для работ подобного рода.

Научная специальность: 5.1.4

Отзыв на диссертацию Н.А. Андроник «Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования»*

Светлана Сергеевна Чернова,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, chernovaswetlana@mail.ru

Аннотация. В отзыве отражены основные положения диссертационного исследования, посвященного комплексному анализу мер пресечения, избираемых судом по ходатайству органов предварительного расследования. Рассмотрен ряд сформулированных соискателем выводов и предложений, научная обоснованность и практическая значимость которых не вызывают сомнений. Отмечено, что диссертантом предложены авторские определения понятий «эффективность мер пресечения», «основание избрания мер пресечения», «условия избрания мер пресечения», выделены критерии эффективности мер пресечения, разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в части уточнения порядка избрания судом по ходатайству органов предварительного расследования мер пресечения, а также их применения. Высказаны дискуссионные замечания и обозначены моменты, нуждающиеся в уточнении. Сделан вывод о том, что диссертация Н.А. Андроник является завершённой и самостоятельной работой, полностью соответствует предъявляемым к кандидатским диссертациям требованиям, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Ключевые слова: мера пресечения, обвиняемый, подозреваемый, эффективность мер пресечения, избрание мер пресечения, применение мер пресечения

Для цитирования: Чернова С.С. Отзыв на диссертацию Н.А. Андроник «Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2 (64). С. 96-102.

Review of the thesis by N.A. Andronik "Preventive measures, chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation"

Svetlana S. Chernova,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, chernovaswetlana@mail.ru

Abstract. The main provisions of the dissertation research, devoted to a comprehensive analysis of the preventive measures, chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies, are reflected in the review. A number of conclusions and proposals, formulated by the applicant and undoubtedly scientifically valid and practically significant, are considered. It is noted that the author's definitions of the concepts "effectiveness of preventive measures", "grounds for electing preventive measures", "conditions for electing preventive measures" are proposed in the dissertation research. Some criteria for the effectiveness of preventive measures are identified. The draft federal law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" is developed in terms of clarifying the procedure of electing and applying the preventive measures, chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies. Some comments are made and some points needing clarification are noted for the sake of argument. It is concluded that the dissertation research of

* Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Екатеринбург, 2022. 222 с.

N.A. Andronik is a completed and independent work, fully complying with the requirements for doctoral dissertations; its author deserves the award of the required academic degree.

Keywords: preventive measure, accused, suspect, effectiveness of preventive measures, election of preventive measures, application of preventive measures

For citation: Chernova S.S. Review of the thesis by N.A. Andronik "Preventive measures, chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 2 (64). P. 96-102.

Вопросы, связанные с применением в уголовном судопроизводстве мер пресечения, ограничивающих неприкосновенность и свободу человека, неоднократно подвергались научному исследованию применительно к различным стадиям уголовного процесса. Вместе с тем они не утратили своей актуальности и в настоящее время, поскольку многие из них носят дискуссионный характер, а некоторые вопросы требуют принципиально нового подхода и осмысления в свете социально-экономических преобразований, происходящих в Российской Федерации. Кроме того, законодатель, признав незавершенной попытку систематизации мер пресечения, предпринятую в 2001 году с принятием УПК РФ, продолжает реформировать главу XIII УПК РФ посредством регулярного внесения изменений, регламентирующих деятельность сотрудников правоохранительных органов, связанную с применением мер пресечения.

В частности, Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. N 72-ФЗ* УПК РФ был дополнен положениями о новой мере пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), которая должна стать альтернативой содержанию под стражей и частью общей тенденции к гуманизации уголовного правосудия.

Вместе с тем необходимо отметить, что в УПК РФ уже предусмотрена мера пресечения в виде домашнего ареста, которая является альтернативой мере пре-

сечения в виде заключения под стражу. При этом на законодательном уровне на протяжении нескольких лет предпринимаются попытки ее усовершенствования путем устранения проблем, возникающих в правоприменительной практике. Так, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ** в ст. 107 УПК РФ внесены изменения, регламентирующие процессуальный порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Кроме того, дополнительные разъяснения даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41***.

Однако, рассматривая меры пресечения в целом, необходимо констатировать, что домашний арест так и не стал реальной альтернативой заключению под стражу. Государственные органы и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, отдают предпочтение другим мерам пресечения, а именно заключению под стражу и подписке о невыезде.

Очевидно, что введение в УПК РФ нормы о новой мере пресечения в виде запрета определенных действий является не чем иным, как очередной попыткой оптимизировать применение мер пресечения на законодательном уровне.

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Там же.

*** О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 41: ред. от 11 июня 2020 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://vsrf.ru>

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18 апр. 2018 г. N 72-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Кроме того, существуют и многочисленные пробелы в правоприменительной практике, следствием которых являются нарушения прав участников уголовного судопроизводства и ненадлежащая защита их интересов. Например, меры пресечения нередко избираются при отсутствии оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ. Об этом свидетельствуют обзоры практики рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения, подготовленные Верховным Судом Российской Федерации, а также статистические данные о количестве отклоненных ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий.

Таким образом, предпринятая в диссертации попытка комплексного анализа проблем правоприменения и законодательного регулирования мер пресечения, избираемых судом по ходатайству органов предварительного расследования, представляется весьма интересной и актуальной. Предыдущие обращения ученых к вопросам мер пресечения, избираемых судом по ходатайству органов предварительного расследования, не смогли ни исчерпать тему, ни уменьшить ее актуальность.

Научная новизна диссертационного исследования Н.А. Андроник подтверждается разработкой и обоснованием теоретической модели механизма избрания и применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий. Диссертантом сформулировано авторское определение понятия «эффективность мер пресечения», установлены критерии эффективности.

Научную новизну диссертационного исследования определяют положения, выносимые на защиту, а также выводы и предложения соискателя.

На основании проведенного исследования разработан проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в части уточнения порядка избрания и применения мер пресечения.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и предложения вносят опре-

деленный вклад в науку уголовного процесса, способствуют оптимизации действующего законодательства и практики его применения. Выводы и практические рекомендации могут быть использованы в дальнейших научных разработках, в нормотворческом и учебном процессе.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, высокая, их достоверность обеспечивается методологией исследования, обширной эмпирической базой, которую составили 175 уголовных дел, 248 судебных решений.

Автором проведено репрезентативное социологическое исследование – опрошено 170 сотрудников подразделений следствия и дознания МВД России, 116 сотрудников прокуратуры Российской Федерации, широко использовался статистический материал.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в монографии, учебном пособии, 23 научных статьях, 6 из которых опубликованы в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, определенный ВАК при Минобрнауки России. В необходимой мере осуществлена апробация исследования в виде докладов на межведомственных, всероссийских и международных научно-практических конференциях. Результаты исследования используются в образовательном процессе и внедрены в деятельность органов внутренних дел.

Объем диссертационной работы Н.А. Андроник составляет 222 страницы, включая список литературы, состоящий из 227 источников, 8 страниц занимают приложения. Основной текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, содержащих восемь параграфов, заключения и списка литературы.

Во введении обосновываются актуальность темы, степень ее научной разработанности, определены объект и предмет исследования, цель и задачи. Дана характеристика методологической и теоретической основы исследования, перечислены использованные в работе методы. Пред-

ставлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обоснована достоверность полученных результатов исследования. Сформулировано 8 положений, выносимых соискателем на защиту, в которых отражены основные результаты исследования.

Первая глава «Теоретические основы избрания мер пресечения в российском уголовном процессе» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «История развития мер пресечения в отечественном законодательстве и правоприменительной практике» диссертант анализирует истоки зарождения и развития в России института мер пресечения, а именно: заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий. Аргументированно указывается на взаимосвязь эволюции института мер пресечения с экономическим развитием государства, а также «периодами становления прав и свобод человека и гражданина» (в том числе конституционных прав личности). Соискатель делает вывод о несовершенстве механизма избрания и применения мер пресечения, затрагивающих конституционные права личности, и необходимости реформирования института мер пресечения.

Во втором параграфе «Понятие, сущность и виды мер пресечения в уголовном процессе России. Отличительные признаки мер пресечения, избираемых по решению суда» диссертант, анализируя научные подходы к понятию и сущности мер пресечения, формулирует определение понятия «меры пресечения». Соискателем исследованы существующие в теории уголовного процесса классификации мер пресечения и предложена авторская классификация в зависимости от степени строгости, определяемой воздействием на права и свободы обвиняемого (подозреваемого) (максимально строгие, строгие, минимально строгие), и порядка избрания меры пресечения (избираемые по судебному решению, избираемые следователем, дознавателем самостоятельно). Выделены признаки, отличающие меры пресечения, избираемые по решению суда, от других мер пресечения.

В третьем параграфе «Понятие и критерии эффективности применения мер

пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» соискатель на основе анализа понятий «эффективность» и «эффективность права» предлагает авторское определение понятия «эффективность меры пресечения» и выделяет критерии эффективности мер пресечения.

Вторая глава «Процессуальные особенности избрания мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Основания и условия избрания мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» диссертантом исследуются условия и основания избрания мер пресечения, выделяются условия, при соблюдении которых результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основаниями для избрания мер пресечения. Представляет интерес вывод о том, что тяжесть содеянного должна быть одним из главных обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения. Логичным завершением параграфа стали сформулированные соискателем определения понятий «основания избрания мер пресечения» и «условия избрания мер пресечения».

Во втором параграфе «Порядок и сроки избрания в качестве мер пресечения заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» Н.А. Андроник анализирует термины «избрание» и «применение» по отношению к мерам пресечения. Проведенный анализ позволил диссертанту предложить авторские определения понятий «избрание меры пресечения», «применение меры пресечения» и сделать вывод о необходимости внесения соответствующих уточнений в уголовно-процессуальное законодательство. Соискателем аргументируется позиция, согласно которой судья должен быть наделен правом ограничить обвиняемого (подозреваемого), его защитника и законного представителя в ознакомлении со всеми материалами, представленными органами предварительного расследования в суд в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения. Также заслуживает внимания предложение об умень-

шении продолжительности свидания подозреваемого с защитником до начала допроса и времени предоставления материалов в отношении задержанного в суд для решения вопроса об избрании меры пресечения.

Третья глава «Проблемы применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Применение меры пресечения в виде заключения под стражу и пути ее оптимизации» соискатель обосновывает целесообразность дифференцированного подхода к избранию мер пресечения, в том числе заключения под стражу. Аргументируется позиция, согласно которой целесообразно предусмотреть возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по делам об особо тяжких преступлениях «по мотиву только одной тяжести содеянного, а по тяжким преступлениям учитывать основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ в дополнение к тяжести преступления». Н.А. Андроник акцентирует внимание на отсутствии в ст. 100 УПК РФ понятия «исключительность» и выделяет обстоятельства, указывающие на возможность применения меры пресечения в отношении подозреваемого.

Во втором параграфе «Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы применения и повышения эффективности» анализируются вопросы избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий. Критической оценке подвергается действующее законодательство, следствием несовершенства которого, по мнению диссертанта, является сложность процедуры избрания домашнего ареста и «неопределенность в отношении способов контроля». Соискателем сделан вывод о том, что при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста должно учитываться мнение членов семьи, проживающих совместно с обвиняемым (подозреваемым), собственника жилого помещения, если обвиняемый (подозреваемый) является нанимателем жилища. Представляет интерес вывод об ужесточении контроля за входом в жилое помещение в месте

исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста «с помощью обязательной визуальной фиксации, без согласия проживающих в жилом помещении лиц». Кроме того, соискателем приведены аргументы, указывающие на целесообразность ограничения прав, предусмотренных ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, в отношении не только обвиняемого (подозреваемого), но и «всех членов семьи».

В третьем параграфе «Совершенствование регламентации и практики применения залога как меры пресечения» Н.А. Андроник, рассматривая порядок избрания и применения залога, указывает на его низкую эффективность в системе мер пресечения. Анализируя предмет залога, диссертант делает вывод о том, что залог в качестве меры пресечения будет эффективен только в том случае, если предметом залога будут «наличные денежные средства Российской Федерации». Критически оценивая установленный в законодательстве минимальный и максимальный размер залоговой суммы, соискатель указывает, что размер залога должен быть не меньше имущественного вреда, причиненного совершенным преступлением. Заслуживает внимания вывод о целесообразности избрания залога только по «группе экономических преступлений», поскольку избрание залога по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, излишне, а по уголовным делам о преступлениях, характеризующихся повышенной степенью общественной опасности, — неэффективно.

В завершающем разделе диссертации — заключении — подведены итоги исследования и представлены главные выводы.

Характеризуя работу в целом, следует отметить ее актуальность и практическую значимость, полноценность реализации комплексного подхода к анализу проблем правоприменения и законодательного регулирования мер пресечения, избираемых судом по ходатайству органов предварительного расследования. Важным результатом диссертационного исследования является разработка соискателем предложений, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального

законодательства и сложившейся правоприменительной практики.

Таким образом, диссертационное исследование Н.А. Андроник оценивается как отвечающее необходимым требованиям, предъявляемым к работам такого рода.

На основании анализа материалов диссертационного исследования можно сделать заключение о том, что поставленная соискателем цель достигнута.

Вместе с тем следует обратить внимание на некоторые моменты, являющиеся предметом дискуссии:

1. Позиция соискателя, указавшего в качестве обоснования «исключительности» избрания меры пресечения в отношении подозреваемого на нарушение подозреваемым ранее избранной меры пресечения, на наш взгляд, нуждается в уточнении, поскольку в соответствии со ст. 110 УПК РФ при наличии подобного обстоятельства речь идет не об избрании меры пресечения, а о ее изменении.

2. В целом соглашаясь с мнением соискателя о недостаточной эффективности мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, необходимо отметить, что вывод диссертанта основан на анализе первых двух критериев эффективности мер пресечения, указанных в положении 2, выносимом на защиту. Представляется, что автор в своей работе обошел вниманием изучение эмпирического материала, указывающего на количество лиц, совершивших в период применения к ним меры пресечения новое преступление, скрывшихся от предварительного расследования и суда, «оказавших незаконное противодействие производству по уголовному делу или обеспечению исполнения приговора», то есть тех обстоятельств, которые составляют третий критерий эффективности мер пресечения, — «максимальная степень достижения цели применения меры пресечения».

Кроме того, на наш взгляд, нуждается в уточнении указание соискателем в качестве второстепенного показателя эффективности мер пресечения на «определенную экономию принудительных мер».

3. Поддерживая положение 6, выносимое на защиту, в части необходимости при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста учитывать мнение лиц,

проживающих совместно с обвиняемым (подозреваемым), собственника жилого помещения, если обвиняемый (подозреваемый) является нанимателем или на иных законных основаниях проживает в жилище, представляется нелогичным подход диссертанта к изложению в подготовленном законопроекте статьи 107 УПК РФ, в которой круг лиц сужен путем замены формулировки «лица, проживающие совместно с обвиняемым (подозреваемым)» на формулировку «члены семьи, проживающие совместно с обвиняемым (подозреваемым)».

4. Несмотря на положительную оценку предложений соискателя в части совершенствования регламентации избрания и применения залога в качестве меры пресечения, вызывает сомнения целесообразность подхода к изложению в подготовленном законопроекте статьи 106 УПК РФ, в которой формулировка о размере залога, указанном в положении 7 (с. 14), выносимом на защиту, — «не менее размера причиненного преступлением материального ущерба», заменена словами «размер залога определяется судом с учетом характера совершенного преступления, имущественного вреда...».

Высказанные замечания касаются отдельных аспектов диссертации и не умаляют теоретической и практической значимости работы, не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования, содержание которого соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

При этом следует обратить внимание на некоторые неточности:

1) рассматривая вопросы избрания и применения мер пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), соискатель использует термин «несовершеннолетний преступник». Подобный подход к терминологии, на наш взгляд, противоречит принципу презумпции невиновности, предусмотренному положениями ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ, в соответствии с которым до вступления в законную силу обвинительного приговора или постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию недопустимо использовать фор-

мулировки, из содержания которых следовало бы, что то или иное лицо совершило преступление;

2) рассматривая историю развития мер пресечения в отечественном законодательстве, диссертант допускает неточность, указывая, что в УПК РСФСР 1922 года заключение под стражу «названо арестом», при избрании которого рассматривались «обстоятельства о личности преступника». В статьях 147, 161-163 УПК РСФСР 1922 года речь идет о мере пресечения в виде заключения под стражу, избираемой в отношении обвиняемого. Аналогичным образом, анализируя УПК РСФСР 1923 года, УПК РСФСР 1960 года, соискатель указывает в качестве меры пресечения на арест вместо используемого законодателем термина «заключение под стражу».

Аннотация диссертации полностью отражает основное содержание диссертации Н.А. Андроник и соответствует требованиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Полученные в ходе исследования результаты опубликованы в 25 работах автора и докладывались на научных и научно-практических конференциях различных уровней.

На основе изложенного следует признать, что диссертация Н.А. Андроник «Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования» является завершенной и самостоятельной научно-квалификационной работой монографического характера, в которой на основе проведенного исследования решена задача, имеющая значение для науки уголовного процесса и правоприменительной практики. Автором сформулированы новые положения, свидетельствующие о личном вкладе в развитие уголовно-процессуальной науки. Диссертация соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*, и научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, а ее автор — Наталья Ауреловна Андроник заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

* О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 18 марта 2023 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>